

Надежда
Чернова

КАЗАЧИЙ КРУГ

Эссе

БЕРЕНДЕЕВО ЦАРСТВО

А вот ещё одна гипотеза о нас. Как указал Гумилёв, до появления названия «**казаки**» предков наших, терских хазар-христиан, на Дону называли **бродниками**. Бродники – потому что бродили сами по себе, никому не подчиняясь и указывая тайные «броды» на Русь и в Половецкое поле тем, кто им платил. Потом, на смену бродникам, пришли «**берендеи**» и «**чёрные клобуки**», которые определились с местом службы: русские княжества.

Берендей, Берендеево царство... Мы с детства слышали эти сказочные слова. За века изменился смысл слова «берендей». Мы знаем **берендейки** – детские игрушки, выточенные из дерева. А мастера, что делают такие игрушки, – **берендечники**. **Берендейки** – пустяки, безделки. Берендить, по Словарю В. Даля, что-то бить, строгать, или – *спорить, перечить*. Последнее значение подходит казакам: они народ поперечный! *Берендейками* в старой России называли и амуницию воина (казахское **берец** – кольчуга из высококачественной стали). А первоначально слово «берендей» происходит от тюркского «**беринди**», что означает «*предавшиеся кому-то, отдавшие себя*».

Берендеи в самом деле были наёмниками в дружинах русских князей, куда приходили, теснимые более сильными соплеменниками-половцами. Они отличались от остальных наёмников жестокостью к половцам (за долгое унижение: их же половцы за людей не держали).

Олжас Сулейменов в книге «Аз и Я» в главе «**Берендеи**» пишет о них:

«В 1155 году берендеи, состоящие на службе у Юрия Долгорукого, захватили в плен много половцев. Уцелевшие сбежали в степь за “помочью”, подошли к Киеву и просили Юрия, чтобы он приказал наёмникам вернуть пленных. Долгорукий только руками развёл, ибо берендеи отказались: “Мы умираем за русскую землю с твоим сыном и головы свои складываем за твою честь”. Они отстаивали своё право федератов на военную добычу и право изгоев на месть».

Берендеи, как и большинство торкинов, жили на Руси постоянно, с “родом своим”. Они хотели за службу не денег, как того требовали варяги у новгородцев, но города для жительствова (бенефицию).

Окончание. Начало в №№ 6–7.

В 1159 году предводители берендеев **Дудар Сатмазович, Каракоз Миюзович и Кораз Кокей** сочли для себя выгодным перейти от князя **Изяслава** – к **Мстиславу**. Они послали Мстиславу сказать: “Если нас хочешь любить, как нас любил отец твой, и по городу лучшему (лучшему) нам дать, то мы на том от **Изяслава** отступим”. Мстислав согласился и выделил для них города...”

Один из таких городов существует до сих пор – это **Бердичев**, который ещё в XVIII веке назывался **Берендичев**.

* * *

Были и другие наёмники-беринді, вышедшие из Половецкого поля, – **чёрные клобуки**. Они добились больших успехов, чем берендеи, перейдя к русским.

В комментариях к своей «Истории» **Е. Бекмаханов** пишет: «**Чёрные клобуки** (тюрк. “*қарақалпақ*” – “чёрный колпак”) – общее название тюркских вассалов киевских князей, расселённых в Поросье, начиная с конца XI века. Впервые название “чёрные клобуки” было упомянуто в **Ипатьевской летописи в 1146 году**, последний раз – в 1193 году. По сообщению летописи, в состав чёрных клобуков входили *торки, печенег, берендеи и ковуи*».

Пишет о чёрных клобуках и **Олжас Сулейменов** в «Аз и Я», снова опираясь на русские летописи:

«Ещё одним, очень распространённым именем “своих” тюрков стало – “чёрные клобуки” (историки считают буквальным перевод известного поныне тюркского этнонима – Каракалпак). Если ковуи – гвардия черниговских князей, то чёрные клобуки – киевских. Чёрные клобуки очень влиятельны в Киеве XII века. Участвуют в киевском вече, наравне с русским населением избирают князя. Их мнение в выборе князя постоянно подчёркивается летописью.

Сын Юрия Долгорукого обращается к своему отцу в 1149 году со словами: “Слышал я в Киеве, что хочет тебя вся Русская земля и Чёрные клобуки”.

Смерть киевского князя **Изяслава** оплакивала “вся Русская земля и все чёрные клобуки”. А когда на киевский престол прибыл **Ростислав Мстиславич** (сын Владимира Мономаха), то “были рады все: и вся Русская земля, и все чёрные клобуки обрадовались”.

После смерти Ростислава киевляне и чёрные клобуки приглашают **Мстислава**. Эта характерная формула “вся Русская земля и чёрные клобуки” показывает, какое активное участие в политической жизни Киева принимало **племя Каракалпак**».

Добавлю: племя это не только принимало активное участие в политической жизни Киева, но и столь же активно мешалось со славянами, подготавливая **появление казачества – со славяно-тюркской кровью**. И сами чёрные клобуки становились немного русскими.

*Как в песню, вслушиваюсь в Слово,
И Слову русскому молюсь,
Но слышу отзвуки былого,
Где нераздельны Степь и Русь.
Несётся конь. Мелькают вешки.
Стрелой пробиты облака.
Из тьмы времён глядят с усмешкой
Глаза шального казака.*

Он Степь прошёл, врага развеяв,
 Но взгляда не отвести от глаз:
 Степное племя берендеев
 Смотрит прищуром чёрных глаз.
 Они скуласты и раскосы,
 Но простодушны, как и мы,
 И у степнячек пахнут косы
 Снегами русскими зимы.
 Мы любим, крестим и венчаем.
 В букет берём полынь и злак.
 И мы давно не различаем,
 Где берендей, а где казак...

КАЗАЧЬЯ СВАДЬБА У ВХОДА В ШАМБАЛУ

Поскиталась я по свету, по народам – **в поисках себя**, вглядываясь в чужие лица, где с радостью находила родственные черты, наслушалась разноязыких песен и легенд, ловя в них отзвук казачьей души. Погостила и у казаков разных войск: Запорожских и Донских (Кубанских), Терских с Гребенской линии, Яицких (Уральских). Пора домой! Пора возвращаться в **родное Прииртышье**. Не обошёл воображаемый мой конь и **казачий Алтай**. Я лишь краем коснулась этой богатой не только недрами, но и талантами земли. Теперь мы здесь спешимся, поживём у наших родичей – сибирских казаков, погуляем на казачьей свадьбе, послушаем здешних поэтов, которые ещё кое-что расскажут о нас. Их много, и невозможно всех показать, потому выделю самых ярких. Был казак **Валентин Голиненко**. Был казак **Валентин Балмочных**. Царствие им небесное! В станице Подгорной живёт собирательница казачьего фольклора и замечательная песельница казачка **Нина Ершова**.

Вот частушки от Нины Ершовой, записанные в Мал-Нарымке:

Пойду-разойдусь,
 Я в плохого не влюблюсь.
 Коли он меня не любит –
 Я сама к нему набьюсь!

Мы с подругой спели-спелись,
 Как собачки, слялись:
 Одного мы полюбили –
 И любить закаялись!

Ох, ох, не дай Бог,
 С казаками знаясь!
 Казак сядет да уедет –
 Трудно расставаться!

Среди казаков немало староверов – например, казак и поэт **Илья Кулёв**. Пишет о старой вере, **о поисках себя** и другой поэт – **Сергей Комов**:

Года проходили. Пути. Переезды.
Себя я нашёл, но успел потерять
 Кержацкий «Псалтырь», «Откровение Ездры».
 Осталась затёртая в клочья тетрадь...

Из этой «затёртой тетради» с древними молитвами черпал поэт духовные силы. И ещё из одной тетради, в которую, будучи студентом-филологом, записывал рассказы и притчи старых людей алтайских деревень и станиц (*казачью колыбельную песню из этой тетради я цитировала в главе «Казачата и казачки»*).

Есть три Алтая: национальная республика России Горный Алтай, со столицей в Горно-Алтайске; Алтайский край России, со столицей в Барнауле; и Рудный Алтай Казахстана, со столицей в Усть-Каменогорске. Есть и четвёртый – китайский Алтай.

Алтайская таёжная да горная земля всегда была средоточием Духа, сильных характеров, загадочных сияний. Здесь – истоки многих древних цивилизаций и особой, космической энергии, которая заряжает всякого, кто войдёт в пределы Алтайских гор. Здесь по лесам и горам бродят благородные олени – реликтовые маралы: таких нет больше нигде! Их драгоценные панты целебны.

Уроженец Восточного Казахстана, казак **Георгий Гребенщиков** писал в очерке «Алтай – жемчужина Сибири»: «*О, если бы только люди могли быть достойны данных им даров природы! Если бы им удалось когда-нибудь возвысить свою жизнь до тех сверканий белизны и святости, которые блистают на высотах, – как зацвела бы жизнь нашей планеты, с какой неизречённой красотой засияла бы корона двуглавой заоблачной царицы Алтая Белухи, прозванной алтайским народом престолом Бога!*»

Здесь, среди Алтайских гор, искали староверы землю счастья, благоденствия и воли – **Беловодье**, о чём в балладе «**Кара-Буран**» рассказал казак **Евгений Курдаков**:

*Мы ищем, хозяин, страну Беловодье.
 По книгам, которые взяли с собой,
 Страна эта там, далеко на востоке,
 За чёрной пустыней, за горной грядой.
 Там белые реки и светлые нивы,
 Пшеница родится там сам-пятьдесят,
 Там издавна вольные люди счастливы,
 И в радости Господа благодарят.
 Там птицы – несметно, несчитано – зверя,
 Там в вечном цветении сказочный лес,
 Там старая вера, там истинно верят,
 И всем благодать ниспадает с небес (...)*

*Мы русские люди. Терпенье и вера
 Ведут нас, и нет нам возврата назад.
 За путь бесконечный, за муки без меры
 Нас ждёт в утешенье взыскующий град.*

*И там, когда вдруг загудят на подходе
Со звонниц невидимых колокола,
Откроется взорам страна Беловодье,
Куда эти годы нас вера вела...*

Здесь, на Алтае, по древним преданиям, находится вход в заповедную **Шамбалу** – в другое измерение, в мир справедливости и добра. Тюрки тоже искали туда путь, представляя эту заповедную страну святым Островом, где реки полны «млеком и мёдом», и называли сказочный Остров – «**Шамбалын**», и он тоже был для них прибежищем их веры, которую они считали истинной.

Места эти, словно с небес опустившийся рай,
Пронизанный музыкой, песней небесною край.
Душевные раны легко исцеляются тут.
Полгода снега по предгорьям холмистым метут,
Полгода – здесь лето в цветенье зелёном степей.
«Пусть будет Алтай золотой колыбелью людей!» –
Былинный сказитель-абыз так когда-то сказал...

Сказитель этот – **Акыт-кажа**. О нём, его легендах и заветах народу поведал в своей поэме «*Песня Сулубая*» замечательный казахский поэт **Галым Жайлыбай**, а я перевела.

Одна легенда – о волшебной **Белой Птице**: её оперенье из серебра, клюв – бриллиантовый, ноги – из струн золотых. Когда появляется эта Белая Птица – гром гремит, как благая весть, «*что счастье с везеньем на свете безрадостном есть!*» Птица являет «*сиянье чудес*»: «*Покой благоденствия к людям нисходит с небес. / Живут они в мире, без горестных, тёмных страстей / И песнею жизни своих поднимают детей*». Люди видели такой Белой Птицей, распластавшей крылья над благодатной землёй, снеговые горы Алтая. Народ-поэт был уверен: чьему взору откроется этот образ – тот отмечен Богом, тот будет счастлив.

Столь же чудесен и **Белый Скакун** из второй легенды Акыта-кажи:

*Он ржёт и ликует! И тем, кто о счастье забыл,
И радость, и смех, и любви нестареющий пыл –
Сулит благодать этим людям, прошедшим сквозь смерть.
Был век переменчив, тянул их в свою круговерть,
Но Белый Скакун в облаках незакатных летит,
И лоб его белый от влаги жемчужной блестит.
Он близко уже, и он голос с небес подаёт...
Два раза уже, говорят, его видел народ.
О днях справедливых сложил он легенду свою,
О Белом Коне, промелькнувшем в былинном краю.
Упавшей звездой он растаял...
Пусть жизнь нелегка,
И крут перевал, и моя задохнулась строка,
Но разве предания – ложь? Ведь легендам – века...*

Об Алтае, о Великом Иртыше много писал упомянутый уже мной казак Евгений Курдаков, рано ушедший из жизни. Кроме баллады «Кара-Буран», есть у него и ещё одна «алтайская» баллада – «Чудь», из неё я хочу процитировать несколько строф, вслушиваясь в неповторимый язык нашей земли, который волновал и восхищал поэта Курдакова. Курдаков говорил, что хочет «спуститься по языку» к его первоначальным истокам. Язык открывал ему заповедные глубины русской речи, переплетенной с тюркскими, угро-финскими корнями и корнями других народов, и, может, когда-то люди говорили на одном языке. Это древняя мечта людей – говорить на одном языке. По преданию, Чингисхан хотел создать вечное государство – огромную страну, в которой бы люди не делились на расы, религии, языки, а были бы едины, и язык у них был один. Кто знает, может, когда-то подобное и случится, но тогда, мне кажется, утратится драгоценное многообразие народов и наречий, краски и образы мира станут беднее.

Язык помогал Евгению Курдакову в народах и веках найти себя.

...Умолкли легенды, забылись преданья,
Последний свидетель, ты тоже молчишь,
Текущий от Яра по древней Яркани
Яр-теч белоярый, Великий Иртыш.

.....
Здесь некогда время варило, месило
Ту дымную правду в огне и золе,
Что бронза – не боронь, но бранная сила,
Когда её больше, чем надо земле.

.....
Когда из глухого чудского горнила
Сородичей вывел к заветной стране
Всё тот же Атей ли, Атис ли, Аттила, –
Извечный Отец на победном коне...

.....
Зачем, отчего так тревожат названья
Курчума, Нарыма, Калбы и Сибин,
Как полупонятное напоминанье,
Завет и преданье далёких глубин?

Как будто мы сами по свету блуждали,
Плутали, кружили в кругу вековом,
И снова к себе возвратились из дали,
И дом свой забытый едва узнаём;

Где, как за беспмятство, эхом расплаты
Доносится в звуках Ульбы и Убы
Забытое: Альба – Алабырь – Алатырь,
Как сон Беловодья, как память судьбы, –

Где всё, как и прежде, сияют туманно
Алтай, Синегорье, Ярканы, Шамбала,

Где русая Чудь непонятно и странно
Своё отчудила и в землю ушла...

Отсюда, где «чудила Чудь», которая пришла к нам когда-то из заповедной Руси, с Чудского озера, отсюда – с алтайского Зайсана, а потом и с берегов Павлодарского Прииртышья родом вдохновенная, яркая поэзия **Павла Васильева**, о котором я то и дело говорю в своих заметках о казачестве, потому что Словом его пропитан воздух нашей земли – степной, лесной, раздольной, потому что в Слове его – гуляет на воле казачья душа.

Ой, звонок на ветру Иртыш!
На поворотах волны гибки.
В протоках медленных камыш
Зелёные качает зыбки...
Здесь в сорок лет не перебить
От корма ожиревшей птицы,
И от Алтая до Оби
Казачьи тянутся станицы...

А вот казачья частушка из его поэмы «*Песня о гибели казачьего войска*»:

Ей, да не ходи
Смотреть, забава, скачку,
Ты напрасно, любушка,
Да не прекословь,
Если не слюбились
Мы с тобой, казачка,
Если закатилась ранняя любовь!

Яркий, ярый, сильный казачий характер показан и в стихах **Любови Медведевой**, в цикле «**Казачий норов**». Люба сама воплощает в себе образ гордой казачки, которая стойко принимает удары судьбы и никогда не унывает, как и те казачки, о которых она пишет: они умеют и веселиться, и терпеть беду, и стойко нести бабий крест.

*Если пляска – до самой зари!
Если песня – душа наизнанку!
Так что сердце неделю горит
Не от водки – от доброй гулянки!
Муж-то вечно у нас на войне,
На далёком тяжёлом походе.
Время родов и сева подходит –
Дом на бабьей, широкой спине.
Те же в нас красота и замес:
Хоть с ружьём, хоть с конём, хоть с телегой
Управляемся – муж-то в разбегах,
А детишки горазды поесть (...)*

*То война, то чума, то тюрьма.
Как болезных спасти от напасти?
Так уж душу пластаешь на части,
Ломишь спину с темна до темна...*

*По-казачьи платок подвяжу –
Я же в маму, казачку упрямую!
Путь богат мой буграми да ямами –
Перебраться бы через межу,
Через воды и через наделы,
Через пламенный чертополох.
Я в платочке, как исповедь, белом,
Дух отваги во мне не заглох! (...)*

*Пусть дороги ухабистей не было,
Буду топать да песенки петь.
Перед бедами, перед небылью
Вскину мамино слово: «Стерпеть!»*

Не единожды в своей жизни вспоминала Люба мамино слово: «Стерпеть!». Судьба испытывала её тяжёлым недугом, огнём, потерей родителей, брата, единственного сына, а она – не сдаётся.

*Не стоит подминать меня
Ни ветру, ни судьбе нещадной:
Взяла и вышла из огня –
Умылась воздухом прохладным...*

*Даже если боль невыносима,
Всё равно выносишь – и живёшь!..*

*Знаю, за горою,
За горюй-горою
Жаркий день цветёт!..*

Этот жаркий, яркий летний день незакатно цветёт в её стихах, будто и нет никаких преград для полёта над смертельной пропастью, по краю которой она идёт всю жизнь – на пределе сил, на упрямом казачьем характере, на весёлом нраве, на Божьей помощи. Её путь к храму выстрадан. **Для казаков вера стоит на первом месте**, потом уже идут верность воинской присяге и служение Отечеству.

*Прошиты дали плачем журавлей
И птиц неведомых неугомонным гамом.
Чем ниже тучи – тем поля белей,
Чем жарче боль – тем сердце ближе к храму...*

*Великая, скрытая в космосе сила
 Насквозь моё сердце лучами пронзила,
 Прошла сквозь меня золотым озареньем:
 За муки даруется острое зреньё.
 Я вижу, смежая усталые веки:
 Душа умещается не в человеке,
 Она разливается всюду, как свет,
 И смерти для духа парящего нет!*

На алтайских просторах, где сохранились ещё старинные русские песни и сказы, где живы до сих пор казачьи станицы, казачий говор, поднималась и крепла поэзия и **Сергея Комова из старинного казачьего рода Полетаевых:**

*Проходит мой прадед – рессора литая,
 Сгибать бесполезно – сам крепок собой.
 Все знают в округе: **Сергей Полетаев** –
 Казак чистокровный, к тому ж коренной.*

В честь прадеда и назван Сергей Комов. Он написал немало стихов о казаках, кое-что я уже цитировала. Не обошёл и тему смешанных казачьих кровей, называя исконные казачьи фамилии:

***Устиновы, Бутины и Столяровы**
 Все корни единого – **предок калмык,**
 Воспитан сибирской природой суровой,
 К которой с рожденья кочевник привык.
 Под Бийском в Антоньевской было станице:
 Один за другим хоронили детей,
 И вот Столяровы, чтоб роду продлиться,
Пригрели мальчишку джунгарских кровей.
 Они воспитали того калмычонка,
 Крестили, растили, дав пищу и кров.
 Женили на русской хорошей девчонке.
 С тех пор стал скуласт этот род Столяров.
 А были станичники крепко богатые,
 И на ноги встали, придя в **Чистый Яр.**
 Едва замечались черты азиата
 В далёких потомках угрюмых джунгар...*

Так заканчивались долгие войны между народами – любовью, породнением. Подобные казачьи семьи можно найти везде, где проживают казаки, но особенно, конечно, их много здесь, в Казахстане.

Рассказал Сергей и о нежной своей, детской дружбе с казахской девочкой **Бике**. Они выросли, пришло время расставаться: Сергей решил ехать в Россию. Бике принесла ему на прощание кусочки курта с отпечатками своих пальцев, как в детстве приносила, чтобы не забывал он своей азиатской родины.

Чтоб весёлой птицей трясогузкой
 Память мне перебегала путь.
Вспомню степь, где был я трижды русский,
 По-казахски знающий чуть-чуть.
 Я подслушал у курганов древних –
 Ковыли туманные звенят,
Что в России буду я – кочевник
И по нраву – трижды азиат!

Это и есть портрет сибирского казака Казахстана, в котором сошлись Великая Русь и Великая Степь: **в Казахстане он – трижды русский, в России – трижды азиат.** Казачьи корни переплелись с корнями кочевников, как и степные травы, – не разделить. Их выкашивают, корчуют, но они опять прорастают в новых поколениях. **Это – Евразия, это тип евразийца!**

Сергей сейчас живёт в Санкт-Петербурге, но каждое лето приезжает на Алтай, где у него на **Голубом заливе** есть своя деревня, куда он приглашает отдыхать всех желающих – в бревенчатые срубы, на таёжный воздух, на деревенское молоко, на свежевыволвленную рыбу. На тишину Природы, которая дарит умиротворение. На неповторимый казачий язык.

Но самым казачьим казаком был другой поэт с Алтая – **Виктор Веригин**, он и написал больше всех о казаках своего края, в том числе в цикле стихов **«Казачьи мотивы»**. Виктор прожил недолгую жизнь, в нищете и безвестности, при жизни не издав ни одной книги. Поэтический сборник **«Снег»** вышел уже посмертно, в 2012 году, на средства его друзей-поэтов. Сгубила его проклятая русская напасть – пьянство. Многие казаки соблазнились хмелем. Мой дед Павел Бутаков выпивал, из-за чего у них то и дело вспыхивали ссоры с бабушкой Таней. Пил мой дядя, мой крёстный Михаил Бутаков, и это сгубило его. Героем пришёл с войны, израненный, но живой – он один удержал высотку, отстреливаясь от немцев, когда погибли все его товарищи, а в единоборстве с бутылкой не выстоял.

Небо высокое, знобкое, синее.
 Щебет разбуженных светом синиц.
 И просыпается бражничать линия,
 Длинная линия, горькая линия
 Богом забытых казачьих станиц...

Есть много причин, отчего пьёт казак, но самая главная – ядовитая грызь в сердце: не смог он пережить гибель казачьего войска, уничтожение казачества и православной веры: *«Как трудно удержать планету на весу, / Когда на землю тень не падает от храма...»* Красная власть разрушила храмы и страну, выбросила казака, как ненужную ветошь. Книга Виктора Веригина – это **плач по казачеству**. Нет смысла в прозе рассуждать об этом, лучше читать стихи Веригина. Самое пронзительное стихотворение – **«Три коня»**, где в пятьдесят строк уложил поэт историю России, которой верно служили казаки, трагическую судьбу казачества, и рассказал он эту историю устами безымянного сибирского казака.

Как садился я на белого коня,
Дивовались все казачки на меня.
А ещё их приводил в любовный шок
Над губою пробивавшийся пушок.
И поскольку вырастал не на печач,
То была ещё и силушка в плечах.
В поле робил я со всеми наравне.
Мне казалось: всё со мною, всё при мне.
Но у нас кто с полем брани не знаком,
Не считался настоящим казаком.

И садился я на рыжего коня,
С ним с лихвой отведал крови и огня.
Зарывался в сечу, яростью горя –
За Отечество, за веру, за царя!
Если бы не беспартошные скоты,
Побросавшие винтовки и фронты,
Отстояли бы Россию, всю, как есть,
Сохранив её достоинство и честь.
Но в семнадцатом, в год чёрный, чумовой,
Возвращались мы побитые домой.
Настороженно встречала нас родня.
И решил я, что пора менять коня.
Семьи рушились, как рушилась страна,
Только шашка оставалась мне верна.

Как садился я на чёрного коня,
Лишь вороны любовались на меня
И кричали, надрывая голоса,
Провожая, как покойника, в леса.
Сколько раз свистели пули у виска,
Пока след казачьей правды я искал.
Но скрывалась где-то истина во мгле,
Мы изгоями с ней были на земле.
Лишь в тридцатые я знал наверняка:
Отвернулся нынче Бог от казака.

И пришлось мне сесть на серого коня,
Чтоб поменьше замечали бы меня.
Тише едешь – дальше будешь – все дела –
Так теперь Россия-матушка жила.
Что имел я, чтоб на небе был спасён? –
Три коня да сивый мерин – вот и всё...
Пусть немало с ними вытянул я жил,
Но они мои свидетели, что жил.
Белый конь был знаком вечного родства,
Моей юности, любви и удалства.

Стал порою возмужанья и погонь,
Славы, доблести и чести рыжий конь.
Чёрный конь прошёл со мной, как старший брат,
Долгий путь познания истин и утрат.
Но невзгоды не сломали казака!
Да, таскаюсь я на мерине пока,
Но стоят в запасе, пусть не у меня,
У детей моих три правильных коня!

И всё же финал у этой печальной истории оптимистичный – другого и не могло быть: не сломлен казак, стоят в запасе казачьи кони! Как бы судьба ни была, ни испытывала казака на прочность, он не сгибался, не терял стойкости духа, не унывал, даже когда хотелось выть в голос. Будем же и мы радостны, тем более что **Веригин** приглашает на казачью свадьбу. Давненько мы на ней не бывали! Погуляем, отведаем сибирских казачьих яств, полюбуемся на казачек и казаков, послушаем их говор. Написал Веригин «Свадебную» тоже в духе народных казачьих песен и сказов, как и «Три коня». Это, конечно, литературная стилизация, но она не замечается, потому что поэт вырос в казачьей станице, он дышит с ней одним воздухом, одной страстью жизни. Он – природный казак! Но поспешим – уже везут невесту, пробиваясь сквозь тайгу и снега, отгоняя зверя охотничьим ружьём.

Кони храпят с придыханьем натуженно,
А на саях, под укрытьем овчин,
Кроме красавицы ряженой-суженой,
Спирта бочонок, ружьё да харчи.

Так повелось тут исконно, от прадедов:
Время приходит – коси или сей,
Но уж потом, после дел этих праведных,
Свадьбы да гости по линии всей.

Нет для веселия лучшего времени,
Сколько потех предлагает зима!
Нет и чужих у казацкого племени –
В каждой станице то сват, то кума.

Ты изыдь, изыдь, тоска,
В речку серой утицей –
Нынче свадьба казака,
Вся станица крутится.
Пробавляются медком
Да орешки щёлкают.
Окружён невесты дом
Половодьем шёлковым.
Сквозь него, как через брод,
Прётся шафер пьяненький,

И летят, летят в народ
Леденцы да пряники.
Разукрашены возки
Розами бумажными.
Рядом едут казаки –
Все верхами, важные.
Тут же, не боясь греха
(Никуда не денешься),
Девки «доят» жениха:
Что ни шаг – то денежка.
Будет всё, как было встарь:
И подружек пения,
И венчанье, и алтарь,
И благословения.
Пожеланий «лет на сто»
Выскажут для парочки.
Сдружит всех обильный стол –
До десятой чарочки.
А потом пойдёт комедь
Без рожна особого:
Кто-то будет песни петь,
Кто-то силу пробовать.
Эх, зелёное вино
С травяной закваскою!
Весели, пока дано
Жизнь увидеть сказкою.
Будет много дней других,
Времечко кручёное
Принесёт не пироги,
А ковриги чёрные.
Ведь казак всегда изгой,
И бунтарь, и вольница.
Будет Родине слугой,
Только на околицах.
Но об этом ли сейчас
Думать и печалиться?
Вот пошла станица в пляс –
Свадьба не кончается!
Пей, казак, пляши и пой,
Сгинь, тоска извечная.
Свадьба – случай не слепой,
А любовь сердечная.
Это только слух пока,
Что смешалась с брагою
В жилах кровь у казака.
Нет! Есть верная рука,
И любовь с отвагою!

КАЗАКИ-СЕМИРЕКИ

Вспомним, братцы, про бывшее,
 Как мы в оны времена
 У кокандцев брали с боя
 Сабли их и знамена!

Казачья песня

Как я уже говорила, фамилия **«Бутаковы»** распространена в Сибири. Возможно, войсковой старшина **Бутаков**, участвовавший в войне против Кокандского ханства, имел родственную связь с нашими предками – он упоминается в книге историографа казачества **Н. В. Леденёва**, говорит о нём и омский краевед **Олег Чумакин**. С его родственницей, Маней Чумакиной, зналась наша бабушка Таня. Маня была ей подругой и кумой. Бабушка отдала Мане под житьё наш старый курень на горушке и каждое утро посылала к ней свою дочь Тамару с банкой молока, пока была корова. Олег любезно предоставил нашей семье выписку из архивных документов Сибири о наших предках-казаках. Слава Богу, что хоть что-то сохранилось, а то ведь, когда большевики громили православную церковь в Баянауле, построенную по указу Екатерины II, то церковный архив был выброшен, и казахи документами растапливали печи, взбодряя дрова.

Если фамилия Бутаков происходит всё же не от русского глагола *«бутать»*, а от тюркского *«бутак»* – то означает: *«приток, ответвление»*, что ближе к правде и, может быть, отчасти доказывает, что первые Бутаковы пришли с Волги, где с монгольских времён обитало много татар, от них и слово – **«бутак»**, и русские волгари нередко имеют азиатское обличие, но могли Бутаковы такую кличку получить и на Дону, и в Запорожье, где также селилось немало тюркских племён, те же сарматы, половцы, печенеги; могли прихватить и в Сибири – от сибирских татар. **«Бутак – ответвление»**. Вот только вопрос: «ответвление» какого тюркского рода наши Бутаковы?

Есть **Бутак** и **Карабутак** в Актюбинской области, река **Терсбутак** в Карагандинской степи, **Бутаки** в Челябинске. Есть слово «бутак» в значении: «рукав реки, ответвление» у киргизов и узбеков. На казахстанском Алтае – деревня **Бутаковка** и речка **Бутачиха**, среди тамошних казаков встречаются **Бутаковы**. В Алма-Ате (я придерживаюсь старого – более мне привычного – написания города, а не нынешнего Алматы, хотя, если следовать истории, то это вообще-то город **Верный**) есть горная речка **Бутаковка**, которая рассекает живописное **Бутаковское ущелье**. Есть и речка **Казачка**, поименованная так казаками-семиреками города Верного. Это они, выходцы из Сибирского казачьего войска, построили форт Верный и станицы: **Надеждинскую, Люблинскую, Софьинскую** – в честь святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, которые покровительствуют городу (теперь и сам город, и эти станицы тоже переименованы на казахский лад, и названия эти уже не отражают исторические события). Есть и храм этих святых, недавно построенный в **Малой станице** Алма-Аты, где компактно проживает казачья община, хранящая обычаи предков.

На Масленицу казаки устраивают народное гуляние в парке рядом с моим домом. Угощают всех блинами, поят чаем из самоваров. Песни поют, пляшут,

нарядившись в казачью одежду: мужчины – в синие гимнастёрки, в черкески с газырями, в казачьи фуражки или лохматые бараньи папахи; женщины – в казакинах, в пёстрых юбках с оборками, на плечах – цветастые шали. Среди курносых славянских казачьих лиц вдруг мелькнёт казак – совершенный азиат: густо-смуглый, с угольно-чёрной бородой, а то смуглая казачка с раскосыми, чёрными глазами.

Казакки устанавливают на площади перед эстрадой высокую бабу Кострому, сделанную из соломы и наряженную в платье. Соломенная баба олицетворяет Зиму, её потом сжигают – на радость и русским, и казахским детям, объявляя приход Весны.

Рядом с Малой станицей – **район Татарка**, где всегда жили и теперь живут татары. Куда ж без них, ведь почти родня.

С одной татаркой по имени **Исламия** я дружу. Она – красавица! За изгородью её дома начинается зоопарк, и рычат львы, приводя в трепет собаку Рахимку. Исламия – из купеческого рода казанских татар, весьма игривая и предприимчивая особа. Даже в пенсионном возрасте у неё есть женихи из разных народов, которых она не только ублажает своими прелестями и беляшами, но и заставляет работать на себя, чтобы не расслаблялись и не забывали о монголо-татарском иге: один строит ей дом, другой – баню, третий – вскапывает огород. **Нам, татарам, лишь бы даром!** Но женихи добровольно сдались в плен красавице Исламие. Весь этот мужской «гарем» потом дружно пьёт чай из самовара, закусывая татарскими эчпочмаками и медовым чак-чаком.

Однажды в таком чаепитии и я участвовала – в качестве гостьи и услышала откровенное рассуждение о женщинах одного из женихов, видимо, самого опытного:

– Русские и казашки – хорошие жёны, покладистые, верные, но – глупые и скучные. Татарки – умные, отлично готовят, особенно выпечку, только шибко вольные, – тут он сказал одно неприличное слово, которое я не буду повторять. – Но тянет почему-то к татаркам.

– А что вы думаете о казачках? – спросила я жениха.

– О-о, с этими лучше не связываться!

– Почему?

– Оторвут всё, что есть, и чего нет. Бешеные!

А вот сами казаки о своих казачках думали иначе, хоть и побаивались их строгих взглядов, похожих на ствол у виска.

Виктор Веригин воспел казачку:

*Всю обиду переплачет,
В сотый раз уже простит.
Сердобольнее казачек
Трудно женщин нам найти.
Ведь они в пути-дороги
Собирают без конца
Не одну, а три тороки:
Сына, мужа и отца.*

*А потом, взвалив на плечи
Голод, холод и нужду,
Жгут лучину в длинный вечер
Да вестей с похода ждут (...)
Воле Господа покорны,
Чтут героев и святых.
Не отсюда ль эти корни
Чистоты и доброты...*

* * *

Сибирские казаки, расселившиеся по берегам Иртыша и Ишима, делали изнурительные конные переходы через жаркие степи и пустыни **в Семиречье**, **в форпост Верный**, чтобы нести там службу – на границе с Китаем и южными пределами Средней Азии, которые постоянно угрожали Великой степи и думали о захвате её обширных территорий.

Казаки шли с песнями:

– Куда, казак, едешь?
Куда отъезжаешь?
На кого ты, милый,
Меня оставляешь?
– Еду я, еду
В дальнюю дорогу,
Оставляю тебя я
На единого Бога...

Откуда пошло само название «**Семиречье**»? Вот что **Н. В. Леденёв** пишет в своей «Истории» 1909 года: «...*Повеление Императора Александра Павловича в 1819 году: выстроить для султана Сюка дом и мечеть на восточной стороне озера Балхаш при “урочище Семь Рек” (...)* Очевидно, что названием – **Семиречье** – определялась тогда совсем не целая страна, в современных пределах, а пространство между реками Караталом и Лепсою, где действительно имеется, хотя и незначительных, но всё-таки семь рек: Каратал, Коксу, Кызыл-Агач, Биен, Аксу, Саркан и Лепса. Название “урочище Семь Рек” сокращено потом в Семиречье...»

Когда казаки впервые туда пришли – в **Тургеньское ущелье**, то попали в раннюю суровую зиму, редкую для этих мест, с высокими снегами, морозами и буранами. Не успели запастись ни кормом для лошадей, ни провиантом. Из-за снега к ним не могли пробиться обозы с подмогой, а лошадям не удавалось добывать траву под лежалым, ледяным снегом. Джугт! Начался падёж строевых коней. Началась цинга у казаков. Но и эту напасть пережили, как потом выстояли во многих схватках с врагом, за что в 1903 году Семиреченское казачье войско, как часть войска Сибирского, было **удостоено императором Николаем II Георгиевского знамени и Высочайшей грамоты**. Примечательно начало этой Грамоты: «*В 1882 году исполнилось 300 лет с того достопамятного для Государства Российского дня, когда Сибирская Ермакова вольница прощена Московским Царём и признана Царскою служилою ратью, получившей впоследствии наименование Сибирского*

казачьего войска. В 1867 году из части Сибирских казаков было образовано Семиреченское казачье войско, доблестно поддерживавшее в среднеазиатских походах боевую славу своих предков Сибирских казаков...»

Так за что же Московский Царь триста лет назад прощал Ермакову вольницу, овеванную славой? Самое время ещё раз вспомнить бранный путь казачьего атамана Ермака Тимофеевича и его дружины.

ЕРМАК И КУЧУМ

История, конечно, помнит разное:
 Менялись нравы, власть, прошли века,
 Но что такое Русь без Стеньки Разина,
 Без Пугачёва или Ермака?
 Стары мундиры, и порты поношены,
 И мы живём у всех не на виду,
 Но казаки не забывают прошлого,
 В них жив ещё пока казачий дух!

Казак Виктор Веригин

Какое ещё казачье войско так прославило себя и столько сделало для России, как Сибирское? Были в истории казачества славные атаманы, но среди этих гор высятся серебряная вершина – **Ермак Тимофеевич**. Он – отважный землепроходец, открыватель новых земель, покоритель Сибири. Он – **предтеча Сибирского казачьего войска**.

В Казахстане среди казахов к нему неоднозначное отношение, да и не может быть однозначного – **Ермак воевал со Степью**. Он для кочевников был врагом и колонизатором. После обретения Казахстаном независимости в 1991 году город **Ермак** переименован в **город Аксу**, а памятник казачьему атаману свергнут. Но моя задача – не судейская. Я – писатель. Я – показываю: и плохое, и хорошее, и то, что между ними.

Приведу отрывок из книги **Юрия Поминова «Павлодарское Прииртышье. Жемчужина Сары-Арки»**, к которой уже обращалась и где, кроме победных вех советской индустриализации, освоения целинных и залежных земель, героизма людей, сделавших окраину кочевой Степи крупным промышленным центром страны и щедрой житницей, даны и картины колонизации русскими людьми царских времён Павлодарского Прииртышья, куда несколько веков назад проложил дорогу **Ермак** со своей дружиной.

«**История города Аксу (бывшего Ермака. – Н. Ч.)**, расположенного в сорока километрах от Павлодара, тесно связана с открытием залежей каменного угля в районе Экибастуза (...) Воскресенское акционерное горнопромышленное общество, организованное павлодарским купцом и предпринимателем **А. И. Деровым**, решило построить железную дорогу от месторождения к Иртышу. Место для пристани выбрали на левом берегу Иртыша в урочище **Кызыл Шырпы** между казахскими аулами Аксуской волости. Пристань тоже назвали Воскресенской. Построили здесь жилые дома и бараки, вокзал, паровозное депо, склад, мастерские, лесопилку, мельницы, баню, магазин.

Одновременно с пристанью возникло новое поселение, в котором жили казахи-бедняки, работавшие на пристани и железной дороге. Тут же поселились русские крестьяне-переселенцы из Центральной России, организовавшие **хутор Глинка**, с которого берёт начало **посёлок Ермак**, ставший впоследствии **городом** и **ныне называющийся Аксу**. В настоящее время в городе проживает свыше 40 тысяч человек.

Мировую известность имеет расположенный за чертой города **Аксуский завод ферросплавов**, основная часть продукции которого, благодаря своей высокой конкурентоспособности, идёт на экспорт.

Неподалёку от города находится **Аксукая ГРЭС** – первенец тепловой энергетики Казахстана...»

В становлении Аксуской ГРЭС (вначале она называлась Ермаковской) принимали участие и мои родственники-казахи. И даже одна из племянниц нашей бабушки Тани – от её сестры, казачки **Антониды Черкашиной** – названа **Цэсой**, то есть Центральная энергосеть. Нелепо, конечно, но тогда было немало подобных – патриотических – имён-аббревиатур: Ким (Коммунистический интернационал молодёжи), казахское Мэлс (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), Даздраперма (Да здравствует Первое мая) и т. д.

В городе Ермаке весной 1946 года юная моя **мама** встретила свою первую любовь – казака-гармониста **Костю Ушакова**; и сестра её, **Маргарита**, пережившая гибель мужа на войне и смерть малолетних детей, в этом городе ожила, тоже согретая любовью. Потому этот город овеян для меня романтической дымкой. На фото 1946 года из семейного альбома они сняты все вместе, молодые, счастливые. Сёстры – в белых блузках, завитые; кавалер тёти Риты, азиатской наружности, – в гимнастёрке: фронтовики долго ещё после войны носили гимнастёрки и шинели – другой одежды просто не было; казак-гармонист, зелёный-раззелёный, но очень важный: гармонист – первый парень на деревне! Даже для фотосъёмки не расстался он с гармонью. Ему только-только стукнуло восемнадцать, он не успел повоевать, о чём, наверное, сильно переживал, как в то время все его ровесники, и с восторгом глядел на кавалера тёти Риты – боевого офицера. Они ещё не знали, что расстанутся, и у каждого сложится своя семья, но тогда – тогда их захватила любовь!

* * *

Но были, конечно, и не такие благодные картины в Павлодарской степи, куда пришли **казахи Ермака**, а за ними – хваткие русские купцы и нищие, безземельные крестьяне из российских деревень. В Великой степи земли было много! О колонизации мне говорить нелегко, да слов из песни не выкинешь. Это исторический факт. Да, русские, как пишет **Павел Васильев** в поэме «**Соляной бунт**», «*вознесли города над собой*», да, принесли в Великую степь цивилизацию, но чего это стоило кочевому народу? Павел Васильев правдиво говорит и об этом: «*А кочевники согнаны были к горам и озёрам, / Чтобы соль вырубать и руду и пасти табуны. / Казаков же держали вместо дозорных собак / И с цепей отпустили, когда бунтовали аулы...*»

Павлодарский купец **Арсений Дерев**, «*старый бобёр, гость заезжий, купец с Урала, володетель здешних озёр*» из поэмы **Васильева**, устраивал нищим кочевым казахам настоящий ад. Они работали у него не только на угле, но и на

соледобыче – и труд был рабский. Платили им копейки, а то и вовсе ничего, и они голодали. Относились к рабам с презрением, опустив их ниже скота, а кто пытался бежать – ловили и наказывали. Помогали Дерову держать в узде подневольную степь опять же казаки: *«Ему казаки – друзья. / Ему казаки – опора. / Ему с казаком не дружить нельзя. / Казаки – защитники от кургузья, / От степного хама и вора!»*

Павел Васильев с великим сочувствием к бесправным степнякам рассказывает о них, о тех, кому *«соль проела сердце»*, рассказывает в духе казахских, акынских самокладок.

– Ай-налайн, ай-налайн... А степь навстречу шлёт туман,
Мягорукий, гиблый. – Джаман! Джаман!
– А степь навстречу пургой, пургой.
– Ой, кайда барасен? Ой-пу-ур-мой! Ой, пур-мой!
Некуда деваться – куда пойдёшь?
По бокам пожары – и тут, и там.
Позади – осенний дождь и падёж.
Впереди – снег с воронами пополам.
Ой-пур-мой... Тяжело зимой.
Вьюга в дороге порежет ноги,
Ударит в брови, заставит лечь,
Засыплет снегом до самых плеч!
Некому человека беречь...

(...) Беда! Муялды, Баян-Коль, Кара-Коль,
Рыжая рябь песка.
Бела соль, не сладка соль.
Чиста соль. Горька! Горька!
Чиста соль – длинные рубли.
Работают на соли
Улькунали, Кишкинтайали,
Джайдосовы. Горька соль.
Плывут, плывут степные орлы
Прямо на Каркаралы.
Ноги белы, юрты круглы.
Черна вода Кара-Коль.
Степь от соли бела.
Соль хрустит на зубах.
Соль на щеках румянцы зажгла.
Соль горит на губах.
Бела соль, страшна соль,
Прилипчива, как тоска. (...)

Ветер волосы им трепал.
– Горе! – Молчал народ.
Голод к ушам страны припал
И шептал: – Горе идёт!

– Горе! – отвечали ему аксакалы.
 Страшна соль. Как седина бела.
 Близка зима, лето пропало,
 В степь убежал мулла.
 Тощи груди женщин, нет молока,
 Ни пригоршни хлеба нет,
 Дорога к весне далека-далека,
 Узка, словно волчий след.

(...) Казачий дозор порол святых,
 Солью сдабривал порку, а где
 Ловили беглых, держали их
 Долгий час в солёной воде (...)

Давеча пять киргиз пришло,
 Мнутя и смотрят вниз.
 – Вам чего? – Курсак пропал,
 Нет ни хлеба, ни одеял.
 – Хлеба нет! – Киргиз в ответ:
 – Хлеба нет – работа нет... –
 Взяли в плети. Удалось,
 Сволочи! Вашу мать!
 Вместо хлеба, чтобы жралось,
 Соль заставили жрать.
 Наутро пошло всё, как надо,
 Работа пела на полном ходу. –
 Чтоб не найти на киргиза слада!
 Го! Потуже тяни узду!..
 Покрикивали десятники:
 – Пшёл, пшёл! Лошадь нашто-е, се одно...
 И людей многотонный потный вол
 Тянет солёные глыбы. Но...
 Только в полдень у костров, в ста
 Шагах у чёрной воды,
 Сел на корточки аул Джатак,
 В круг сомкнув голов ряды.
 Женщины медной, гулкой кожи,
 В чувлуках,
 Склонившие лбы.
 На согнутых спинах у них, похоже,
 Вместо детей сидели горбы (...)
 Молчал Джатак в соляной петле.
 Молча сидел под небом родным,
 Под ветром родным, на родной земле...

Страшная картина! Но и степняки не отставали от русских в жестокости. Когда «казачьи стаи привёл на Иртыш Ермак», пишет в «Соляном бунте» П. Васильев, они здесь были встречены засадами диких кочевников.

*Край недобрый. Наклонишься только к ручью,
Только спешишься, чтобы подпругу поправить,
Тетива загудит, под сосок, в крестовину иль в глотку.
В оперении диком, шатаясь, взрызётся стрела, –
Степняки и дики, и раскосы, а метятся ладно.
У Шапёрого яра на пузах они подползли.
Караульных прирезали, после ловили арканом,
Да губили стрелой, да с размаху давили конями.
Есаула Седых растянули крестом и везли
Три корзины ушей золочёному хану в подарок...*

* * *

Ермак закончил свой земной путь «на диком берегу Иртыша». Он погиб, спасаясь от вероломного нападения хана **Кучума**: степная стая перебила спящих казаков.

Сохранилось предание о кольчуге **Ермака**. Вроде бы лежит она на дне бурного Иртыша, где утонул атаман, воспетый декабристом Рылеевым в стихотворении, ставшем народной песней: «На диком берегу Иртыша сидел Ермак, объятый думой», в то время как Иртыш ревел под страшной бурей, и во мраке молнии летали. Рылеев, казнённый царём в Петропавловской крепости Петербурга, сочинение своё посвятил другому декабристу, сосланному в Сибирь, **П. А. Муханову**. В бунтарской, вольнолюбивой натуре Ермака Рылеев увидел много родственного порывам декабристов, которые готовились к восстанию против несправедливых, по их мнению, порядков в стране.

В разных источниках кольчугу Ермакову называют то «латами», то «бронёй», то «железом». Будто кольчуга эта, дар русского царя, утянувшая на дно могучего атамана, отличалась чудодейственной силой: кто наденет её – будет недоступен для смертельных ударов врага. Вообще вокруг Ермака много легенд и небылиц. Кладовискатели охотились за Ермаковой кольчугой. Охотился и один честолюбивый хошоутский тайджи (т. е. калмыцкий «принц крови»), известный под именем **Аблай**. Он был любителем старины, коллекционером и через своих русских союзников однажды эту кольчугу с золотым царским орлом на ней получил, отдав солидный куш, но потом оказалось, что кольчуга поддельная. Обычное дело – дурить друг друга!

* * *

Судьба столкнула полного сил, вольного казака **Ермака** – и стареющего властелина Сибирского царства татарина **Кучума**. **Лёвшин** в своей книге «Описание киргиз-казацких орд и степей», составляя родословные таблицы казахских родов, сообщает о **Кучуме**: «Таким же образом открывается, что дед Ишима и отец Шигая **Джадек** с братом своим **Усяком** жили около половины XVI столетия, то есть в одно время с ханом сибирским **Кучумом** и отцом его **Муртазою**. Но были ли они между собою родственники и от одного ли корня происходили, неизвестно, хотя по “Сибирской истории” мы и знаем, что **Муртаза был родом киргиз-казак**».

В «Сибирской летописи», которую **Лёвшин** называет «Сибирской историей» и на которую ссылается **Н. М. Карамзин** в своей «Истории Государства Рос-

сийского», Ермак описывается так: *«Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду чёрную, волосы тёмные, кудрявые, глаза светлые, быстрые, зеркало души пылкой, сильной, ума пронизательного...»*

Кучум был умён не меньше Ермака и по-восточному хитёр. Была в нём и непомерная гордыня. Когда Ермак, загнав Кучума в дальние степи, водрузил межевой столп государства Московского на берегу Оби, когда после гибели Ермака кучумы шайки были добиты казачьими дружинами и царскими войсками, и царь предложил Кучуму перейти на сторону русских, предлагал ему «жалованье, города и волости в России, обещал даже оставить его царём в земле Сибирской, если он с покорностью явится в Москву», – как пишет **Н. М. Карамзин** в **«Истории государства Российского»**, то Кучум гордо ответил посланнику русского царя: «Я не уступал Сибири Ермаку, хотя он и взял её. Желая мира, требую иртышского берега». Берег ему не отдали.

Не менее горделив был и Ермак, правда, без спеси, и тоже отвергал «взятки» от врага. Обратимся снова к «Истории» Карамзина: «В страх неприятелю и для своей будущей безопасности Ермак, хотя уже и слабый числом людей, предпринял идти вслед за Карачёю вверх Иртышом, чтобы распространить на восток владения России. Он победил князя Бегиша и взял городок (коего остатки ещё видны на берегу излучистого озера, далее устья Вагайского); завоевал все места до Ишима, местию ужасая непокорных, милуя безоружных. В Саргацкой волости жил тогда какой-то знаменитый старейшина, наследственный главный судья всех улусов татарских от времён первого хана сибирского, и князь Ёличай в городке Тебенде: оба изъявили смирение; а князь вместе с данию представил Ермаку и юную дочь, невесту сына Кучумова; но целомудренный атаман велел ей удалиться с её прелестями опасными и с невинностию, как говорит летописец...»

В преданиях осталось немало свидетельств о благородстве и великодушии **Ермака**: он, завоевав **Искер** – столицу Сибирского царства, дружелюбно принял жителей покорённого города, которые пришли к нему с жёнами и детьми. *«коих Ермак обласкал, успокоил и всех отпустил в их прежние юрты, обложив лёгкой данию...»*

Искер неоднократно переходил из рук в руки. О том, что Искер падёт, что покачнётся царство Кучума, давно предрекали сибирские волхвы: они «вопили на стогнах о неминуемом скором падении его державы от нашествия христиан», а один из Кучумовых сановников Таузак, описывая казаков, называл их «людьми чудесными, воинами неодолимыми, стреляющими огнём и громом смертоносным навывлет сквозь латы...» Казаки могли производить на татар такое впечатление, поскольку воины Кучума ещё не умели пользоваться порохом и в конце XVI века действовали оружием времён Чингисхана.

«Каждый богатырь Ермаков шёл на толпу неприятелей, смертоносною пулею убивал одного, а страшным звуком пищади своей разгонял двадцать и тридцать. Так, в первой битве на берегу Тобола, в урочище Бабасане, – пишет **Карамзин**, – Ермак, стоя в окопе, несколькими залпами остановил стремление десяти или более тысяч **всадников Маметкуловых**, которые неслия во весь дух потоптать его; он сам ударил на них и, довершив победу, открыл себе путь к устью Тобола,

хотя и не совсем безопасный, ибо жители, заняв крутой берег сей реки, называемый Долгим яром, стрелами осыпали лады козаков...»

*Падёт огонь небесной кары.
Сама земля исторгнет стон:
Дерутся с русскими татары –
Мои родные с двух сторон.*

*Кукушка-зегзица кукует.
Закончен бой. Расколот щит.
И русский дух во мне ликует,
И кровь татарская кипит...*

* * *

С боевыми товарищами держал себя **Ермак Тимофеевич** без высокомерия, вёл аскетический образ жизни и предан был только воинской своей стезе. Семьи у него не было, и кровных наследников тоже – только боевые. *«Он требовал от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной, чтобы угодить вместе и царю земному, и царю небесному; он думал, что Бог даст ему победу скорее с малым числом добродетельных воинов, нежели с большим – закоснелых грешников, и козаки его, по сказанию тобольского летописца, и в пути, и в столице сибирской вели жизнь целомудренную: сражались и молились!..»*

Но такими они стали не сразу. Я не хочу казаков обелять и покрывать позолотой, но грехи их не отнимают у меня любви к моим предкам. Скорби добавляют – это так, но не вызывают отторжения, ведь родителей не выбирают, и род тоже. Их нам даёт Господь и велит почитать. *«Надо у своих искать хорошее – плохое и без нас найдут!»* – говорит народная мудрость. Главное, что Ермак и его дружина прошли путь от слепого греха, от звериной дикости – к Богу, к милосердию, покаянию, чистоте душевной.

Да, бранный путь Ермака начался с разбоя, но и разбойные его годы поражают чудесами воинского таланта, что вызывало уважение даже у недругов.

«В то время, когда **царь Иоанн**, имея триста тысяч добрых воинов, терял наши западные владения, уступая их двадцати шести тысячам полумёртвых ляхов и немцев, – в то самое время малочисленная шайка бродяг, движимых и грубою алчностью к корысти, и благородною любовью ко славе, **приобрела новое царство для России, открыла второй новый мир для Европы**, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человеческой (...) Три купца и беглый атаман волжских разбойников **дерзнули, без царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь**», – так пишет **Н. М. Карамзин**, который хоть и восхищается подвигом Ермака, однако служит царю: царь оплачивал историографу его труд, подарил усадьбу в тихом зелёном предместье Петербурга, в Царском селе, чтобы Николай Михайлович мог спокойно сочинять – под приглядом царя, потому историк старался быть верным приверженцем монархии и оценки Ермаку давал с точки зрения монархиста: как он посмел завоевать Сибирь «без царского повеления»!

«Три купца» – это братья **Строгановы**. Их предок, **Ионникий**, разбогател, заведя соляные варницы на Вычегде. Он первым открыл путь для нашей торговли за Уральскими горами. Прежде о неведомых землях сибирских ходили слухи, один другого страшней и нелепей: мол, там, на берегах океана и в горах неприступных, лесах дремучих пылает неугасимый огонь чистилища; в Лукоморье том, то есть у Северного Ледовитого океана, есть люди, которые ежегодно 27 ноября, в день святого Георгия, умирают, а 24 апреля оживают снова; перед смертью сносят свои богатства в одно место, где соседи в течение зимы могут брать себе, что захотят, но за всякую вещь должны оставлять плату; кто обманет, поскупится – тех мертвецы, воскреснув по весне, наказывают; есть там и другие люди, покрытые звериной шерстью, с собачьими головами, с лицом на груди, с длинными руками, но без ног; есть рыбы человекообразные, но только немые, есть и другие чудеса.

После того как в Сибирь начали проникать казаки и торговые люди, мифы эти стали понемногу рассеиваться.

Первый Строганов происходил от знатного мурзы **Золотой Орды**, в крещении названного **Спиридоном** и научившего русских употреблению счётов. Татары справедливо озлобились на него как на предателя и, в одной из битв взяв в плен, «застрогали» до смерти, отсюда и пошла фамилия – Строгановы. Молодые Строгановы продолжили солеварное дело, но терпели от набегов хана Кучума и хотели защиты, а также хотели дальнейшего продвижения в сибирские земли для торговли и принуждения к миру диких народов, которые молились идолам, потому и призвали Ермака, *«испытав бодрость, мужество и верность козаков; узнав разум, великую отвагу, решительность их главного вождя, Ермака Тимофеева, родом неизвестного, душою знаменитого, как сказано в летописи»*. **Карамзин** добавляет: «Сей бывший атаман разбойников, оказав себя героем неустрашимым, вождём искусным, оказал необыкновенный разум и в земских учреждениях, и в соблюдении воинской подчинённости, вселив в людей грубых, диких доверенность к новой власти, и, строгостию усмиряя своих буйных сподвижников, которые, преодолев столько опасностей в земле, завоёванной ими, на краю света, **не смели тронуть ни волоса у мирных жителей** (...) Пишут, что грозный, неумолимый Ермак, жалея воинов христианских в битве, не жалел их в случае преступления и казнил за всякое ослушание, за всякое дело студное...»

* * *

Ермак и Кучум охотились друг за другом. Сколько раз, разбив наголову войско Кучума, Ермак отпускал хана на волю, как одинокого, ослабевшего волка, который остался без стаи. Отлежавшись в своём логове, где-нибудь в глухой степи, Кучум собирался с новыми силами и опять нападал на казачьи дружины: так волк нападает, безрассудно, из одной только злобы, режет овец и уходит в степь. И однажды раненый волк выследил свою добычу. Кучум, исключительно своим коварством, одолел Ермака: он напал на него спящего.

Вот как пишет об этом **поэт Рылеев** в «Смерти Ермака»:

*Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.*

*Мечи сверкнули в их руках –
И окровавилась долина,
И пала, грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...*

А вот как написал историк Карамзин, слогом не менее ярким и достоверным, чем поэт Рылеев, в подробностях излагая всё, что предшествовало трагедии, и что было потом, будто сам стал свидетелем гибели Ермака. Карамзин начинал как писатель, сочинял прозу и, конечно же, обладал художественным воображением и живым пером:

«...Около двух лет господствуя в Сибири, козаки успели завести торговлю с самыми отдалёнными азиатскими странами, издревле славными богатством и купечеством. Уже караваны бухарские ходили к ним мимо Арала, сквозь степи киргиз-кайсаков, путём, без сомнения, давно проложенным (может быть, ещё во времена Чингисовы или его наследников), оживляя пустынную сибирскую столицу зрелищем деятельной ярмарки и доставляя там россиянам в обмен на мягкую рухлядь плоды восточного ремесла, нужные или приятные для воинов, которые не берегли жизни, но любили наслаждаться ею.

Ожидая тогда купцов бухарских и сведав, что изгнанник Кучум не даёт им дороги в степи Вагайской, где он снова дерзнул явиться, пылкий Ермак с пятьюдесятью козаками спешил их встретить: искал целый день, не видал ни каравана, ни следов неприятеля и на возвратном пути расположился ночевать в шатрах, оставив лодки свои у берега, близ Вагайского устья, где Иртыш, делясь надвое, течёт весьма кривою излучиною к востоку и прямым искусственным каналом, называемом Ермаковою перекопью, но вырытым, как надобно думать, в древнейшие времена, ибо гладкие берега его не представляют уже ни малейших следов копания. Там же, к югу от реки, среди низкого луга, возвышается холм, насыпанный, по общему преданию, руками девичьими для жилища царского.

Между сими памятниками какого-то забытого века надлежало погибнуть новому завоевателю Сибири, с коего начинается её несомненная история, – погибнуть от своей оплошности, изъясняемой единственно неодолимым действием рока. Ермак знал о близости врага, и как бы утомлённый жизнью, погрузился в глубокий сон со своими удалыми витязями без наблюдения, без стражи. Лил сильный дождь; река и ветер шумели, тем более усыпляя козаков; а неприятель бодрствовал на другой стороне реки: его лазутчики сыскали брод, тихо приближились к стану Ермакову, видели сонных, взяли у них три пищали с лядунками и представили своему царю в удостоверение, что можно наконец истребить непобедимых. Заиграло Кучумово сердце, как сказано в летописи: он напал на россиян полумёртвых (в ночи 5 августа) и всех перерезал, кроме двух: один бежал в Искер; другой, сам Ермак, пробуждённый звуком мечей и стоном издыхающих, воспрянул... увидел гибель, махом сабли ещё отразил убийц, кинулся в бурный, глубокий Иртыш и, не доплыв до своих лодок, утонул, отягчённый железною бронёю, данную ему Иоанном... Конец горький для завоевателя, ибо, лишаясь жизни, он мог думать, что лишается и славы... Нет, волны Иртыша не поглотили её: Россия, история и церковь гласят Ермаку вечную память!

(...) Сей герой погиб безвременно, но совершив главное дело, ибо Кучум, зарезав 49 сонных козаков, уже не мог отнять Сибирского царства у великой

державы, которая единожды навсегда признала оное своим достоянием. (...) Имя сего витязя живёт и в названиях мест, и в преданиях изустных; там самые бедные жилища украшаются изображением атамана...

(...) **Тело Ермаково** (13 августа) приплыло к селению Епанчинским юртам, в 12 верстах от Абалака, где **татарин Яниш, внук князька Бегиша**, ловя рыбу, увидел в реке ноги человеческие, петлёю вытащил мёртвого, узнал его по железным латам с медною оправою, с золотым орлом на груди, и созвал всех жителей деревни видеть исполина бездушного. Пишут, что один **мурза, именем Кандаул**, хотел снять броню с мёртвого, и что из тела, уже оцепенелого, вдруг хлынула свежая кровь; что злобные татары, положив оное на рундук, пускали в него стрелы; что сие продолжалось шесть недель; что царь Кучум и самые отдалённые князья остяцкие съехались туда наслаждаться местною; что, к удивлению их, плотоядные птицы, стаями летая над трупом, не смели его коснуться; что страшные видения и сны заставили неверных схоронить мертвеца на Бегишевском кладбище под кудрявою сосною; что они, в честь ему изжарив и съев 30 быков в день погребения, отдали верхнюю кольчугу Ермакову жрецам славного белогорского идола, нижнюю – мурзе Кандаулу, кафтан – князю Сейдеку, а саблю с поясом – мурзе Караче; что многие чудеса совершались **над Ермаковою могилою, сиял яркий свет и пылал столп огненный**; что духовенство магометанское, испуганное их действием, нашло способ скрыть сию могилу, ныне никому не известную; что **сотник Ульян Ремезов в 1650 году узнал все обстоятельства Ермаковых дел и смерти от тайши калмыцкого Аблая**, ревностно желавшего иметь и наконец доставшего броню Ермакову от потомков Кандауловых).

Как мы уже знаем, **«броня»** эта оказалось поддельной. Да и была ли она вообще в руках татар? Не выдумал ли всё тайши калмыцкий Аблай – любитель прекрасного, собиратель древностей, наверно, обладающий чрезмерным воображением? Вон как всё расписал в красках казачьему сотнику Ульяну Ремезову, а тот и уши развесил, и понёс далее дикий этот рассказ, а Карамзин подхватил и запечатлел в своей «Истории».

Если Ермак утонул в «бронне», то вряд ли тело его могло всплыть на девятый день, как всплывают все утопленники, если не прибиты к дну каким-либо грузом, а «броня» – это тяжёлый груз. Скорее всего, оказавшись в Иртыше, Ермак попытался снять с себя «железо», которое тянуло его вниз, но буря и шторм на реке не дали ему выплыть, да и сил не хватило, ведь перед этим он принял неравный бой с головорезами Кучума и дрался отчаянно. А может, всплыл вовсе не Ермак, а кто-то другой: татарам нужно было ритуальное поругание вражеского вождя.

Возгордившийся **Кучум** думал, что, погубив Ермака, взял реванш, победил Русь и теперь вернёт себе Сибирское царство, но это было его роковое заблуждение, это был финал и его жизни, и его царствования.

После громкой победы над ханом, которая ознаменовалась звоном колоколов и молебном в столице и во всех городах российских, русский царь был милосерден к Кучумовой семье. Его жён, дочерей, невесток и оставшихся в живых сыновей, среди них были юноша **Асманак** и **Шаим, отрок Бабадша, младенцы Кумуш и Молла**, царь наделил разнообразными подарками, как одаривают именитых гостей. Одарив, показал Москве. Они ехали в богатых резных санях по улицам русской столицы.

Карамзин описывает их поезд, сопровождаемый почётным караулом: «Царицы и царевны в шубах бархатных, атласных и камчатых, украшенных золотом, серебром и кружевом; царевичи в ферезях багряных, на мехах драгоценных; впереди, и за ними множество всадников, детей боярских, по два в ряд, все в шубах собольих, с пищалями. Улицы были наполнены зрителями, россиянами и чужеземцами. Цариц и царевичей разместили в особенных домах, купеческих и дворянских; давали им содержание пристойное, но весьма умеренное; наконец отпустили жён и дочерей ханских в Касимов и в Бежецкий Верх, к **царю Ураз-Магмету** и к **царевичу сибирскому Маметкулу**, согласно с желанием тех и других...»

Сын Кучума **Абдул-Хаир**, взятый в плен за семь лет до этого торжества, принял христианскую веру и был назван **Андреем**. Как пишет Карамзин, царь «дал ему и **царевичу Маметкулу** богатые земли в собственность, *любя жить с смертных и миловать виновных...*» От них пошли новые русско-татарские поколения с азиатским обликом.

Когда **Кучум** ещё был жив, после очередного разгрома татарских войск предлагали и ему помилование и службу русскому царю, уже в который раз призывая его покориться, сложить оружие. Посланный с этим предложением к хану человек нашёл Кучума в лесу, вблизи того места, где лежали тела убитых татар, на берегу Оби.

«Слепой старец, неодолимый бедствиями, сидел под деревом, окружённый тремя сыновьями и тридцатью верными слугами; выслушал речь о милости царя московского и спокойно ответил:

– Я не поехал к нему и в лучшее время, доброю волею, целый и богатый: теперь поеду ли за смертью? Я слеп и глух, беден и сир. Жалею не о богатстве, но только о милом сыне **Асманаке**, взятом россиянами: с ним одним, без царства и богатства, без жён и других сыновей, я мог бы ещё жить на свете. Теперь посылаю остальных детей в Бухарию, а сам еду к ногаям».

Он не имел ни тёплой одежды, ни коней и просил их из милости у своих бывших подданных, жителей **Чатской волости**, которые уже согласились быть данниками России: они прислали ему одного коня и шубу. Кучум возвратился на место битвы и там, в присутствии Сеита, занимался два дня погребением мёртвых тел; в третий день сел на коня – и скрылся для истории. Остались только неверные слухи о бедственной его кончине: пишут, что он, скитаясь в степях верхнего Иртыша, в земле Калмыцкой и близ озера Зайсан-Нора похитив несколько лошадей, **был гоним жителями** из пустыни в пустыню, **разбит на берегу озера Кургальчина** и почти один явился в **улус ногаев**, которые **безжалостно умертвили слепого старца-изгнанника**, сказав: «*Отец твой нас грабил, а ты не лучше отца...*»

И никаких народных песен о его геройстве, и никакой благодарной памяти, и никакой посмертной славы, какая выпала Ермаку. Но всё же вызывает уважение твёрдость характера, несгибаемый дух Кучума, его живучесть и борьба за независимость своего Сибирского царства. Даже на склоне трагических лет, в телесной немощи и при полном поражении, как воина и как человека, брошенного и преданного своими соратниками и подданными, своим сыном Абдул-Хаиром, племянником Маметкулом, **Кучум не сдавался**. Он был убит так же коварно, как сам убил Ермака. Кучумово зло вернулось к Кучуму.

ЕСАУЛ БУТАКОВ

Из-за леса, леса
 Копья мечей –
 Едет сотня казаков-усачей.
 Эх, да мы, да удалые усачи!
 Шашки в ножны –
 Да и по полю скачи!
 Ведёт нас есаул молодой,
 Ведёт сотню казаков за собой...

Казачья песня

В «Истории» Е. Бекмаханова есть научное объяснение слова «есаул»:

«**Есаул** (от тюрк. *ясаул*, каз. *жасауыл* – начальник) – изначально помощник военачальника, заместитель (аналоги в других странах и периодах: адъютант, ординарец и т. д.), звание или должность, впоследствии чин в казачьих войсках России.

Есаулы были генеральные, войсковые, полковые, сотенные, станичные, походные, артиллерийские. Само звание “есаул” впервые было введено в 1578 году для украинских казаков королём Речи Посполитой Стафаном Баторией.

Звание есаула считалось в казачьих войсках вторым после атаманского (слово «атаман», как и «курень», и «кошевой», – тоже пришло от тюрков. – Н. Ч.). В 1775 году по представлению князя Потёмкина было указано есаулов полковых считать “прилично офицерскому званию”. В 1798–1800 годах чин есаула сравнён с чином гусарского ротмистра, и с этого времени он давал обладателю **потомственное дворянство** (у моего деда, есаула Павла Бутакова, такое дворянство было. – Н. Ч.). С XVI века – должность “есаул”, позже обер-офицерский чин в России в казачьих войсках в 1798–1884 годах 9-го класса и в 1884–1917 годах – 8-го класса Табели о рангах. В 1798 году приравнен к чину ротмистра в кавалерии и капитана в пехоте. После 1884 года, когда в армии был упразднён чин майора, чин есаула был приравнен к чину капитана и стал соответствовать современному званию майора.

Сын Чингисхана Чагатай в летописях иногда называется “**екі ясаул**”, то есть “второй ясаул”. Возможно, происхождение названия связано с названием “**яса**” (грамота, закон в Монгольской империи) и “**ясак**” (сбор дани согласно закону). **В войске Кенесары** наиболее отличившимся в военной подготовке также присваивалось звание “ясаул”...»

Но меня, конечно, больше интересует казачья история, которая относится к нашему деду – есаулу **Сибирского казачьего войска Павлу Андреевичу Бутакову**. Судя по тому, что у него было личное дворянство, он **относился к полковым есаулам**, которых князь Потёмкин возвёл в офицерский чин, сравнил с гусарскими ротмистрами и дал право считаться потомственными дворянами, а значит, повышался их статус в обществе, им выделялись земельные владения, финансовая поддержка и т. д. Таким образом, казачий род Бутаковых разбогател, но не просто так – заслужил всё это ратным трудом.

* * *

Читая «Историю» **Н. В. Леденёва**, я то и дело встречала есаула **Бутакова**, который участвовал в битвах против кокандцев (казаки их называли «кокандцами»), в том числе во взятии крепости **Пишпек** (ныне Бишкек, столица Кыргызстана) –

самой лучшей, самой неприступной в Кокандском ханстве. Об этих походах казаками сложены песни. Вот одна из них:

*В степи широкой под Иканом
Нас окружил коканец злой,
И трое суток с басурманом
У нас кипел кровавый бой.
Мы залегли. Свистели пули,
А ядра рвали нас в куски.
Мы даже глазом не моргнули,
Лежали храбры казаки...*

Но к исходу третьих суток враг был повержен, хоть и казаки понесли большие потери.

Сражался **Бутаков** и в победоносной битве при **Кара-Кастеке**, за что высокие награды получили все, кроме... сибирских казаков, о чём с обидой и возмущением пишет **Н. В. Леденёв**: «*В память такого подвига, за оказанное при совершении его мужество и героическую доблесть, все пехотные и артиллерийские части, бывшие в бою, представлены полковником Колпаковским к наградам и получили на свои “головные уборы” знаки с надписью – “За отличие в 1860 г.”. Одни только сибирские казачьи сотни, составлявшие половину отряда, бившиеся не только на коне, но и в пешем строю, наравне с пехотой, без мужества и стойкости которых в критические моменты боя, когда противник бил отовсюду, победа была бы сомнительна, Колпаковским не были, однако, удостоены представлениям к наградам, хотя их начальник, подполковник Шайтанов, и представлен за этот бой к назначению полковым командиром – к высшей тогда награде для сибирского казачьего офицера войскового сословия...»*

Не ожидала я такой несправедливости от казачьего полковника **Герасима Алексеевича Колпаковского**, который стал потом генералом, Георгиевским кавалером за Узун-Агачское сражение, знаменитым человеком в наших краях. На иконе Пресвятой Троицы Иссык-Кульской мужской обители изображён Преподобный Герасим, держащий в руках развёрнутый свиток с начертанной на нём картой озера Иссык-Куль с его окрестностями, – так почтили его, героя, спасителя, строителя: на личные средства возвёл он православные храмы в Заилийском крае и военный собор в Ташкенте. Будучи рачительным хозяином, озеленял город Верный, а кто из жителей не хотел сажать деревья – тех нещадно порол. Радикально, конечно! Но в результате таких воспитательных мер Верный стал городом-садом.

Подполковник Шайтанов награждён Колпаковским, конечно, не зря: от командира многое зависит, он должен найти нужные слова, чтобы воодушевить казаков на бой, должен принять правильные решения для успешного исхода сражения, но и простых воинов, низшие чины надо было поощрить. Без них любой командир бессилен. Награда не обошла только **есаула Бутакова**: он сменил Шайтанова на посту начальника Заилийского казачьего отряда.

Вот несколько отрывков из «Истории» **Леденёва**, где упоминается **есаул Бутаков**:

«...Хоментовский, получив известие о набеге, безнаказанность которого могла бы сильно уронить престиж русских в стране, поспешил вернуться в Верное и

сформировать здесь новый отряд из двух сотен казаков **есаула Бутакова**, роты пехоты с ракетным станком, усиленный массами киргиз Б-Орды, выступил 13 августа через Кастекский перевал в кочевья сары-багишей. Спустившись неожиданно для них в долину реки Чу, отряд успел захватить почти весь пасшийся здесь скот и направился обратно к перевалу. Но сары-багиши, руководимые коканцами, быстро оправились от овладевшей ими паники, настигли наш отряд у подъёма к Кастекскому перевалу и, окружив его со всех сторон, вступили в упорный бой...»

«Поражениями коканцев в прошедшем году хотя и было достигнуто успокоение Б-Орды, но с тем большею силой проявилась их агитация в причуйском крае, где часть населения, приняв наше подданство во время экспедиции Венюкова и Циммермана, отложилась и произвела ряд набегов в Заилийский край. Для прекращения этих набегов и наказания за них в начале января были направлены туда три казачьих отряда под командой **есаула Бутакова**, сотника Жеребятъева и хорунжава Ростовцева. Все отряды выполнили своё назначение очень удачно, а последние даже без всяких потерь, но отряд **есаула Бутакова**, наткнувшись неожиданно на пять аулов сары-багишей, потерял в стычке с ними одного офицера, умершего от ран, и трёх казаков ранеными.

В этих экспедициях, между прочим, отрядами захвачено в плен 47 женщин и детей...»

Все пленные, и это случалось неоднократно в Семиречье, обычно возвращались их родным, в том числе и 47 женщин и детей, захваченных в аулах сары-багишей. Так вообще издревле было заведено у русских.

Историк С. М. Соловьёв пишет:

«Писатели хвалят обхождение славян с пленными, которым оставляют жизнь. Говорят, что у славян пленные не рабствовали целый век, как у других народов, но что назначен был известный срок, по прошествии которого они были вольны или возвратиться к своим, давши окуп, или остаться жить между славянами в качестве людей воли и друзей». Пример тому бывший пленник, шведский офицер, **бригадир Бухгольц**, который вместе с казаками участвовал в сибирском походе. Он после плена был совершенно свободным и почитаемым в России человеком. Таким же стал и чёрный пленник, любимец Петра I, **Ибрагим Ганнибал** – предок Пушкина.

А вот коканцы пленных не щадили: отрезанные головы казаков они вывешивали на стенах крепости, а женщин и детей обращали в рабство и угоняли в Хиву, где был невольничий рынок. Джигиты **повстанца Срыма**, совершавшие набеги на казачьи станицы, взяли однажды в плен **атамана казаков Чаганова** и продали его в рабство хану Хивы.

В Кокандском ханстве жестокое обращение было не только с пленными, но и со своими подданными. В **«Истории» Бекмаханова** пишется: *«...Земледельцев, не пришедших в страду на прокладку ханских арыков, живём закопали в землю. В ханстве были введены самые невообразимые налоги: на камыш, на степные колючки, на пиявок, которых вылавливали в прудах. В дополнение ко всему не получавшие жалования воины-сарбазы просто грабили население, отбирая всё, что понравится (...) В Кокандском ханстве нередко вспыхивали мятежи*

(...) **Неоднократно повстанцы обращались за помощью к русским властям**
(...) *В 1876 году, после сражений в течение двух лет с русскими, Коканд сдался практически без боя...»*

Было немало сражений, где пришлось участвовать есаулу **Бутакову**: и вырываться из окружения, и переправляться с конём через бурные горные реки по канатной переправе, и попадать в гибельный котёл битвы, где силы были неравны, но он умудрялся выжить. Если речь идёт об одном из наших предков, то, судя по датам, это наш прапрадед **Михаил Петрович Бутаков** либо кто-то из его **родственников**. Наш дед, тоже есаул, Павел Андреевич Бутаков, родился через 28 лет после сражения при Кара-Кастеке и в этом деле никак не мог быть. Прадед Андрей Михайлович Бутаков, скорее всего, в 60-е годы только появился на свет и тоже не мог участвовать в усмирении кокандцев.

В 70-е и последующие годы есаул Бутаков уже не упоминается в «Истории» Леденёва, в том числе и в тяжёлом **походе на Хиву**, когда оголодавшие казаки шутили, что на Рождество будут пироги с ябогой (*ябога, жибога – грубая овечья шерсть*). Вероятно, по аналогии с тем, как во время джута овцы от голода едят шерсть друг у друга. Моя бабушка **Таня Бутакова**, когда говорила о непутёвом, путаном человеке, то называла его на казахский лад **«жибога»**.

Если **есаул Бутаков из «Истории» Леденёва** выжил, то, скорее всего, возвратился домой, в Прииртышье: в Омск, Павлодар или Баянаул. Но кем бы ни приходился нам есаул Бутаков 60-х годов XIX века, воевал он, видно, хорошо, и не посрамил фамилию Бутаковых, не зря же добился высокого чина в своей военной карьере, о чём снова пишет **Н. В. Леденёв**: «...Местные обстоятельства на нашей Сыр-Дарьинской линии потребовали начать военные действия против коканцев уже весной 1862 года. Ввиду этого для развлеченя их сил пришлось двинуть войска в Чуйскую долину в том же году и со стороны Заилийского края. Целью движения отсюда поставлена рекогносцировка долины до коканского укрепления Мерке. Сформированный для этого в Верном отряд в составе: 5 рот пехоты, 4 сотен казаков, 4 конно-лёгких и двух горных орудий, 8 ракетных станков и 74 человек киргизской милиции, всего в числе 1630 человек, был готов к половине апреля, а 17-го выступил уже передовой отряд из двух сотен казаков с четырьмя ракетными станками под командой **есаула Бутакова**, назначенного ещё в конце 1860 года начальником Заилийского казачьего отряда вместо подполковника Шайтанова...»

Вот он, высокий, выше всех ростом в отряде, скачет на боевом коне – **есаул Бутаков**. Крутые его, азиатские скулы стали бронзовыми от южного солнца, и потому особенно сильно выделяются на лице светлые, голубые глаза. Крупные, большие губы потрескались от зноя, но близко родники в горной расщелине. Там прохлада, свежая травка для коней, тень от нависающих скал, обросших арчевником и диким урюком. Тишина! Она обманчива – в горах может прятаться неприятель, и кони нервно прядают ушами, но казаки весело перекликаются, взрываются хохотом от солёной остроты – на это они мастаки! А то песню затянут:

*Греми, слава, трубой!
Мы дралися за Дарьёй,
По холмам твоим, Чиназ,
Разнеслась слава про нас!*

Гомоняют, ничего не боятся. Молодые, не проигравшие ни одного боя. Когда-то и он, есаул Бутаков, был таким же беспечным, теперь сторожится, зорко, быстрым глазом степного ястреба осматривает горы. Вроде бы всё спокойно. Закатный час – у кокандцев вечерний намаз.

Он вспоминает свой сон, который снится ему с раннего детства, и сегодня снился. Сон из какой-то забытой, давней жизни. Огромное белое солнце. Оно выкатывается из-за песчаных сопок. Люди в белых одеждах, похожие на ангелов выходят в степь. Он их любит. Он идёт с ними. Люди, мужчины, бросают на землю молитвенные коврики, опускаются на колени, наклоняют бритые головы, бьются лбом о землю – и резко выпрямляются, вознося ладони к солнцу, нараспев говоря свои молитвы, и снова – лбом о землю. Предки есаула тоже так молились. Теперь – забыли старые молитвы, по-русски крестятся, по-русски говорят, и только облик выдаёт их азиатскую кровь, да сны странные снятся.

В воображении своём есаул видит вечерний намаз кокандцев, засевших в скалах. Видит, как бросили они походные коврики в песок, упали на колени, пригибают бритые головы к земле, бьются лбом – и резко выпрямляются, вознося ладони к небу и вопя свои молитвы, и снова – лбом о землю. Наверное, просят Аллаха подсобить им в войне с русскими, приставляют ладони к ушам – слушают, но Аллах не откликается. Молчит. Ни облачка на небе. Зной. Пустые пространства над холмистой степью, посреди которой встают горы. Песок скрипит, блестит под копытами коней, как битое стекло. Но скоро, скоро привал!

КАЗАЧЬЯ СПЕСЬ

Мы в таких делах бывали –
 Погордимся ж, казаки!
 Как мы пели-распевали,
 Как мы рёв перекрывали
 Разгулявшейся реки!
 Крепкий щит границ российских,
 Сбережём родимый кров!
 Нет отважней, голосистее
 Сибирских казаков.

Казачья песня

Сибирские казаки, как я уже упоминала, в 80-е годы XVI века дошли до казахских степей, и с тех пор судьбы их переплетены с казаками. Хватает казахов и в моём **казачьем круге**. Оттого, что казаки смешивали свою кровь с теми народами, рядом с которыми жили или с которыми сталкивались в своих походах, казачество неоднородно и по диалектам, и по обличию, и по характеру. Например, **уральские казаки свысока смотрят на сибирских**, считая, что они «*омужичились*» в Сибири, то есть стали такими же, как переселенцы из русских деревень, крестьяне-чалдоны, бывшие под крепостным правом: они даже дождик называют «*мужичкой*»; стали вольные сибирские казаки жениться на чалдонках и на азиатках, хотя и сами уральцы на них женились, и тоже «*омужичивались*». Но если вы любого казака назовёте «*мужиком*», то нанесёте ему глубокое оскорбление.

Об уральских казаках, их обычаях и старине несколько книг написал замечательный прозаик из Уральска, сам казак старинного рода **Александр Ялфимов**, цитаты из которого я уже приводила. Проза его блистает богатым, густым казачьим языком, а в характерах его героев бьёт через край казачья удаль, неуёмная энергия, весёлость. Ялфимова часто приглашают на фольклорные фестивали в Оренбург или в станицу Вёшенскую, на родину Шолохова. **Михаил Александрович Шолохов** не был природным казаком, но лучше всех написал о казаках в «**Донских рассказах**» и романе «**Тихий Дон**». Шолохов любил приезжать к яицким казакам – в наш Уральск, богатый прежде рыбой. Там у писателя была небольшая дачка на Братановском яру. Шолохов был заядлым рыбаком, дружил с уральским писателем **Николаем Фёдоровичем Корсуновым**, который тоже оставил в прозе своё слово о казаках. Написал он воспоминания и о Шолохове – он с ним рыбачил: «...через несколько дней на один из тех крючков, что вызывали наши насмешки, взялся красавец сазан, весил великан около шестнадцати килограммов. Давненько не слыхивал я о таком рыбацком счастье, особенно если иметь в виду, что сазана в Урале и озёрах Приуралья вообще осталось мало. После этого рыбацкий авторитет Михаила Александровича поднялся на недосягаемую для нас высоту...»

У **сибирских казаков** своя спесь. В романе «**Горькая линия**» **Иван Шухов** пишет об отношении **сибирских казаков к донским** (заодно послушаем сибирский казачий говор): «У их войска – одни чубы, похвальба да песни. На это они мастера. А и в песнях тоже пусть извинят нас, сибирских казаков. Грозней наших песен ни в одном войске нету. Што пожар али бури степные, то и песни сибирские – стеной ходят! Если грянет наш полк: “Проявился в Сибири славный русский казак” – у донских горлохватов и чубы завянут. В песнях нам тоже ни перед каким войском робеть не приходится!»

И хотя сибирские казаки обвиняют донских в похвальбе, сами тоже не прочь прихвастнуть, что видно и из этого отрывка, и из моих семейных наблюдений, но песню в самом деле любят, и если где-то перехваливают себя, то ведь не зря, особенно в сравнении с иноземными певцами.

Вот как в романе **И. Шухова** рассуждают о песне, сравнивая её с душой и характером народа, сибирские казаки – ветераны многих войн, Георгиевские кавалеры, которых все почтительно зовут «воспода кавалеры»:

«– **Иноземная песня – не нашей чета**. И слова не те. И мотив какой-то тощий, сумный...

– Свысока поют.

– Правильно. У их ить у всех голоса-то бабьи – на тонкой ноте.

– А кака душа, така и песня. Откуда им басовитым-то быть? Тонкая нация.

– Правильно. Не наш брат. Это ить мы рывкнем – лампы погаснут.

– Што там говорить, сослуживец. Особливо казаки – скрозь лужёные глотки.

Мы ить при покорении Хивинского царства одними песнями басурманов в дрожь вгоняли...

– Знам. Было дело. Певали...

– А бывалы-то люди сказывают, што в городе Санкт-Петербурге есть такой запевала из нашего брата, што как рывкнет – стёкла в дворцовых окошках лопаются.

– Это я тоже слышал. Фамилий ему – **Шаляпин Фёдор Иваныч**. Русский мужик. Грузчик. Отпетая душа.

– А я слышал, будто он из казаков. С Горькой линии.

– Вполне возможно и это. Скорее всего, так, сослуживец. Не иначе в лейб-гвардии служил.

– Так говорят. Гвардеец. Сотенным запевалой числился. А теперь ему за одну песню графья и графини по миллиону платят.

– Дива мало. За душевную песню не только миллион, а и жизнь отдашь.

– Ишо бы. Песня – она ить хмельнее вина... Я вот про многие походы забыл и енералов теперь уж не всех припомню. А какие песни, бывало, певали в строю да на биваках – все скрозь наизусть зазубрил, хоть и голос-то у меня уж не тот – выноса прежнего нету. А мотив любой воинской песни и по сей день звенит в ушах. И как вспомнишь – сердце замрёт, голова кружится...»

Но несмотря на то что казаки разных войск ищут различия между собой – каждый в свою, конечно, пользу, всё же **это единое братство**, и в грозные моменты истории казаки объединяются. Мы видим это и теперь, когда идёт **война на Донбассе**. И сибирские, и уральские, и московские, и другие казаки оказывают помощь братьям Донецка и Луганска: в основной массе своей там сражаются **донские казаки** – против нацистского режима нынешней Украины под приглядом ненасытного Запада. Запад плохо знает казачий характер, хотя вихлястые украинские попрошайки объявили, что новый президент США Джозеф Байден – потомок запорожского **казака Байды**, а потому должен помогать Украине деньгами. Это, конечно, полная чушь, насчёт «Байды» – «байду» гонят, то есть по-нашему, по-украински – *брешут*. Вспомнил бы Запад походы казаков – не стал бы с ними воевать: проиграет! Когда в XIX веке семиреченские казаки воевали с кокандцами, то неприятель помнил: казаки бьются до победы и никогда не отступят, что и подтвердилось. И **Жусупбек Аймаутов** рассказывал, что если в казакша курес сибирские казаки Баянаула уступали степнякам, то вызывали их потом на кулачный бой и там всё же брали верх.

В «Истории России с древнейших времён» **С. М. Соловьёв** пишет о том же, приводя рассуждения крымских татар: *«Если придёт много людей на судах, то города их не останоят; ведь козак – собака: когда и на кораблях на них приходят турецкие стрельцы, то они и тут их побивают и корабли берут!»* Далее **Соловьёв** добавляет: *«Как в старину русские князья, нуждающиеся в войске для своих усобиц, находили готовые дружины в степях, где толпились разнообразные народцы, так и теперь, в XVI веке, владельцы дунайских княжеств, Молдавии и Валахии, борясь друг с другом, искали и находили помощь у козаков»,* когда не могли справиться сами. *«Подкова, прозванный так потому, что мог ломать подкову, нашёл также убежище между козаками, вместе с ними пошёл против Петриллы и одолел его...»*

И нынешние казаки Дона одолеют фашиствующих бендеровцев и американских кукловодов!

ЖЕРУЮК БУТАКОВЫХ И ЯКОВЛЕВЫХ

Бутаковы попали в казахское Прииртышье из Сибири в XIX веке, в 1836 году – за год до гибели Пушкина на дуэли, чтобы представить, какая это была эпоха. С этого времени мы и знаем имена наших предков, а более ранние поколения пришли сюда с Ермаком, то есть в XVI веке, обосновавшись в Омске, где

сидел наказной атаман. Они ходили в казахскую степь, строили укрепления вдоль Горькой линии, защищая Степь от набегов воинственных соседей, добывали соль в Ямыш-озере, кто-то оставался, а кто-то возвращался в Омск.

Яковлевы тоже в 1836 году пришли в Баянаул из Омска – по жребию, а как попали в Сибирь, мне неизвестно. Есть разные версии, но они туманны: будто бы первоначальные **Яковлевы из Твери**, в речи нашей бабушки Тани, в девичестве Яковлевой, попадались словечки тверской глубинки, и смуглое обличие, может отсюда: в Тверских землях издревле обитало много тюрков.

Исторические хроники сообщают, что в междоусобие «Романовы временно отказались от трона в пользу **крещёного татарина Симеона**, потому что их претензии не поддержала знать. **Мстиславский высказался за Симеона, потому что тот доводился ему шурином.**

Крещёный татарский хан Симеон, по прихоти Грозного, занимал некогда московский трон, а затем стал **великим князем Тверским**. Годунов свёл служилого “царя” с Тверского княжения, и он жил в деревенской глуши, в полном забвении. “Царская кровь” и благословение царя Ивана IV давали Симеону большие преимущества перед худородным Борисом Годуновым. Симеон понадобился боярам, чтобы воспрепятствовать коронации Годунова. Знать рассчитывала его сделать послушной игрушкой в своих руках...»

«Игрушка» эта, сведённая с трона Годуновым и прозябавшая в глуши, успела наплодить татар, которые заплотнили Тверское княжество. Может, и предкам нашей бабушки Тани досталась от них толика татарской крови?

Говорили ещё, **Яковлевы – «московские козаки»**. В «Истории» **С. М. Соловьёва** говорится о «московских козаках» XVI века: *«Мы видели характер козаков московских, то есть живших по степям, прилегающим к Московскому государству и признававших по имени власть последнего; точно такой же характер и козаков литовских, или малороссийских, известных тогда в Москве под именем черкас (...) Московские козаки громили по нескольку раз караваны купцов турецких и крымских, шедшие в Москву и возвращавшиеся назад (...) Крымские и турецкие купцы умели очень хорошо различать козаков московских от черкас...»*

Итак, **Бутаковы и Яковлевы**, по жребию, отправились из Омска нести военную службу в Прииртышье, для защиты Степи от набегов немирных соседей, а Россию – от набегов самих кочевников, а также для подавления мятежа казахских повстанцев. В 30-е годы XIX столетия Степь была охвачена освободительной борьбой казахских жузов против российской колонизации. Особенно яростной она была под предводительством **хана Кенесары Касымова** (с 1837 по 1847 г.), который то союзничал с Кокандом – против России, то дружил с Хивой – против Коканда, то дипломатично склонялся к России, держа в уме освобождение от её власти. В его армии, кроме казахов, были и беглые башкиры, и татары, и даже русские, что скрывались в казахской степи от преследований царских властей. Об их участии в восстании поручик Генштаба Герн писал: *«При Кенесары находится много казахов от всех родов, подвластных сибирским и оренбургским губернаторам. Вместе с ними представители других народностей... пятеро русских, четверо башкир и шестеро татар. Некоторые из них изготавливают оружие, боеприпасы для армии Кенесары. За время моего нахождения по рас-*

поряжению *Кенесары* от каждой юрты были собраны по одному железному треножнику очага и по одному кетменю, которые были отданы башкиру для литья пушек...»

Были в армии *Кенесары* ещё каракалпаки, туркмены, узбеки, киргизы. Как пишет «**История**» **Бекмаханова**: «Среди них особенно отличился **Сайдак-Хожя Оспанов**, получивший образование в Самарканде и Бухаре. В дипломатических переговорах, а также в управлении государством он был самым верным помощником *Кенесары*».

К тому времени стали создаваться внешние и внутренние округа, где в «приказах» служили в основном представители казахских племён под охраной казаков. **Н. В. Леденёв** пишет: «В каждом округе положено было иметь окружное управление, называемое “приказом”, с полицейскою и судебною властью, под председательством старшего султана, из двух русских заседателей, определяемых областным начальством, и двух заседателей из почётных киргиз по выбору. Для придания внушительности окружному приказу в глазах кочевников и силы его решениям, при приказах полагались по уставу команды сибирских казаков, командируемых в местопребывания приказов и водворяемых там на жительство при первой возможности...»

Баянаульский округ был создан в 1833 году, а в 1836 там уже появились казаки Бутаковы и Яковлевы, направленные из Омска. При каждом приказе обязательно служил толмач. Таким толмачом был и наш предок **Пётр Степанович Бутаков**.

Расслоение в казачьей среде было заметно хотя бы по нашим предкам – **Петру Бутакову** и **Андрею Яковлеву**. Говоря современным языком, Пётр Бутаков был дипломатом, потому что толмачи выполняли не только переводческие обязанности, но и дипломатические. Он был образованным и состоятельным человеком, представителем высшего общества, а Андрей Яковлев – строевой казак, то есть простой солдат, охранявший «приказ», который, возможно, даже грамоты не знал. Этот водораздел останется и дальше, даже когда их потомки породнятся. Вытягивая жребий на службу в Баянауле, казаки Бутаковы и Яковлевы вытянули судьбу.

Бутаковым и Яковлевым повезло с назначением: **Баянаул** – красивейшее место на земле, окружённое горами, где водятся архары. Иногда встанет вожак стада на вершине Баянтау, как могучий страж, так и стоит недвижно, озирая зелёные просторы с чистыми озёрами. Час идёшь, два идёшь через хвойный бор и открытые земляничные поляны, а горный баран всё стоит на своём посту, будто выточенный из камня.

Баян называют казахстанской Швейцарией. Расположен Баян (мы его так привыкли звать) на берегу живописного озера **Сабындыкуль**, окружённого разноцветными камнями, которые там и тут входят в ослепительно-синюю воду. Вода щелочная, потому озеро так и называется **Сабындыкуль – Мыльное озеро**. По преданию, красавица по имени Баян мыла волосы в озёрной воде и выронила мыло, вот озеро и стало мыльным. Казачки стирали в нём бельё. И мы детьми вместе с нашими тётками Верой и Тamarой ходили на озеро для постирушек. Дни стояли солнечные, ветреные. Пока тётки стирали, мы, надув воздухом наволоч-

ки, плавали на них. А ещё ловили в Сабындыкуле колючих ершей и наблюдали шумные выводки белых гусей, обитавших на подворьях приозёрной казачьей станицы.

Недалеко от Баяна другое живописное озеро – **Жасыбай**. Оно лежит среди скал, обросших сосновыми лесами. В летний зной воздух там пропитан горячей смолой и степными травами. Есть в горах чудодейственная пещера: если бесплодная женщина войдёт в неё – непременно потом родит, хоть в пещере и не прячутся джигиты. Среди выжженной солонцовой степи Жасыбай – как сон, как чудесный мираж, который переливается цветной дымкой, голубым и зелёным светом, веет прохладой и вековой тайной, потому и окружён легендами, сказками, в которых детская мечта людей о небывалом счастье, о чуде, о земле обетованной – **Жеруюк**, где жаворонки вьют гнёзда на спинах овец.

Как-то легендарный **Асан Кайгы (Асан Печальник)**, скитаясь по солонцовой, выжженной солнцем Степи на быстроногом верблюде в поисках такой земли, куда бы мог он поселить свой многострадальный народ, добрался до Жасыбая – и остановился, очарованный красотой гор, лесов и синего озера. Три дня жил на берегу Жасыбая Асан Кайгы, наслаждаясь покоем и думая, что достиг наконец-то Жеруюка. И мы так думаем, когда приезжаем в Баян.

БОЖЬИ ДЕТИ

Говорит нам Азия большая:
«Вы остались русскими душой!»
Говорит Россия, сокрушаясь:
«Много в вас от Азии большой!»
Прошумят дождём упрёки эти –
Станут в поле реками ручьи.
Кто же мы теперь на белом свете?
Отвечает ветер – Божьи дети,
Только Божьи дети и ничьи!

Кроме планов России закрепиться на присоединённых к ней землях кочевых племён была ещё необходимость у самих этих племён быть под защитой сильного государства, коим являлась Россия, быть с ней в дружбе – тем более соседи, а казахский мудрец **Акыт-кажи** завещал народу: *«С соседними народами живи в мире и согласии. И земли, и скота, и других благ хватит казахам. А вот чего может не хватить, так это благоденствия и спокойствия – об этом пекусь (...) Желание соседа – воля Создателя. Мирным соседством своим отдавайте плату Создателю. Не давайте повода для обид. Если сосед рассердится, то Создатель опечалится. Не допускайте, чтобы враг был под боком, чтобы с соседним народом ссоры и тяжбы были, – этого наставления придерживайтесь, мудрость в себе сохраняя...»* Этот завет Акыта-кажи можно отнести и к русскому народу, и к другим народам – он универсален!

Почитаем снова **«Историю Казахстана» профессора Бекмаханова**: *«Аблай ещё в 40-х годы XVIII века говорил джунгарскому хану, что его заветным желанием является перевести казахов к осёдлости. Позднее он обратился к русской*

императрице **Екатерине II** с просьбой прислать в казахскую степь десяток крестьянских семейств для обучения казахов земледелию. На это ходатайство императрица ответила согласием...»

Подчёркиваю вновь, опираясь на документы: **казахские ханства добровольно вошли в состав России** – после долгой войны с ней и утомительной междоусобицы внутри Великой степи, о чём теперь хочет забыть часть – не все, только часть! – «*новых казахов*» с обострённым чувством патриотизма, которые впадают в крайность. Они называют казаков и вообще русских только колонизаторами и выставляют их исключительно с негативной стороны, одержимые обидой. Обижаться было на что – не спору! – но ведь и хорошее тоже было: в мире нет абсолютного зла, как и абсолютного добра – это давно доказано философами разных времён и народов. Патриоты, кипя праведным гневом, выкатывают счёт и за хана Кучума, и за походы Ермака, и за царскую колонизацию, и за СССР, и за многое другое – список длинный.

А что, если русские, тоже впад в крайность, выкатят счёт казахам, как сделала недавно Украина, требуя от современной Монголии финансовую компенсацию за 240 лет монголо-татарского ига? Анекдот, конечно! Но украинцы вообще весёлый и причудливый народ – стоит хотя бы перечитать **Гоголя**, его книгу «**Вечера на хуторе близ Диканьки**».

Откуда, скажете вы, может у русских появиться счёт к казахам? А вот станут вспоминать, какое активное участие принимали казахи всё в тех же походах монголо-татар на Русь! У монголов маленькая страна, а воинов надо было много, вот и брали степных кочевников, которые обеспечивали монголам победу на всех фронтах – они были хорошими воинами. Казахи и коней строевых им поставляли, и продовольствие. Чингисхан перед походом на Русь молился в тайной келье в Чингисских горах (потому они и названы Чингисскими), что находятся в наших, ныне Семипалатинских краях: здесь, в центре Евразии, в сакральном месте, где сходятся мистические излучения, Чингисхан подпитывался космическими токами казахской земли. Шли казахи с монголами ещё и потому, что роднились, – это неизбежно при долгом и тесном контакте. Ныне составляются многостраничные списки чингизидов – прямых потомков Чингисхана.

Кстати, **Ермухан Бекмаханов** – тоже чингизид. В книге моего друга и литературного наставника **Медеу Сарсеке о Бекмаханове** мальчик Ермухан, слушая рассказы стариков о былинных временах, батырах, певцах и славных битвах, узнавал и своё родословие: «... *“Смелого и нечистый боится, смелого и смерть не берёт!” Если бы все казахи были, как Сабалак, им не было бы равных. Были бы все ловкие и бесстрашные, как он, мой предок в седьмом колене, давно защитили бы свою землю от посягательств, поругания, обрели свободу на вечные времена, – рассуждал Ермухан. – Выходит, что я, Шаммухан-ага и Динши, мой родной брат, – прямые наследники этого славного батыра, значит, он – мой дед в седьмом колене. Ведь я – потомок торе, ветви, идущей от самого великого Чингисхана и его первенца – могущественного Жочи...»*

Что же нам, русским, до скончания веков вспоминать войну с монголами и кочевой Степью? Озлобиться на казахов и никогда не прощать? Совершенно пустое и бессмысленное занятие! Не лучше ли посмотреть на прошлое трезвыми глазами современного человека, отодвинув застарелые взаимные обиды и предвзятость? Или – вспомнить **сороковое Слово «Гаклия» Абая**. Я особенно люблю именно

его, **сороковое Слово**, поэтически ритмизованное, пронзительное – от горестного рефрена «Почему так?», от бесконечного союза «и»:

«Вот считаешь за друга кого-нибудь и даришь ему коня, и приходит к нему твой враг и дарит ему жеребёнка, и друг уже отвернулся от тебя.

Почему так?

А иногда человек хочет до смерти, чтобы приехал к нему его враг и чтобы хоть раз удалось ему поговорить с ним, и ближе ему враг, чем друг, который всегда послушен.

Почему так?..»

ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ...

Если бы не Россия присоединила к себе казахскую степь (с её согласия!), это бы насильно сделали Китай, джунгары либо Кокандское ханство, которые там плотно обосновались, пользуясь междоусобицей кочевых племён и мечтая о богатых и обширных казахских землях, как в своё время сделали монголы с ослабленной междоусобицами Русью. Им не удалось русских ассимилировать, подогнуть под себя, удержать под своей рукой – у страны ко времени татаро-монгольского нашествия уже была крепкая духовная основа: древняя культура, язык, письменность, православная вера, хотя удельные князья враждовали и раздирали отчизну на части, как и казахские ханы грызлись друг с другом и раздирали Степь, будто козлиную шкуру в **кокпаре**. Но казахов монголы тоже не ассимилировали – уж больно казахи любят свободу!

«Пока пальцы не сойдутся, и иголку не ухватишь», – так в Степи говорят старики. О разобщённости казахов, которые настолько любили свободу, что никак не хотели уступать другу другу, покоряться чьей-то воле, с горечью писал в конце XIX века (в 1898 г.) и поэт Абай:

Разрознен мой родной народ,
Расколот, разобщён.
Мне жить спокойно не даёт
Вражда со всех сторон.

В книге «Древняя Русь и Великая степь» Л. Н. Гумилёв говорит: *«...Но нельзя считать китайцев злодеями! Они считали свою историческую миссию цивилизаторской, принимая в свой суперэтнос тех, кто был согласен превратиться в китайца. Но в случае упорного сопротивления комплиментарность становилась отрицательной. Тюркам и монголам приходилось выбирать между потерей жизни и утратой души»*.

Не только китайцы пытались ассимилировать степные народы, и если те не ассимилировались – их уничтожали. Давайте посмотрим, что джунгары (калмыки-ойраты) сделали с казахами, считая, видимо, свою миссию тоже цивилизаторской.

«История» Бекмаханова пишет о джунгарах так: *«Они совершали стремительные набеги. О них говорили, что они “в быстроте передвижения родственны ветру и опережают пыль из-под копыт своих коней” (...). От них страдали все*

народности, населявшие степи и горы обширной территории от Алтая до Северного Кавказа. Особенно много бедствий испытали казахи (...) Казахи в панике бежали перед ойратскими войсками, бросая имущество и скот. Не успевших бежать ойраты уничтожали. **Поголовно истреблялись целые аулы казахских родов.** В Старшем жузе в одном из аулов рода Садыр остались в живых лишь двое: одна женщина и её малолетний сын. В момент побега женщина спрятала сына под опрокинутым котлом, а сама успела скрыться в ближайших камышах...»

А вот что сделали цивилизованные китайцы с джунгарами, которые тоже сопротивлялись ассимиляции: **«В 1758 году Джунгария как государство совсем перестало существовать. Она была разорена китайскими войсками. Её население было почти полностью уничтожено. Из сильного и многочисленного народа ойраты превратились в небольшую народность...»**

Читаем дальше «Историю Казахстана» Бекмаханова: **«Общины Старшего жуза, которые находились в зависимости от Джунгарии, теперь были вынуждены подчиниться Китаю. Ими стали управлять китайские чиновники через посредство беков. По отношению к Среднему жузу китайское правительство удовлетворилось признанием вассалитета со стороны хана Аблая...»**

Если бы казахи и дальше оставались под Китаем, то их бы, скорей всего, постигла та же участь, что и джунгар: **«От них остался долгий крик: “Джунгары!” да из ворот Джунгарских суховей!»**

А теперь цитата опять из Гумилёва: **«В Китае монгольские воины, находившиеся на постое в домах китайцев, были зарезаны в одну ночь, после чего уцелевшие монголы с ханом в 1369 году вернулись в Степь, обезлюдившую и обескровленную, и перешли к обороне, крайне неудачной. ... В Золотой Орде, после того как она стала мусульманским султанатом, возникла “великая замятня”, за которой последовал политический распад государства и этническое разделение на татар казанских, крымских, астраханских, сибирских, ногайских и казахов. Все они вернулись к обычаям предков и в ряде случаев восстановили республиканский строй – племенные союзы, или джусы.»**

Слава Богу, что тюркские племена в результате «цивилизаторских» действий джунгар и китайцев, когда надо было выбирать между жизнью и сохранением души, сумели сохранить душу. Прошли века, улеглись былые страсти и обиды. Маленькие по территории страны, Монголия и Калмыкия, вернулись в мирное русло, как и великий Китай. И все нынче дружат с Казахстаном и Россией.

Но нет покоя на Земле! Яростное солнце с протуберанцами магнитных бурь воспаляет народы, взрывая человеческую психику, обостряя агрессию.

Теперь США пытаются цивилизовать весь мир, заряжая пушки ядрами своей «демократии», которые рушат стены древних культур, вовлекая мирное население в войну. Совсем как поётся в старой песне бесноватых большевиков прошлого века: **«Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы сами, мы новый мир построим: кто был никем – тот станет всем!»** Библейский лозунг взяли: **«Кто был никем – тот станет всем!»** Но при американской «демократии», как мы уже знаем из современной истории: кто был «никем» – тот «никем» и останется, упав ещё ниже, а кто был «всем», владея богатством, – разбогатеет ещё больше. О дружбе с такими «цивилизаторами» хорошо говорит казахская пословица: **«Дружба аульных собак – до первой косточки».**

Когда китайцы шли «цивилизовать» соседние народы, то у Китая была хотя бы многовековая культура, в духовном смысле им было что нести другим народам. А что такое США? Страна-подросток в пубертатном периоде. Как бежали туда 350 лет назад искатели золота, преступники, головорезы, истреблявшие индейцев, так и теперь стремятся в Америку мигранты из разных стран в надежде быстро разбогатеть и жить припеваючи. **Доллары – вот американская мечта!** Да, это мировая держава, созданная руками чужих народов, с самой сильной экономикой, передовыми технологиями, современной наукой. Я помню, как в советские времена был у нас девиз: *«Догнать и перегнать Америку!»* Но построена Америка в долг, и долг этот переваливает за триллионы, построена на фундаменте обогащения, а этот фундамент стоит на песке, пусть на «золотом песке», но ненадёжном, сыпучем. Мы помним, что случилось с древней Иудеей, которая молилась Золотому тельцу и впала в гордыню: она исчезла, а народ её был рассеян по свету. Америка больна, её трясёт «золотая лихорадка», лишая рассудка. Все противоречия решаются с помощью современных вооружённых «ковбоев». Это полицейское государство.

Гоголь ещё в 1846 году в письме поэту **Василию Жуковскому** поставил Америке точный диагноз: *«А что такое Соединённые Штаты? Мертвечина. Человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит».*

Но возможно когда-то, переболев «золотой лихорадкой», навоевавшись, повзрослев, Америка станет другой, если, конечно, окончательно не сойдёт с ума и не погубит себя. Но будем надеяться на лучшие времена, ведь в Америке живут и наши люди, и вообще много хороших, добрых, нормальных людей – как везде, не только злодеи, а там уж как Бог управит, ведь **все мы Божьи дети**.

Зная историю хотя бы немного, можно понять, что происходит сегодня, и не отчаиваться или – насторожиться и собраться с духом. Всё уже было до нас – было, было, было, и ничто не ново под луной, – об этом миллион раз сказано. И я подумала: похоже, у *«Космического Компьютера»*, который программирует наше бытие, не так уж много вариантов, если они повторяются? А может быть, повторы эти нужны, чтобы люди лучше выучили урок? Нас ведь наставляли в школе: *«Повторение – мать учения»*. И русский историк **В. Ключевский** говорил, что история ничему не учит – она только наказывает за невыученные уроки. Как выучим – двинемся к новым «программам», а пока – второгодники и двоечники, и не видать нам похвальной грамоты за отличную учёбу.

ГЕОГРАФИЯ КАК СТРОКА ЛЕТОПИСИ

К географическим названиям следует относиться как к летописным строкам, где запечатлена история в первоизданном, ещё не искажённом виде. *«В географии без истории, как и в истории без географии, встречается претыкание...»* – пишут старые книги. Но мы то и дело переделываем географические названия – в угоду сиюминутному настроению и политическим резонам, когда вчерашние герои становятся злодеями, а злодеи – героями. Потом имена возвращаем назад, потом опять всё переименовываем, окончательно запутывая сами себя и своих потомков.

Вот хотя бы один ряд: Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург. Мудро поступают те страны, которые не трогают исторические названия городов, деревень, аулов, улиц, площадей, не громят памятники.

В географических названиях России немало угро-финских, греческих, немецких, тюркских слов и слов других народов; в географии современного Казахстана сохранились следы пребывания здесь не только русских, но и монголо-татар, китайцев, сартов, персов, арабов, джунгар и т. д. Например, **Джунгарские ворота Джунгарский Алатау**. В городе **Жаркенте**, построенном **казачьим генералом Колпаковским** на границе с Китаем, стоит **мечеть**, возведённая на деньги мусульманской общины, собранные по инициативе **купца первой гильдии Юлдашева**, китайским мастером. Мечеть эта похожа на пагоду, на дацан, с элементами буддистской символики: знак солнца и бесконечности жизни – в виде свастики (фашисты – ошибочно – извратили этот знак, повернув концы «паука» наоборот – к самоистреблению), всевидящее око и т. д., не хватает только ритуальных красных барабанов с иероглифами молитв. В **Жаркенте** компактно проживают уйгуры, и в селении **Чунджа**, опять же на границе с Китаем, до сих пор живут уйгуры, пришедшие из Поднебесной: само слово «**Чунджа**» – от жёлтых уйгуров, и означает «**Широкое поле**». Я бывала и в Жаркенте, и в Чундже. В Чундже великолепная природа: синие горы, обросшие лесами, обширные степи с целебными горячими источниками, а слово **Жаркент (Жаркент-Арасан)** означает «источник с минеральной водой». Хранит древнее название и **речка Чурчуть**, впадающая в **Пёстрое озеро – Алаколь**, название которого тоже происходит от тюркско-монгольского симбиоза понятий; **чурчуты** – по устному преданию казахов, люди чужих нравов, языков, народностей, часто что-то непонятное казахи сравнивают с чурчутским языком.

Историк **Лёвшин** в своей книге «**Описание киргиз-казачьих орд и степей**» значительную часть первого тома посвятил географии Казахстана, где поражаюсь не только многообразию природных зон, но и климату – резкому переходу от одной погоды к другой: «...20 октября 1820 года, находясь **около вершин Илека**, мы среди дня жаловались на солнечной зной и удивлялись оному; а 28 или 29 числа того же месяца уже ездили на санях: зимний путь вдруг установился и постоянно продолжался до марта месяца...» **Жара**, говорит Лёвшин, здесь бывает такая, что сопровождавшие его по азиатским степям **казаки в раскалённом песке пекли яйца**. «Несмотря на таковые крайности, климат описываемой нами страны вообще здоров, воздух чист. Не только природные жители, но и все иностранцы в оном толстеют и чувствуют себя крепче. Это ещё замечательнее потому, что переход от жары к холоду, при перемене времён года, бывает большею частью быстрый (...) Говоря вообще, зима в степях Киргиз-Казачьих бедственна не столько от сильной стужи, сколько от ветров и бурь, часто её сопровождающих. Снежные метели или бураны бывают здесь невероятно сильны: они заносят сугробами жилища, опрокидывают деревья и истребляют людей и стада...»

Подобные природные катаклизмы мы и теперь часто наблюдаем, когда к занесённым по крыши населённым пунктам МЧС пробивается с помощью своей мощной техники, чтобы помочь попавшим в снежную ловушку людям. А по весне – начинают бороться с наводнениями, а летом – с засухой или саранчой, а там опять – осень и зима, непредсказуемые, опасные, когда в степи замерзают отчаянные водители автомобилей, что пускаются в путь, несмотря на прогнозы синоптиков:

когда лошади на тебенёвке не могут добыть из-под снега траву и коченеют; когда волки, гонимые голодом, заходят в аулы и режут скот; когда метель начинает свою заунывную, долгую песню, трогая струны домбры, что висит на стене чабанской зимовки. Потом вьюга смолкает, а домбра всё поёт – сама собой, укачивая младенца в **колыбели-бесике**, которой триста лет, и в бесике этом спали деды и прадеды казахской семьи. Крепко привязывалась колыбель на спину верблюда или коня, когда отправлялся аул в кочевье или на летнее пастбище, на жайлау. Размеренный шаг кочёвки укачивал младенца, и потому, наверное, в крови степняков – чувство музыкального ритма, любовь к распевному поэтическому слогу.

* * *

А теперь перенесёмся на мою родину – в **Прииртышье**. Название «**Баянаул**» происходит от калмыцкого слова «**Боянола**» – «**Красивая гора**», что соответствует неопишуемой красоте наших мест. Есть и другое, тоже поэтическое объяснение – казахское: «**Гора, где жила красавица по имени Баян**». По легенде, как я уже упоминала, она однажды уронила мыло в озеро **Сабындыкуль**, когда мыла свои длинные блестящие волосы, и озеро стало мыльным (щелочным), вот и назвали именем красавицы Баян аул в горах.

В древние времена другое баянаульское озеро, **Жасыбай**, называлось **Хан Шарасы – Ханская Чаша**. Это такая круглая посуда, вырезанная из берёзы, с затейливыми узорами. Озеро в самом деле похоже на эту богато украшенную ханскую чашу, и покоится чаша в каменных ладонях живописных гор. По преданию, в те времена, когда озеро Жасыбай называлось Ханской Чашей, там водились тигры. Они охотились на архаров, а за тиграми охотились местные жители, потому что звери резали также их скот. Однажды наш край захватили ойраты – воинственное джунгарское племя. Баянаул вместе с озером Хан Шарасы достались их батыру по имени Шоин, и озеро стали называть **Шоин**. Шоин был метким стрелком, и он перебил тигров. Потом, как гласит легенда, родились настоящие казахские батыры с сердцами тигров, они возглавили народ и вытеснили ойратов со своей земли. Один из этих батыров – **Жасыбай**. Шоин не мог смириться с поражением и с потерей такого богатого края, как Баянаул, который он обживал много лет.

«Как передаёт народная молва, он тайно вернулся на берег озера, увидел безмятежно спавшего **на перевале Тикасу** молодого **воина Жасыбая** и его верного друга, меткого **стрелка Киика**, и, подкравшись лунной ночью к ним, сразил стрелами обоих. Неожиданная смерть отважных джигитов потрясла предводителя суондииковцев **Олжабая, сына знатного бия Толыбая**. Пустился он со своими сарбазами по пятам врага. Гнался до самого Иртыша, а догнав, снёс в поединке голову Шоину, многих его людей умертвил, оставшихся ойратов разогнал и отбросил на другую сторону реки. Возвратившись из этого похода, отважный Олжабай-батыр произнёс фразу, впоследствии ставшую крылатой: *“Если не родится настоящий мужчина, то это несчастье для народа. Если же народ не будет прославлять героя, то это уже несчастье для той земли”*. И, по обычаю предков, он назвал Шоин-озеро **Жасыбаем**, а **перевал Тикасу**, где погиб отважный Жасыбай, с тех пор носит имя батыра. Тело Жасыбая предали земле на самой середине перевала. Место, где происходило последнее сражение с калмыками, находится почти на расстоянии дневного конного перехода от стани-

цы Баянаульской. С тех пор оно носит название “Калмаккырылган” – “Место гибели калмыков” (...) И хотя с тех пор прошло почти два столетия, сменилось семь-восемь поколений, всезнающие аксакалы, проходя тот перевал, говорили молодым: “Вот это и есть могила отважного Жасыбая. Всё может на свете исчезнуть, но только не могила. Всякий путник обязательно заметит её”...» – так писал исследователь Баянаула и его окрестностей **Машхур Жусуп Копейулы**. Говорят, помолвившись у святой могилы, путник чувствует небывалый прилив сил и бодрости, будто и не прошёл до этого пять-шесть вёрст. Место это до сих пор излучает особую мистическую энергию.

Кто такие джунгары? В комментариях к «Истории Казахстана» **Е. Бекмаханова** есть пояснение:

«**Джунгарское ханство** – ойратское государство, существовавшее в XVII–XVIII веках на участке территории между озером Балхаш, горами Тянь-Шаня и верховьем Иртыша. На карте Петра Великого, составленной пленными шведскими офицерами приблизительно в 1720–1725 годах, среди окружающих Россию государств зелёным цветом выделено Калмыцкое государство, называемое Джунгарским ханством. В 1755 году Джунгарское ханство было ликвидировано Цынско-Маньчжурской империей.

Джунгары (*зюнгары*, или *чоросы*) – монголоязычный народ, относящийся к ойратам. В XVII веке чоросы и несколько других родов создали на западе Монголии Джунгарское ханство (сочетание «*джун гар*», или «*зюн гар*», означает: «*левая рука*» – когда-то так называлось левое крыло монгольского войска). Джунгарами (*зюнгарами*) называли также всех подданных Джунгарского ханства).

Война казахов с джунгарами длилась 140 лет (между 1609 и 1752 годами). Потом джунгары исчезли, а джунгаро-монгольские и древнетюркские слова остались в географических названиях Казахстана.

КАЗАЧИЙ ИРТЫШ

Вся поэзия **Павла Васильева** пронизана запахом Иртыша, его зелёные волны высоко поднимают Слово поэта, освежают каждую его строку. Множество ярких образов наколдовал ему Иртыш. Иртыш у него так же могуч и несокрушим, как характеры казаков, так же вольнолюбив, щедр и приветлив, как душа степных кочевников.

Река просторной родины моей,
Просторная,
Иди под непогодой,
Теки, Иртыш, выплёскивай язей –
Князь рыб и птиц, беглец зеленоводый.

.....
Маши турецкой кистью камыша,
Теки, Иртыш! Любуюсь, не дыша,
Одним тобой, красавец острокулый,
Оставив целым мёду полковша,
Роскошествуя, лето потонуло...

И я люблюсь, не дыша, остроскулым, как сам поэт, красавцем Иртышом – и не могу налюбоваться, хоть разменяла седьмой десяток и стала свидетелем двух веков: XX и XXI. Иртыш – река моей души, родина казачьих станиц, казачьих стругов и славных походов наших предков. Название «*Иртыш*» происходит от тюркского «*Артыш*» – «*перевал*», «*переваливать*», и потому объяснима его восточная «остроскулость». Словарь топонимов **Е. Койчубаева** поясняет: «Название дано, вероятно, по характеру русла реки, которая, беря начало в Зайсане течёт сначала по равнине, затем постепенно проходит по узкому ущелью, через Нарымский и Калбинский хребты и другие отроги Алтая, вплоть до г. Усть-Каменогорска. К этимологии Артыш приводят также его тюркские дубликатные формы: *Артасу*, *Артыш*, *Артек*, также и *Алтын-Артыш*, *Астын-Артыш*, *Устю-Артыш* (адекватный *Верхний Иртыш*) и др.» У казахов он – **Ертіс**.

Мой родной **Семипалатинск** названием своим происходит от монгольского слова «*суме*» – «*монастырь*»: на месте города прежде стояли семь палат буддистского монастыря. Но позднее в умах жителей города – казаков – укоренилось не первоначальное монгольское «*суме*», а более близкое русскому слуху – «*семь палат*». Казахи название города подогнали под свой слух и язык – «*Семей*» («*суме*»). Так он теперь и называется.

Раньше, куда бы ни приходили ойраты, свои поселения они начинали с постройки монастырского комплекса и храма Будды, если правитель был богат. Видимо, в будущей казачьей крепости Семипалатной правитель был богат и построил семь палат монастыря, удобно расположенного в пойме Иртыша, где было много рыбы и дичи. Позже эти земли захватили китайцы, перебив калмыков.

А потом **пришли казаки** и построили на берегу Иртыша свою крепость, построили **станцию Семипалатную**, построили город и закрепились здесь навсегда. В городе появились православные храмы и мусульманские мечети, появились татарские и ташкентские купцы, а также русские, потому что очень скоро Семипалатинск стал торговым городом – он лежал по маршруту **Великого Шёлкового пути**, который возник во II веке до н. э. и **соединил Азию с Европой**. Значительная часть этого пути пролегалла по территории Средней Азии и Казахстана. **На гербе Семипалатинска – верблюд**. На верблюдах везли товары из Китая, Индии, Персии, Византии, Средней Азии и т. д.

Павел Васильев писал в стихотворении «Семипалатинск»:

Зноем взятый и сжатый стужей,
В камне, песках и воде рябой,
Семипалатинск – город верблюжий,
Коршуны плавают над тобой.

(...) Нам путь преграждают ржавые груды
Камней. И хотя бы один листок!
И снова, снова идут верблюды
На север, на запад и на восток.

(...) Меж тем как с длинным верблюжьим рёвом
Город оглядывается назад...
Но мы тебя сделаем трижды новым,
Старый город Семи Палат!

Теперь, в «трижды новом» городе Семи Палат, верблюдов уже не увидишь, а вот коршуны продолжают плавать в степном небе, охотясь на сусликов и полёвок, а то и змею прихватят.

Л. Гумилёв в книге «**Древние тюрки**» целую главу посвящает **Великому Шёлковому пути**. Приведу отрывок.

«...В Средней Азии караваны отдыхали. Одним из крупнейших перевалочных пунктов был г. Пайкенд. Оттуда путь шёл через Хорасан на Рей и Хамадан и через византийскую крепость Несевию (Низиб) в Сирию и Константинополь. От Китайского моря до границ Персии считалось 150 дней пути, а отсюда до Низиба на римской границе ещё 80 дней.

Торговля была весьма оживлённой и доходной, но обслуживала не народные массы, жившие в условиях натурального хозяйства, а социальную верхушку, нуждавшуюся в предметах роскоши. Китайцы получали из Ирана исключительно для своих императриц знаменитую краску для бровей, стоившую очень дорого. Вавилонские ковры были также редкостным товаром. Наконец, в Китай ввозились подлинные и искусственные сирийские драгоценные камни, кораллы и жемчуга с Красного моря, ткани из Сирии и Египта, наркотики из Малой Азии. Но наиболее важным предметом торговли был **шёлк**, который начал поступать в Европу **со времён Августа**. Потребность Византии в шёлке была огромна, так как помимо нужд двора и аристократии шёлк использовался как валюта при сношениях с варварами, в частности, при найме вспомогательных войск.

Притязания **Юстиниана** на мировое владычество вынудили византийское правительство поддерживать дипломатические связи со всеми государствами Европы до англосакских королевств включительно. На подарки, подкупы, наём воинов требовалось огромное количество шёлка (...) Благодаря торговле Юстиниан мог вести мировую политику, которая подчинила его власти почти всё Средиземноморье. Шёлк в Византии ценился наравне с золотом и драгоценными камнями...»

С Византией за рынки сбыта китайского шёлка боролись персы, и между Византией и Персией возникали «Шёлковые войны»... Но пора верблюжьему каравану с берегов Средиземного моря возвращаться на Иртыш, в казачью крепость Семипалатную, на герб города Семи Палат.

До сих пор в Семипалатинске остался посёлок, который называется **Старая Крепость**, а у старинных, красного кирпича домов сохранились монументальные, тоже кирпичные, ворота, такие высокие, что в арки могли входить навьюченные верблюды, тут же – кольца для коновязи. В детстве мы гремели этими кольцами или, играя в казаков-разбойников, привязывали к кольцам взятых в плен ребят с чужих улиц.

Там, где раньше высились барханы, где носился один песок, поднятый буйным ветром, который выл как раненый шайтан, разрастался город, и на него дивились кочевники, ставившие свои юрты на левом берегу Иртыша – там простиралась бескрайняя степь, уходя в белесое небо. Перистые облака прорастали в степи ковыльями, а ночные звёзды вспыхивали утром зелёными огоньками цветущей полыни.

* * *

В книге «**Семипалатинск: их именами названы...**» (2006) краевед **Виктор Кашляк**, прослеживая названия семипалатинских улиц – старых и новых, увлекательно рассказывает о нашем казачьем и купеческом городе. Приведу два отрывка о купцах.

«...На **Ташкентской** улице проживали узбеки, или, как их тогда называли, “ташкентцы”. **Мир-Курбановская** названа в честь одного из них, который был знаком с Чоканом Валихановым и Фёдором Достоевским, – это **Мир-Курбан Аупов**, в своей среде получивший имя “**Букаш**”, крупный торговец, долгое время проживавший в Семипалатинске.

Именно благодаря составленной им легенде ему вместе с молодым **Чоканом Валихановым** удалось беспрепятственно совершить путешествие в Кашгар в 1858–1859 годах. За что Мир-Курбан Аупов в 1860 году и был щедро награждён царским правительством: “*Семипалатинскому купцу Букашу, добровольно вызвавшемуся отправить караван на свой счёт в среднеазиатские владения, чин хорунжего и золотую медаль для ношения на шее на владимирской ленте...*” А в 1870 году – “*...к особенным заслугам и преданности Русскому правительству пожалован в потомственное владение, на правах полной собственности, участок земли в Альджанских горах Семипалатинского уезда, в количестве 1 тыс. десятин...*”

К этому времени Букаш был уже старшиной семипалатинских “ташкентцев”. Во время пребывания в Семипалатинске Ф. М. Достоевского писатель и его друг барон А. Врангель неоднократно посещали этого купца, о чём **Врангель** оставил воспоминания:

“В другой раз отправились мы с Ф. М. в компании губернатора к богатому коканцу-старiku, звали его «Букаш». Это был добрый человек лет 65–70, сухощавый, среднего роста, юркий, с прехитрой лисьей физиономией. Реденькую козлиную бородку он не красил, как обыкновенно принято у азиатов. Он посетил Казань, Москву и не был фанатиком. Букаш только что привёз из Кокана молодую, кажется, номер пятый жену, и вот захотел нам её похвастать, для чего и пригласил нас на дастархан”...»

А теперь заметка о русских **купцах Плещеевых**, оставленная их современником:

«...Лучший в городе дом – купца Плещеева, и рядом выстроенная им же на собственные средства изящная часовня. На большой площади огромное здание – магазин того же купца Плещеева. В различных его отделениях вы найдёте всё что угодно, начиная с мебели, посуды, бронзы, гастрономических припасов и кончая мануфактурой и дамскими нарядами. Если спрашиваемого товара, какой бы ценности он ни был, не окажется, его тотчас, по желанию вашему, выпишут из любого города в Европейской России. Цены крайне умеренные, товар прекрасного качества (...) Сам г. Плещеев почти ежегодно предпринимает поездки по Европе с целью ознакомления к улучшению своей торговли. Купленные нами вещи в магазине г. Плещеева были прекрасными и в Петербурге, с той лишь разницей, что стоимостью оказались гораздо дешевле (...)

В 1893 году было построено двухэтажное каменное здание для Александроневской церковно-приходской школы на средства попечителя – купца 2-й гильдии **Плещеева Фёдора Петровича** (...) 10 марта 1895 года Потомственному Почётному гражданину **Прокопию Фёдоровичу Плещееву** было выделено 3 тыс. кв. саженей земли в городском выгоне, вблизи частных пороховых погребов, для устройства ипподрома...

Плещеевы стали озеленять город, у них была редкостная для этих мест оранжерея, где вызревали экзотические фрукты...»

Мой прадед **Максим Чернов**, зажиточный казак из Бородухинской станицы, дружил с одним из купцов Плещеевых. У Максима была обширная усадьба – по двору свободно могла передвигаться тройка лошадей, владел он плантациями подсолнечника, своей маслобойкой. Батраков не держал – управлялся сам со своей многодетной семьёй, поднимая её чуть свет. Плещеев уважал казака за обстоятельность, несуетливость, за острый ум и способность растолковать самое трудное и запутанное дело. А выглядел мой прадед так: смуглый, кудрявый – кудри чёрные, в крупных кольцах. Смахивал казак не то на цыгана, не то на башкира или татарина. Плещеев – в шутку – говорил казаку: «Ах, как мне нравятся твои кудри! А продай мне, али давай я их у тебя в карты выиграю!» – купец был заядлым картёжником и однажды чуть не проиграл в карты свою жену.

Как-то зашёл Максим Чернов в один из плещеевских магазинов, а там новый приказчик – напомаженный, важный, ногти пилочкой обтачивает.

Максим спрашивает:

– А нет ли у вас, любезный, вожжей?

Приказчик, свысока поглядывая на деревенщину, сказал:

– Мы вожжами не торгуем!

– А чем же торгуете?

– Дураками только!

Максим, усмехаясь в усы, похвалил его:

– То-то вижу, хорошо у вас торговля идёт, коли всего один дурак остался...

* * *

В детстве я недолгое время – до Острова – жила с родителями у сестры отца, Кати, когда мы переехали из Баянаула в Семипалатинск. Катя нас приняла, хотя ютилась в тесной комнатке на улице Песчаной, в одном из старинных домов. Видимо, дом этот прежде принадлежал богатею: двухэтажный, целиком сложенный из камня, что могли себе позволить не все в станице Семипалатной. Там ставили в основном бревенчатые срубы, а то и вовсе лепили мазанки из глины. Дом наш, превращённый в коммуналку, походил на крепость, огороженную кирпичной оградой, высотой в полтора человеческих роста, с крепкими тесовыми створами в арке высоких каменных ворот, которые запирались на крепкий засов. Во дворе – амбары, конюшня, баня, ещё один дом, где до революции жила прислуга. У стены, выходящей на мощённый булыжником тракт, даже чугунная пушка стояла, вросшая в землю. Значит, обитатели мини-крепости в случае опасности могли держать оборону.

Большинство улиц были песчаными, в них утопали и люди, и повозки, проваливаясь в «сугробы» песка. Потом некоторые улицы стали мостить щебнем, снятым с крепостного вала, и булыжником. При Советах тротуар одной из улиц городские власти вымостили гранитными могильными плитами, вывезенными с разрушенного кладбища XVII века. Пешеходы с ужасом ступали на витиеватые надписи: «Здесь покоится прах купца такого-то» или «Казачьего сотника такого-то» и т. д. Возмущённые бесовским кощунством, в Горисполком пришли старые казаки, стучали по столу начальства крепкими нагайками и грозили Божьим судом. Плиты перевернули лицом вниз и залили асфальтом.

На каждом шагу в Семипалатинске – казачья история. Где нынешний сквер Мемориальной памяти – был плац для казачьих учений: пыль поднималась до небес! Где Центральный парк – было болото: там казаки охотились на уток. Потом болото осушили и в 1798 году построили на этой площади Знаменский собор, очень красивый, большой (он был разрушен большевиками). Стоял храм на улице Гасфордовской, названной в честь генерал-губернатора Западной Сибири **Г. Х. Гасфорда** – Семипалатинск был в его управлении. Из кирпичей храма была построена школа-интернат. Сторожиха школы уверяла, что по ночам слышит рыдания и молитвы, которые исходят от стен школы. В одном из зданий в центре города (оно сохранилось) красная власть судила казачьего белого атамана **Бориса Анненкова**. Я была знакома с одной старушкой, которая присутствовала на этом суде. Тогда она была экзальтированной девушкой-гимназисткой и упала в обморок в зале суда, сражённая пронзительным взглядом атамана. Старушка призналась, что до сих пор в заветной шкатулке хранит портрет Бориса Владимировича Анненкова. Во время судилища он вёл себя спокойно, презрительно поглядывая на красных судей. На вопрос, любил ли он кого-то в жизни, глаза атамана потеплели: «Любил! Мать и моего коня!»

Сибирский писатель **Юрий Рожицын**, с которым я дружила, в молодые годы жил в Семипалатинске и написал об Анненкове книгу «**Атаманщина**», где рассказывал, с какими почестями встречали атамана семипалатинские купцы, когда он вошёл в город, – золотую саблю преподнесли.

Во время Гражданской войны казаки **Черновы** были на стороне белых, а их будущие родственники – курские крестьяне-переселенцы **Стародубцевы** ушли к красным, партизанили. Мои тётки Стародубцевы рассказывали об ужасах этой войны и жестокости атамана Анненкова, а казаки Черновы и Бутаковы – о жестокости красных командиров.

* * *

Китайцы, что везли свои товары по Великому Шёлковому пути, останавливались на отдых в Семипалатинской казачьей крепости, в караван-сараях, который хорошо охранялся. Некоторые – оставались тут жить, открывали свои лавочки.

Ещё и в середине XX века в Семипалатинске проживало много китайцев, в наши умы внедрялся лозунг (тогда любили лозунги): «Русский и китаец – братья навек!» Но мы, дети, шли поперёк лозунгов и дразнили соседа-китайца: «Ходя, соли надо?» Китайцев мы звали «ходями», ссыльных чеченцев – «хаволями», казахов – «калбитами». Чеченцы впадали в ярость, лезли в драку. Казахские дети кричали в ответ: «Русский – жопа узкий!» И только китаец-ходя не обижался – морщил в улыбке своё жёлтое личико и приговаривал: «Молодеса, молодеса!» – козырял знанием русского языка. Он торговал на базаре разным шурум-бурумом: примусными иголками, комками извёстки, шариками из папье-маше, которые прыгали на резинке, и т. д.

Раньше, при царях, в Семипалатинске было даже **китайское торговое консульство**, была **таможня**, **двор меновой торговли**. Такие же меновые дворы стояли в Оренбурге, Орске, Троицке, Петропавловске, Омске. В 1907 году было открыто **два отделения банков** – Волжско-Камского и Русско-Китайского, кроме действующего **Государственного банка**.

Здание **Государственного банка**, красного кирпича, с затейливым узорочьем железной крыши и водостоков, уцелело. В мои школьные годы директором этого банка был отец моего одноклассника **Мурата Нургожина** – Мурки, как мы его звали (потом Мурка тоже станет директором – большого завода). Мурка – единственный парень, который согласился играть в школьном театре вместе с девочками. Ставили **казачью повесть Гоголя «Ночь перед Рождеством»**. Писателю эту фольклорную историю рассказала матушка. Она, по просьбе сына, присылал ему в Петербург с Украины письма с подобными сюжетами. Он их художественно обработал, включил в свою книгу **«Вечера на хуторе близ Диканьки»**, полную казаков, и книга прославила молодого в то время писателя из Малороссии.

Мурка играл **казака Вакулу**, одолевшего чёрта. Чёрт у него был транспортным средством, и Мурка с воинственными воплями скакал на нём. **«Вакула»** по-украински **«Орёл»** – Мурка и держал себя орлом! **Одарку** играла настоящая хохлушка **Люда Костенко** – в вышиванке, в венке из бумажных цветов с лентами (после школы она уедет в Харьков). Лучше всех чувствовала себя толстуха **Бурнашова** в роли **Пацука**: она поела на сцене правдишные галушки в сметане, а хуже всех было **Инне Росляковой** – её мы превратили в чёрта, намазав лицо чёрной ваксой. Утомлённая скачками с Муркой на спине, она вылетела в коридор, где мыла пол техничка. Бедная женщина, увидев чёрта, рухнула в обморок. (Инна уедет в Томск и выучится на физика.) Моя закадычная подружка **Галия Машакова** изображала одного из казаков. Казаков обрядили в широкие шаровары – в таких мы ходили на физкультуру, на голову напялили папахи, сшитые из старого овчинного полушубка. **Казаки** падали на колени перед царицей, чтобы она помиловала попавших в опалу казаков, и вопили дурными голосами: «О, мамо, мамо!» **Царицу**, ясное дело, представляла я, потому что была режиссёром спектакля и распределяла роли. С плеч моих спадала мантия – из старой простыни, с намалёванными хвостами горностаев, в руках – царский скипетр: палка, обмотанная фольгой. Власть в школьном театре я захватила так же, как и гоголевская царица – силой, потому что мой отец одно время работал администратором в областном театре, и я самонадеянно считала, что лучше всех разбираюсь в театральных премудростях, хотя ни фигу в них не понимала и театр, по правде говоря, терпеть не могла, насмотревшись на то, как фальшиво играют артисты нашего провинциального театра, а уж в жизни они фальшивили ещё больше.

Сохранилось в Семипалатинске и здание **китайского консульства**. В моём отрочестве там располагался горком комсомола, его украшали цветные витражи, дорожки, вымощенные керамической плиткой, и карликовые китайские яблоньки, а в самом здании стояли дорогие китайские вазы из фарфора, расписанные яркими пионами и драконами. Красовались они под трёхглавыми портретами вождей: Маркса, Энгельса, Ленина. Это был наш советский Змей Горыныч! Раньше и голова Сталина была, но эту голову в 1955 году отсекли, и новая, слава Богу, не выросла. От китайского консульства в горкоме комсомола осталась и бронзовая статуэтка Будды – с отрешённым ликом и толстым брюхом обжоры. Несознательные комсомолки говорили: если потереть пуп и загадать желание – оно сбудется. Пуп блестел от частых «тёрок».

Нас, всем классом, в бывшем консульстве принимали в комсомол. Был среди новых комсомольцев и **китаец Аркашка Цунь-Кин-Сян**. Его родственник

работал шеф-поваром в самом большом **ресторане «Алтай»** – помпезном, с бархатными шторами, с большими фикусами. Ресторан располагался в бывшем купеческом особняке. Кухня там была отменная благодаря китайскому повару.

Тогдашний завсегдатай «Алтая» старый **казак Паладий** вспоминал с ностальгией:

– Бывалочи, зайдёшь к китайцу, лапшу похлебать, да так разохотишься, что всё меню потом и закажешь, и одно блюдо лучше другого! Я тогда молодой был аппетит у меня будь здоров! Я в батьку пошёл – тот был тоже силён в еде. Как-то, на спор со своим курдасом, Ахметкой из Татарской слободы, один съел целого варёного барана, вместе с головой. Батыр! В детстве, помню, всё подначивал меня: «Палашка, давай, кто быстрее горшок каши съест?» Я давлюсь, а стараюсь от батьки не отставать. Нет бы ему схитрить, дать мне обогнать его, дак нет – не уступат! Я реву от досады, а он прикрикнет: «Не базлай, а то у меня нагайка есть! Ты казак – терпи! Учись побеждать!» А как вырос я, стал батьку обгонять за столом, хоть он охотку к еде не терял до ста пяти лет. Уж и зубов нет, а всё просит: «Ты мне мяса-то поболе положи, да с косточкой, с косточкой! Я из косточки мозг высосу. Шибко люблю косточки грызти, шибко люблю, аки дед мой-кыргызец...»

Тут устроился я на стройку, хорошие деньги пошли – мог разгуляться. Как получка – я в «Алтай»! Ем, ем, пока брюхо из штанов не выпадет, оборвав все пуговицы. Китаец сам к моему столу подойдёт и от себя – в знак уважения – водки поднесёт, приговариват, сладко лыбясь: «Паласка холосый гость, сыбко дологой гость!» Но лыбся не лыбся, а расплачиваться надо. Все деньги отдашь, да ещё долг нарисуется – приходится оставлять в залог часы либо новые ботинки, а сам голопятый топаешь. Какой-нибудь поздний извозчик пожалеет, подвезёт. Тогда ещё на лошадях ездили, на таратайках. Машин-то не шибко много было, это теперь не продыхнуть.

– А чё такое таратайка? – спрашиваю.

– Как чё? Брыкушка!

– А чё такое брыкушка?

– От, бестолочь! Коляска така. Не видала, чё ли?

– Видала.

– Дак чё тогда спрашивашь? А-а, говорить с тобой – толку мало, поднеси лучше чарочку!

БРЕХУНЕЦ

Жил у нас в Семипалатинске ещё один заковыристый казак. Имя его я уже не помню, да и никто не звал его по имени, а кликали все Брехунцом – за его словоохотливость. Был он странноватого вида: шафранно-жёлтый, узкоглазый.

Как-то, набравшись смелости, я спросила Брехунца:

– Отчего у вас лицо такое жёлтое? Вы случайно не болеете?

– Болею, када перепью, а так-то здоров, как бык – хоть сейчас на случку! А жёлтый – дак дед у меня китаёза.

– А вы казак?

– А я казак!

– Как так? И где теперь ваш дед?

– Дак утёк в Китай – тараканов кушать.

– И что ж, он тоже казак?

– А то! Казак! Крестился в казаки!

– Вместе с семьёй бежал?

– Зачем? Семью он бросил: бабушку мою и моего малолетнего отца. Бабушка-то сильная казачка была – всё перетерпела.

– Она тоже китаянка?

– Скажешь тоже, китаянка! Нету! Чистокровная казачка!

– Как же её угораздило за китайца-то замуж выйти?

– А как волк на собаке женится? Любовь! Хрен ей в дышло.

После таких красноречивых слов я поверила, что Брехунец казак. Сам Брехунец женился восемь раз, и всегда по большой любви: то на татарке, то на немке, то на хохлушке. Он был настоящим интернационалистом! Но всякий раз промахивался. Потом решил действовать наверняка: стал приглядывать себе девятую жену – казачку. И ведь нашёл, и прожил с ней до ста лет, и пережил её. Говорил: «Мне износу нету: задубел, зачичеревил! Однако ищщо женюсь!»

И уже лёжа под образами, жёлтый-прежёлтый, с узкими щёлками угасающих глаз, в последней молитве просил Господа: «Дай мне ещё чуток пожить!» – потому что имел казак виды на озорную соседку, которая, мне кажется, по ночам летала на метле. Но Господь был неумолим и в ту же ночь отправил Брехунца на тот свет – отмаливать грехи.

БЕКМАХАНОВ И ХАН КЕНЕ

В 30-е годы XIX века часть приграничных с Поднебесной казахских земель были ещё **под протекторатом Китая**. Когда **на реке Каратал** появились **казаки**, то китайцев это обеспокоило. **Леденёв** пишет в своей «Истории»: «...Весьма естественно, что китайскому правительству, считавшему земли по Караталу своими, появление русского отряда здесь и устройство ими каких-то жилищ **среди подвластного ему народа** – очень “не понравилось”. Со стороны Китая по этому поводу были сделаны энергичные представления нашему правительству, которое, ответив, что земли по реке Караталу оно не считает принадлежащими Китаю, однако, ввиду политических осложнений в Западной Европе, не желая возбудить конфликта с Китаем, предписало в 1826 г. сибирскому начальству воздержаться от всяких новых предприятий в отдаленных частях киргизских степей, предложение султана Сюка отклонить, строения снять и отряд с реки Каратала отозвать...»

И с появлением **казаков в Аягузе** был протест Китая, при этом Китай не хотел помогать казахам в их межплеменных разборках, ловя свою рыбку в «мутной воде», и делая по своему обычаю «сто двадцать пятое китайское предупреждение»: «...пограничные китайские чиновники послали в 1831 году **султану Сарту** письмо, в котором “укоряли” его за беспричинный, по их мнению, призыв русских, предлагали самому ему управиться с непокорными киргизами и выставляли на вид то обстоятельство, что как же он, султан **Сарт**, носящий высокое наследственное звание **китайского гуна** (чин, соответствующий майору) и **подданный китайскому императору**, посрамил себя и своих предков, передавшись русским, – пишет **Леденёв**. – В заключение советовали султану оставить русских и “обратить их на Русь”. **Султан Сарт** не нашёл выгодным для себя последовать совету китайских властей и представил полученное им письмо сибирскому начальству...»

Русские **казаки** помогли султану Сарту справиться с «непокорными киргизами». Казахские ханы и султаны, чтобы уцелеть, сидели на двух стульях, имея и китайское, и российское подданство. Как мы знаем из истории, «китайский стул» был побеждён «русским стулом», хотя та же **«История» Бекмаханова**, написанная хорошим русским языком, заявляет о вредности появления казаков в Степном краю, подозревая русских в злых умыслах: *«Раскинутая по казахским степям сеть русских школ, созданных царизмом для казахских детей, преследовала цель вырастить верных слуг, покорных исполнителей воли порабощателей»*. И тут же пространные биографии выдающихся людей Великой степи – **Чокана Валиханова** и **поэта Абая** (о Ч. Валиханове и Абае я расскажу в отдельных главах, как пример русско-казахских связей). **Ермухан Бекмаханов** и сам получил образование в России, печатал там свои труды, да и эта **«История Казахстана»**, которую я то и дело цитирую, написана им, как я уже упоминала, в соавторстве с эвакуированными в Алма-Ату во время войны видными московскими и ленинградскими учёными, знатоками Востока, во главе с членом-корреспондентом АН СССР **Анной Михайловной Панкратовой**: против царизма и его колониальной политики она боролась вместе с казахами, потому что этого требовала советская идеология, и не подозревала Анна Михайловна, что через полвека её мечту о коммунизме и воспетый ею советский строй республики, добившиеся суверенитета, тоже назовут колониальной политикой России, а русских – колонизаторами и порабощателями, обвиняя в злых умыслах, как советские историки обвиняли царизм.

И всё же я хочу сказать **добрые слова о Панкратовой**. Это был замечательный человек, смелый и сердечный. Анна Михайловна всю жизнь помогала казахским учёным и больше всего – **Ермухану Бекмаханову**, даже во время его опалы, что было опасно. Её дипломатическая речь перед Хрущёвым спасла 37-летнего талантливого учёного и других казахских учёных, осуждённых по 58-й статье по сфабрикованным наветам своих же, казахских завистников и мракобесов. Учёных реабилитировали. Бекмаханов отбывал срок под Иркутском, на руднике Бодайбо, *«где золото роют в горах»*. Ему дали 25 лет. Там он тяжело заболел туберкулёзом и буквально пропал. Когда, благодаря хлопотам Панкратовой, освобождён досрочно, приехал в Москву, Анна Михайловна приютила его у себя, дала денег, чтобы он прилично оделся – после зоны он обнищал; помогала в восстановлении его карьеры учёного-историка, в возвращении его доброго имени, так как после освобождения его нигде не брали на работу по профессии, даже простым учителем в аульной школе. Он был лишён звания доктора наук, считался националистом, так как написал работу о **Кенесары** – **«Хан Кене»**. Кенесары боролся против колонизации Казахстана Россией, но и заодно за возвращение себе ханского трона – ведь казахи поднимали его на белой кошме.

Хан Кене стал камнем преткновения не только в судьбе самого Ермухана Бекмаханова, но и в судьбе книги **«История Казахстана с древнейших времён до наших дней»** (1943), где несколько глав посвящены Кенесары Касымову, и написаны они Бекмахановым. Выдвинутая поначалу на Сталинскую премию, «История» эта вскоре была раскритикована из-за идеализации личности хана Кенесары, издание её приостановлено. Только через шестьдесят лет к этой книге

вернулись, но трудно было найти её в полной версии. Не было её и в библиотеках Казахстана. Собрала «Историю» Бекмаханова и восстановила все её страницы редактор нового издания – русская женщина **Ирина Дмитрова**, а начала путь реабилитации книги вдова Ермухана Бекмаханова, **Халима Адамовна Бекмухамедова**, которая прятала рукописи мужа от обысков чекистов и сохранила самую ценную часть его наследия. «**История Казахстана**», написанная в 1943 году, вышла в **2011-м** – к 20-летию независимости Казахстана. А что касается неоднозначной личности хана **Кенесары Касымов**, вокруг которого до сих пор ведутся споры, то для меня достаточно слов **Абая** о нём: «*Аблай и Кенесары – герои казахского народа. Их деяния достойны восхваления, незабываемые деяния...*»

У каждого народа есть свои герои, которые могут не героизироваться другими народами – что не умаляет значения выдающихся личностей. **Кенесары воевал против России**. Я помню об этом! Но в то же время понимаю мотивы его бунтарства, уважаю за храбрость, свободолюбие и талант организатора восстания. Он проиграл битву. Он погиб. Только убили его не русские казаки, а свои же – киргизские манапы: после долгих пыток они его обезглавили. В неравной схватке погиб и его сподвижник, **батыр Наурызбай**.

Экземпляр «**Истории Казахстана**» Бекмаханова 2011 года, которая вышла частным порядком, на спонсорские деньги, тиражом всего в три тысячи и по-прежнему мало доступна для широкого читателя, подарила мне моя подруга – с детства и до старости – **Галия Машакова**, дочь известного казахского поэта **Саду Машакова**. Они в родстве с семьей профессора Бекмаханова. (*Подробно о Машаковых я написала в эссе «Летящие в тумане».*)

Саду любил русскую классику, переводил на казахский язык стихи Пушкина и Есенина. В семье Машаковых я часто бывала в детстве, когда они жили в Семипалатинске, в Татарской слободе. Забравшись на сундук, застеленный цветной корпешкой, мы с Галией читали книги – у них была хорошая библиотека, много книг не только на казахском языке, но и на русском. Читали и прислушивались к кухне, где мать Галии, **Глымжан-апа**, жарила вкуснейшие баурсаки, а потом поила нас чаем с этими казахскими пончиками. **Глымжан-апа – из рода Тобыкты**, похожа на Абая и Ауэзова. Тобыктинцы почти все похожи на Абая и Ауэзова.

Останавливалась я у Машаковых и в Алма-Ате, когда приезжала из Семипалатинска на учёбу в университете. Семья Машаковых была большая – одних детей восемь душ, но они всегда принимали меня, а **Глымжан-апу я звала мамой**. Молоденькой, только что окончившей учительские курсы девушкой взял её в жёны Саду. Уходя на войну, он оставил в тылу первую семью. Жена его умерла, двое детишек, Сара и Маговья, скитались по родне. Вернувшись с фронта и погоревав о супруге, Саду стал подумывать о новой женитьбе – растить одному детей было трудно. Приглянулась ему Глымжан, и он ей понравился: боевой офицер, в скрипучей португее, да ещё стихи пишет – читал ей. Пошла за него, стала матерью его детям и ещё потом шестерых родила. Статная, спокойная, красивая, она управлялась с большим семейством, потому что муж её был слегка небожителем – не от мира сего. Он никогда не ввязывался в редакционные разборки, работая в газете «**Социалистік Қазақстан**», не умел добывать житейские блага, сторонился писательских интриг и ни разу ни о ком не сказал дурного слова. Одни его считали

блаженным, другие – святым. Жену свою любил он по-юношески пылко, всю свою долгую жизнь любил. Похоронив её, и в девяносто лет писал он пронзительные строки любви, посвящённые ей. Он называл её нежно **Ыгылтай**.

*Много мыслей сжѐг ураган,
Разлучивший меня с тобой,
О, возлюбленная Глымжан,
Пусто рядом, и я – другой.
Ты была душою моей.
Ты угасла – и я угас.
Стал я пеплом. Не вижу дней –
Только ночи теперь у нас.
Полной чашей казался дом,
Жил я в нём, целый мир любя.
Половинкою, черепком
Стала жизнь моя без тебя...
О, душа моя, Ыгылтай,
Скучно мне без тебя, мой свет.
Жди! Собрался и я в твой край:
Ты ушла – и меня здесь нет...*

Глотая слѐзы, переводила я эти печальные стихи, этот **плач-жоктау**. Когда-то **Саду** вместе со своим старшим сыном, журналистом **Маговьѐй Машаковым**, отвели меня в главную газету советских лет – «**Казахстанскую правду**», чтобы там напечатали мои стихи, и подборка стихов вышла. Было мне тогда 16 лет. Я благодарна Всевышнему за сердечное ко мне отношение дружной семьи Машаковых, которую люблю, и при каждом удобном случае стараюсь помянуть их добрым словом.

Галия, как и её муж, **Казбек Унгаров**, получили русское образование. Галия – Царствие ей небесное! – журналист, а Казбек работал в космической отрасли: в российской Дубне и на нашем Байконуре. Он родственник прославленного казахстанского **артиста балета Булата Аюханова** (сестра Казбека, тоже балерина, вышла замуж за Булата). С Булатом Аюхановым учился в одном классе русской школы мой первый муж **Олег Новожилов** (впоследствии заслуженный учитель Казахстана). С Олегом меня познакомила Галия – они жили в одном доме, и с её лёгкой руки мы с Олегом поженились. Отец мужа, **Геннадий Николаевич Новожилов**, в 1937 году приехал в Казахстан из Ленинграда, от «Ленфильма», помогать в становлении казахского кино – и остался здесь навсегда, полюбовив и степную страну, и её людей. Он работал в кинохронике, стал заслуженным деятелем КазССР, воспитал плеяду молодых казахских кинооператоров, снял документальные фильмы о нашей республике и её выдающихся людях. Его этнографический фильм «**Копьѐ и Топор**» – о спортивных играх кочевых казахов – получил престижную премию на фестивале документальных фильмов во Франции. Известен и его фильм о мараловодах Казахстана «**Голубой Алтай**», и фильм о **Джамбуле**, и фильм о казахском соловье – **Куляш Байсентовой**, и о многих других. После прорыва блокады из Ленинграда в Алма-Ату приехала и его

семья. К Новожиловым, уже на моей памяти, часто забегал – по-соседски – **Шакен Айманов** (мой земляк, баянаулец), который стал выдающимся режиссёром. Третий микрорайон Алма-Аты, где жили Новожиловы, в 60–70-е годы заселяли деятели культуры. Наискосок от наших – чудаковатый гениальный **художник Сергей Калмыков**, который работал в Оперном театре. А музыку к первым казахским операм писал русский композитор **Евгений Брусиловский**, вовлекая в свои произведения народные казахские мелодии. Много таких мелодий в своё время собрал **Александр Затаевич** (о нём я уже говорила). Это к вопросу и о другой стороне российской (теперь уже коммунистической) колонизации, когда в ответ на **Стену Зла** вставала **Стена Добра**.

СЕМЬ ЛЕПЁШЕК

Казахские и русские судьбы тесно переплетены, потому что мир изначально тесен, да и давно живём рядом. И когда в Алма-Ате в **декабре 1986 года** казахская молодёжь, недовольная порядками в стране на закате советской эпохи, возмущённая и тем, что из Москвы руководить нашей республикой прислали русского функционера Колбина, – когда молодёжь вышла на площадь перед Домом правительства и кричала: «Долой Колбина!», а заодно кидала и антирусские лозунги, – когда это случилось, то не все казахи поддержали молодёжный бунт. Теперь-то мы понимаем: против русских молодые ребята были настроены потому, что ассоциировали их с Москвой – центром коммунистической идеологии, но великий **Абай** учил, что надо отделять русский народ от его правителей. И ещё говорил мудрый Абай в тридцать седьмом Слове **«Гаклия»**: *«Кто дал Сократу яд, кто съжёт Жанну де Арк, кто распял Христа и заставил Мухамеда прятаться от преследований в трупе верблюда? Толпа. Значит, толпа глупа. Умей направить её»*.

И толпу молодёжи, видимо, направили, да не те поводыри, потому что мирные поначалу демонстрации превратились в войну.

И снова звучат у меня в душе горькие вопросы, которые больше века назад задавал **Абай**: *«Почему люди, жаждущие мира, быстро от него утомляются? Почему народом управляют дельцы – шустрые и хитрые?»*

Почему, почему, почему...

Параллельно политической акции, которая бушевала на улицах Алма-Аты, протекала обычная человеческая жизнь. К нам приходили соседки по дому – казашки, которые просили прощения за выступления молодёжи против русских и уверяли нас, что на самом деле казахи любят Россию. Соседки принесли **семь лепёшек**. Они их испекли, чтобы задобрить Небесные силы и остановить войну. Хоть времена были советские, атеистические, люди продолжали следовать древней, языческой вере стариков в силу Хлеба: преломивший с тобой хлеб в твоём доме, даже если это враг, – неприкосновенен. Мудрый этот обычай сохранился у казахов до сих пор и в народной пословице отразился: «Бьют тебя камнем – отвечай хлебом!»

А декабрьская война продолжалась. На поездах из разных городов Казахстана спешила в Алма-Ату подмога повстанцам. В автобусах русские и казахи ехали на работу молча, боясь поднять глаза друг на друга, но находился кто-нибудь нервный, кричал: «Русские, убирайтесь к себе домой, в Россию!»

Мой сын-подросток, который занимался фехтованием, вооружился шпагой и тоже рвался воевать, но мы его тормознули. Мой муж круглые сутки дежурил в школе, где работал: опасались погромов и поджогов. Слава Богу, обошлось! У многих учебных заведений, государственных учреждений и предприятий стояли сторожевые пикеты добровольцев, грелись у костров, ждали сигнала к бою, чтобы защитить русских, если на них нападут, и спасти казахов, которых силой, прямо с тротуаров, затаскивали в ряды демонстрантов, а кто сопротивлялся – били. Из России прислали спецназ. Тогда мы впервые увидели «инопланетян» – в камуфляже, в шлемах, с пластиковыми щитами на лицах. Теперь это обыденность, а тогда потрясло: бойцы спецназа молча шли по улицам, и это было страшно.

Говорят, пострадало много повстанцев.

Бунт «декабристов» тогда был внове – никакие протестные демонстрации в то время не разрешались, и потому молодёжные митинги всех потрясли. В постсоветские времена, когда открыли архивы, мы узнали, что бунты в СССР случались и раньше, но их подавляли и замалчивали.

Самых активных казахских повстанцев 1986 года судили и заперли в тюрьмах. Но спустя время, после развала СССР, признали героями и площадь в их честь назвали **Желтоксан – Декабрь**, а самих – **декабристами**. Теперь **16 декабря** – день начала восстания стал **Днём Независимости Казахстана**: хотя фактическое разделение республики с Россией произошло позже, в 1991 году, но тогда, в декабре 1986 года, это движение уже началось.

А русские – помнят день 14 декабря 1825 года: **восстание декабристов на Сенатской площади Петербурга**, где пролилась кровь. Царская власть ответила жестоко: пятерых зачинщиков повесили, многих отправили в кандалах по этапу в Сибирь, на каторгу. Некоторые современные учёные считают восстание декабристов ошибкой, началом разрушения российской державности, которое привело к революции 1917 года. Но сами декабристы – останутся навсегда героями, а их тернистый путь – примером стойкости духа и символом свободы, как и порыв казахских «декабристов».

Хочу заметить: Казахстан самым последним из советских республик вышел из состава СССР, «развёлся» с Россией, долго надеясь, что распада великой державы не будет, понимая, что **любой союз лучше разрыва**. Против разрыва проголосовала бóльшая часть населения Советского Союза, но тройка самозванных представителей республик: России, Украины и Белоруссии при попустительстве руководителя СССР Горбачёва проигнорировала итоги всенародного референдума. В Беловежской пуще одним росчерком пера тремя заговорщиками был подписан смертный приговор союзу наших народов, будто бы кабанчика забили под выпивку на троих. **Неслышанное предательство!**

После распада СССР во всех республиках и в самой России начались голод, нищета, упадок экономики. Появилось новое сословие – **«челноки»**: врачи, учителя, музыканты и другая интеллигенция, как и работяги, оставшиеся без работы, принялись промышлять дикой торговлей, мотаться за товаром в Турцию и Китай, таская на плечах огромные сумки. Весь бывший СССР стал одним стихийным рынком. Началась разруха. С разрухой мы до сих пор ещё до конца не справились.

Есть притча: ветки, собранные в единый пучок, нельзя сломать, а рассыпь их – легко ломаешь по прутику. Могучую советскую державу, которая рассыпалась, недруги стали «ломать по прутику», и некоторые республики «надломились» (их независимость оказалась призрачной), но Казахстан сопротивлялся и выстоял.

Теперь говорят, что не надо было поддаваться Западу и разрушать СССР, что следовало пойти по китайскому пути: **скрестить коммунизм с капитализмом**. Но мы пошли как пошли – куда нас послали наши вожди.

Согласна, у **социализма было много недостатков**: тоталитаризм, голодомор 20–30-х годов, братоубийственная Гражданская война, ГУЛАГ, да и казаков сильно обидела советская власть. **Но в то же время – как много дала она и мне, и моим родичам, и народам советских республик**: развитие науки и производства, возможность получить любую профессию – не было такой безработицы, как теперь, работали заводы, фабрики, колхозы; социальную защищённость – бесплатную медицину и образование; гордость за могучую державу, которая первой вырвалась в космос; дала, наконец, жизнь и свободу, победив фашизм во Второй мировой войне, – и добились победы представители всех советских республик, которые выступили единым фронтом. **Мы об этом тоже не забываем!** Да, жили небогато, при дефиците почти всего, но зато не было дефицита добросердечия, уважения друг к другу, готовности помочь, сплочённости. Капиталистический Запад, навязывая свои ценности, хочет наше природное, общинное сознание, когда человек человеку – друг и брат, заменить своим – индивидуалистским, когда каждый сам за себя, когда человек человеку – волк. Но, думаю, у нас такое не приживётся. Это доказывает **долгая история Евразии**, а в частности – история общения казахов и русских, которые породнились, **история моего казачьего рода**.

Надо сказать, большинство казахов, в том числе и мой земляк – историк **Бекмаханов**, всё же отдадут дань уважения России и русским людям, с которыми они не только воевали, но от которых видели и немало добра, как и русские от казахов видели немало добра, перенимая друг у друга лучшее. **«Хорошее от всякого хорошо»** – говорится в русских летописях, и это *«хорошее»*, взятое у других, не умаляет, не уменьшает самобытности твоего народа, а делает его только богаче и пересиливает любой негатив.

Семипалатинский писатель **Медеу Сарсеке** в своей книге **«Бекмаханов»** (серия *«ЖЗЛ»*, Москва, *«Молодая гвардия»*, 2010) пишет так: «Войдя в состав России, **Казахстан поступился независимостью**. Как казах, Ермухан понимал трагизм этого события. Но всё же, как человек своей эпохи, он признавал в конце концов что **союз с Россией был прогрессивным явлением**. Хотя основная масса казахов по-прежнему вела кочевой образ жизни, многие степняки приобрели рабочие профессии в городах, посёлках и казачьих станицах, появились новые населённые пункты, где обосновались оседлые казахи – **“жатаки”**. Такое поселение он видел в детские годы **в Баянаульской станице...**»

КОСМИЧЕСКОЕ КОЧЕВЬЕ

Но вернёмся в более давние времена – к сложным отношениям казахов и казахов и вспомним, что было с кокандцами и заилийскими киргизами, которые не давали покоя казахам и для борьбы с которыми когда-то, в 30-е годы XIX века,

казахский султан Сарт просил помощи у Китая и, получив отказ, обратился к русским, и они его выручили. Так было и на этот раз – уже в 50-е годы всё того же XIX века – пришлось казахам обращаться к русским.

Об этом пишет «История» казачьего историографа Н. В. Леденёва: «...В Семиречье располагалась только меньшая часть киргиз Большой орды, большая же занимала Заилийский край, на господство в котором претендовали кокандцы, державшиеся здесь исключительно раздорами в среде киргиз. Таким образом на рубеже Семиречья, на берегах Или столкнулись два совершенно противоположных влияния: русское – умиротворяющее и кокандское – поощряющее кочевников не только к взаимным распрям, но и набегам на правый берег Или для грабежа и восстановления против русских правобережных киргиз. Понятно, что в этих условиях господство кокандцев в Заилийском крае не могло быть долго терпимо (...) Отряд [казаков] выступил из Капала 18 мая 1851 года и, после двух затруднительных переправ через реки Коксу и Или, 7 июня был уже в виду Таучубека. Кокандский гарнизон, завидя такую грозную по тем временам для степи силу русских, оставил всякую мысль о защите, бросил своё укрепление и позорно бежал. Крепостца была разрушена до основания, место её заровнено, после чего отряд 30 июля возвратился в Капал, попутно жестоко наказав и заилийских киргиз за их измену и нападение в прошлом году на отряд Гутковского».

Казаки в конце концов вытеснили и Китай, и Коканд с казахской земли. Авторы некоторых нынешних учебников истории забывают, что кроме, как они говорят, «русской колонизации» (с неизбежными столкновениями и кровью), кроме справедливых обид, было и добро, исходящее от русских: прежде всего, защита, и всё же главное – в Степной край пришли просвещение и новая жизнь, о чём с давних времён мечтали лучшие умы казахской Степи: русские вместе с казахами и другими народами стали строить здесь школы, больницы, города, развивать земледелие, рудное дело, промышленность, науку и т. д. Казахстан стал не только крупной энергетической, сельскохозяйственной, индустриальной страной – самой крупной в Центральной Азии, но и космической гаванью. В голой степи, где лишь ветры гуляли, был построен первый в мире космодром Байконур, откуда в космос полетели не только русские космонавты, но и казахские, и астронавты иностранных держав, и теперь летают. **Байконур навеки прославил Казахстан!**

Исполнилась древняя мечта кочевников – шагнуть за край Степи, в небо, куда в сказках своих они давно уже летали на крылатых тулпарах, верблюдице Желмая, Белой Птице с алмазным клювом. Юрты кочевников с круглым куполом повторяли небосвод, они были походной обсерваторией – откинув тундик, можно было наблюдать движение звёзд, которые любой кочевник знал по именам – они помогали ему передвигаться по обширным пространствам Великой степи. Созерцатель, философ по природе, он многое знал о мироздании, он понимал музыку Вселенной, улавливая её струнами домбры или кобыза. Казахи – народ-поэт. Почти все владеют искусством импровизации. Казахи – люди воли. Казахи – люди Бога, а Бог создал человека свободным, потому любое покушение на их волю, на привычный уклад жизни они считают «колонизацией».

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ

Глаз придирчивый и зоркий,
 Что от корки и до корки
 Уйму книг перечитал,
 Разглядел: все наши тёрки –
 Лишь семейные разборки,
 Споров родственных запал!

Чтобы избыть боль и обиды – о них надо говорить, никого не обвиняя, помня только о своей совести, что я и пытаюсь делать.

«*Домашние наши – враги наши...*» Хочу напомнить ветхозаветную библейскую притчу о двух братьях – **Авеле** и **Каине**. Приведу её в изложении Зенона Косидовского из его книги «Библейские сказания»:

«**У Адама и Евы** было два сына: старший – **Каин** и младший – **Авель**. Авель пас овец. Каин обрабатывал землю. Однажды случилось так, что Каин принёс в дар богу плоды земли. Авель же посвятил ему первородных ягнят от стада своего. **Бог Яхве** благосклонно принял дары Авеля, а на подношение Каина даже не посмотрел. Каин был разгневан, и лицо его помрачнело. Тогда Яхве спросил Каина: “Почему ты огорчился? И отчего поникло лицо твоё?” “Если будешь творить добро – говорил бог Каину, – жертва твоя будет принята, если же будешь творить зло, у порога твоего станет грех, а ты в своей алчности не сумеешь совладать с собой и впадёшь в него”.

Каин, однако, не внял предостережению. Снедаемый завистью, он заманил Авеля в поле и коварно убил его. Увидев, что свершилось преступление, бог снова обратился к Каину: “Где же Авель, брат твой?” А Каин ответил: “Не знаю; разве я сторож брату моему?” Тогда бог сказал в великом гневе: “Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет во мне от земли!” И бог проклял Каина, и сказал, что будет он изгнанником и скитальцем на земле во веки вечные...»

С тех пор слово «**Каин**» стало синонимом предательства. Прежде всего, предательства близкого человека: брата, друга, наставника. И в монгольской **Ясе** одним из самых страшных грехов считалось предательство того, кто тебе доверился.

Есть мудрость на все времена и у всех народов: «*Если ты взял в руки оружие и собрался стрелять, подумай: может, ты убьёшь сейчас своего кровного, неведомого брата?*» Неужели мы до сих пор отработываем карму Каина?

И **Абай** в сороковом Слове тоже спрашивал: «Почему никто не желает своему другу благоденствия и возвышения? И если друг случайно возвысится, то становится человек непримиримым врагом прежнему другу. Почему?»

Почему, почему, почему...

Обиды, полученные в семье, трудно забываются. Из истории гражданских войн мы знаем, что вражда между *своими* – самая ожесточённая и непримиримая, потому что свои знают своих лучше, чем чужие, знают уязвимые места друг друга – и бьют наверняка, бьют в незащищённое сердце, которое любит *своих*. *Свои*, как малые дети, считают, что у *своих* всё должно быть поровну, но так не бывает: кто-то богаче, кто-то беднее, кто-то умнее, кто-то глупее, кто-то сильнее, кто-то слабее, и т. д. Социализм пытался всех уравнять, но не

получилось и у него, и копились обиды. Душевные раны, оставленные *своими*, плохо заживают.

Так было в библейские времена – между Каином и Авелем. Так было в Монголии времён Борджигинов – «синеоких»: юный Тэмуджин, осиротев, был жестоко обижен и унижен *своими* соплеменниками – они отобрали у его семьи всё добро и скот, они бросили потомков «синеоких» пропадать в голой степи, и Тэмуджин, став Чингисханом, отомстил им! Так было в России, в веке двадцатом, в революцию и Гражданскую войну – между *своими*: белыми и красными, богатыми и бедными. Так происходит сейчас, в XXI веке, на Украине, и снова между *своими* – между Киевом, где нарастает волна фашизма, и Донбассом, который этой волне сопротивляется. На самом деле, это война Украины против России. Так у казахов с русскими (казаками) болезненная тема – колонизация: они – **свои!** Долгие годы и даже века Казахстан был частью России, был един с нею, войдя в её состав добровольно, что я повторяю снова и снова. Почему это вхождение нынешние казахские патриоты считают исключительным злом – вопрос. Как вопрос и к русским псевдопатриотам: зачем они требуют отдать территории, которые когда-то, при царях, Россия отняла у казахов, а потом – при советской власти – вернула Казахстану? При создании СССР перекраивалась карта Евразии, и Казахстану, как и некоторым другим новообразованным республикам, передавались и земли, ранее им не принадлежавшие. Это была одна страна, с общей границей. И вот теперь русские псевдопатриоты требуют эти земли, подаренные Россией, как они считают, неблагодарным республикам, вернуть назад. Зачем? Почему не требуют у неблагодарной Америки вернуть Аляску? Задирать Америку псевдопатриоты боятся, а бывшие советские республики – *свои*, с ними можно не церемониться, можно разобраться по-семейному, по-домашнему, будто бы территории – это детские игрушки: дал поиграть, потом отобрал. Подобно неразумным детям, псевдопатриоты не понимают, что провокационными требованиями разжигают вражду между нашими народами. И снова вопрос: зачем? Я не касаюсь сейчас трудных вопросов, которые стоят между Россией, Украиной и Республикой Крым – это немного другая история, оценку которой даст Время. Скажу только, что ответы на все трудные вопросы есть, как всегда, у самого народа, выраженные в пословицах, поговорках, притчах. «*Озловившись на блоху, шубу в огонь не бросай!*», «*Друг наживается годами, а враг – за минуту!*» – так говорят казахи. «*Проклиная кого-то, взгляди на себя: может, враг тебе – ты сам?*» – говорят русские.

Тема «колонизации» возобновилась после развала СССР и обретения Казахстаном и другими советскими республиками независимости. «*Когда кулан в колодец свалится – в его ушах лягушки забавляются*» – говорят казахи. Раньше республики поносили павшую под натиском большевиков царскую Россию как колонизатора, теперь стали ругать приказавшую долго жить коммунистическую колонизацию. Главное – наметить врага, против которого во времена смуты можно сплотить народ, особенно если нет другой основы для сплочения и если в войну толкают сторонние силы. В некоторых республиках, взявших суверенитета столько, сколько смогли унести (Ельцин им так приказал: «*Берите суверенитета столько, сколько можете унести!*» – будто это не жаждущие свободы народы, а какие-то грабители-мародёры), почти сразу же вспыхнули войны: началась делёжка власти! Таджикистан, Чечня, Абхазия, Осетия, Грузия, Кыргызстан,

Молдова, Прибалтика, позже – Украина. Делили не только власть, но и богатства, и территории, и тут уж «коллективный» Запад вместе с США не упустили возможности и себе оторвать кусок, ведь ради этого они и затевали развал СССР, действуя по старому правилу хищников: *«Разделяй и властвуй!»* Теперь, спустя тридцать лет, это понимают уже многие.

Казахстан, слава Богу, обошёлся без большой крови, затяжной войны и внешнего управления, сохранив свою страну в прежних границах, да и что народу до суеты хитроумных политиков? Народ Великой степи как жил одной семьёй с русскими и другими народами (уйгурами, корейцами, украинцами, белорусами, узбеками, киргизами, курдами, вайнахами, евреями, турками, поляками, туркменами, татарами, молдаванами, мордвой, выходцами из Прибалтики, немцами, грузинами, армянами и т. д. – таких народов более ста!), так и живёт: люди женятся друг на друге, ходят в гости, где едят казахский бесбармак и баурсаки, русские блины, татарский чак-чак, украинский борщ, кавказский шашлык, уйгурскую самсу, дунганскую лапшу, корейские салаты и разносолы других народов – они на каждом нашем праздничном столе, поют одни песни, помогают, если беда, совместно охраняют общую родину, но всегда находится кто-то, кто мутит воду. Русские в подобных случаях говорят прямолинейно: *«В семье не без урода!»* Подобная пословица и у казахов есть, но иносказательная: *«Горошина овечьего помёта может целый бурдюк масла испортить»* – так говорят. *«Долг сабли – рубить, долг руки – её остановить»* – такова старая казачья пословица. И ещё есть одна – общая – мудрость: *«Посеянное отцами – детям пожинать»*. Теперь уже нашим детям. «Урожай», посеянный нашими отцами, мы собрали, пытаемся отделить зёрна от плевел.

«КАЗАК» ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

Гордость казахского народа – **Чокан Валиханов** после окончания в Омске казачьего кадетского корпуса был произведён в корнеты и **поступил на службу в Сибирское линейное казачье войско**. На его исключительные способности обратил внимание генерал-губернатор Западной Сибири **Г. Х. Гасфорд** и вскоре сделал корнета своим адъютантом. Он ценил в Чокане отличное знание Востока и склонность к дипломатии и неоднократно командировал его в пограничные с Китаем места, а потом Чокан и вовсе, как учёный-этнограф и разведчик, тайно проник в закрытый китайский Кашгар и Восточный Туркестан, что было очень опасно. Он провёл в Кашгаре и других местах «края шести городов» более пяти месяцев, изучая быт и нравы кашгарцев, положение и настроения населения, географию и этнографию края.

«**История» Бекмаханова** пишет, что «свои сведения Валиханов собирал у сведущих людей и старожиллов, учёных-ахунов и непосредственных участников национально-освободительной борьбы кашгарского народа. С огромным трудом он приобретал интересовавшие его документы и книги...»

«Он дорогою ценой скупал древности, находимые туземцами в старых развалинах и могилах, – вспоминал известный путешественник и учёный **П. П. Семёнов-Тяньшанский**, – с опасностью жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи.»

Кашгарская экспедиция создала Валиханову научное имя. Он написал труд – «Отчёт о состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 гг.». С этим отчётом выступил в Петербурге, на заседании **Русского географического общества**. Два года жил потом Чокан Валиханов в Петербурге, куда его пригласили как учёного. Но сырой климат русской столицы, построенной царём Петром I на болотах, оказался губительным для Чокана: он заболел туберкулёзом и вернулся на родину, в отцовский аул Сырымбет.

«Но вреден север для меня...» – Пушкин тоже, страдая малярией, не жаловал сырой, холодный Петербург, уезжая то в Михайловское, то в Крым и на Кавказ, то в тёплую Молдавию или Одессу. Не по своей воле, в ссылку, но уезжал, и поездки эти были источником его вдохновения.

Отделение Русского географического общества находилось и в Семипалатинске, его посещали во время своих экспедиций известные путешественники и исследователи Азии: **Александр Гумбольдт**, **Петер Симон Паллас**, **Джорж Кеннан**, **Григорий Потанин**, который учился вместе с Чоканом Валихановым в Омском кадетском корпусе, они дружили – их связывала страсть к путешествиям. **Григорий Николаевич Потанин** из сибирских казаков – из Петропавловской станицы Пресновка. Потанин говорил, что Чокан мечтал приобщить свой родной казахский народ к русской и европейской цивилизации. «Это был новый Коран его жизни», – отмечал и другой русский друг Валиханова, сибирский писатель **Н. М. Ядринцев**. Дружил Чокан и с великим русским писателем **Ф. М. Достоевским**, с которым встретился как раз в казачьей крепости Семипалатной, и парный их памятник стоит теперь перед Домом-музеем Ф. М. Достоевского. Памятник сделан по фотографии 1859 года, где Чокан и Фёдор Михайлович сняты вместе: оба в военном обмундировании.

* * *

Может быть, прижизненное издание **Лёвшина** «*Описание киргиз-казачьих орд и степей*», которое я купила у семипалатинских букинистов, попало в город как раз через Русское географическое общество, как и другая научная и художественная литература. Старые книги XIX и даже XVIII века я встречала в домах семипалатинских библиофилов, и были среди этих книг редкие издания.

Не знала лично, но слышала об одном таком фанатичном собирателе по фамилии **Криц**. По рассказам очевидцев и сужу о нём, а уж правда ли это, либо легенды – не могу ручаться. Вроде бы его сослали в наши края за то, что был слишком начитанным, но глупым, так как не скрывал своих крамольных мыслей, открыто их высказывал всем подряд и собирал на дому кружок молодёжи. Говорили в основном о литературе, но управдом решил по-своему и донёс, куда следует, об антисоветском заговоре. Весь кружок арестовали – так и оказался Криц в наших степях. До ареста успел он окончить три курса университета и после отсидки преподавал семипалатинским детям математику. Надо сказать, когда я училась в школе, среди наших педагогов было немало таких преподавателей – из ссыльных сталинского режима: бывших дворян, профессоров и т. д., и мы получили хорошее образование. Всю зарплату Криц тратил на книги. Когда состарился и вышел на пенсию, то и пенсия шла у него на книги. **Говорят**, в его

небольшой квартирке книги лежали всюду. Криц протаптывал узкую пыльную тропинку между книжными завалами, пробираясь к постели или на кухню. Постель покоилась тоже на стопках книг. Его библиотекой пользовались многие в городе. С годами стал он осторожнее. Только самым проверенным читателям давал Криц редкие, запрещённые в СССР книги поэтов Серебряного века, русских эмигрантов, дореволюционные издания. Он их тщательно прятал в укромных уголках своей обители. Добывал он эти раритеты у букинистов – из-под полы или у доживающих свой век ветхих старушек из «бывших», которые продолжали читать книги с ятями, в переплётках под мрамор, с заложенными меж страниц фотокопиями последнего императора России и его семьи, расстрелянных большевиками. Благодаря таким чудачкам, как Криц, бескорыстным служителям культуры, культура и сохранилась.

Постоянные читатели библиотеки Крица рассказывали: иной раз придёшь к нему, он удалится за нужной книгой – и пропадёт. На цыпочках проследуешь за ним и увидишь: стоит на коленях перед портретом молодой женщины и плачет. Это его любимая, его **Лия**. Когда-то жили они в Одессе. Трагедия разлучила их. Крица посадили сначала в тюрьму, а потом сослали в наши края. Взяли и Лию, которая посещала кружок Крица и влюблёнными глазами смотрела на своего начитанного избранника. Она погибла в мордовском лагере. Остался у Крица только её портрет – сестра Лии, **Мирка**, привезла. У смуглой, как Аравийская пустыня, Мирки никого не было, кроме Крица, и после пребывания в одном из карагандинских лагерей она Крица разыскала. Вся семья её погибла: кто в Гражданскую войну, кого в сталинских лагерях сгноили, кто умер от голода, кто на фронтах Великой Отечественной. Она одна выжила. Криц тоже всех потерял, и всё по той же схеме: революция, война, репрессии, голодомор, снова война.

Долгое время Мирка помогала Крицу вести его нехитрое хозяйство, пока не заболела. Последние годы, уже почти не двигаясь, сидела Мирка в глубоком кресле и вспоминала прежние времена, когда она и её сестра Лия были совсем юными девушками, ходили в голубых и розовых платьях, с шёлковыми бантами в косах и хорошо знали **писателя Бабеля**.

Мирка кричала Крицу:

– Криц, у тебя есть Бабель?

– Есть, Мирка, но не дам: ты снова расстроишься!

Мирка вспоминала, как к ним в Одессе приходил один известный музыкант, чаще всего в *«сложном положении»*: так она говорила – в *«сложном положении»*, ложился под рояль, потому что из всей обстановки комнаты мог опознать только рояль, отсыпался под ним и тихо уходил. Никто его не тревожил и не осуждал за *«сложное положение»*. Когда он из *«сложного положения»* выходил, восхитительно играл Чайковского.

У Мирки часто случались провалы в памяти, и тогда всё путалось: тиф с мармеладом по праздникам, стрельба на улицах с морскими прогулками на лодках, арест отца и матери с жареными каштанами. Потом ум прояснялся, рассказы об одесской жизни начинались заново, по заведённому кругу – до очередного умопомрачения. Криц смиренно ухаживал за Миркой: кормил с ложечки, читал ей вслух французские любовные романы – других она не признавала, носил на руках в соседний сквер, где они крошками кормили воробьёв. Мирка выболела

до птичьей лёгкости. Соседи советовали Крицу отдать Мирку в дом престарелых, но он не отдавал. Умерла она тихо – заснула в кресле. В одной из прорех её кресла нашёл Криц томик Бабеля, который Мирка выкрала у него и тайком читала, тоскуя по Одессе...

Начала про Чокана Валиханова, Лёвшина и Географическое общество, и вон куда заехала – в воспоминание о семипалатинском книжнике, чья судьба меня тронула.

При мне в здании Географического общества – красивого, старинной архитектуры – сначала располагался краеведческий музей, пока его не перевели в бывший дом губернатора, а потом детская поликлиника. Но после развала СССР и при строительстве суверенного Казахстана особняк был безжалостно разрушен. Конечно, он обветшал, но ведь можно было его реставрировать – всё же это объект исторического значения, однако власти решили, что лучше его снести, чем искать деньги. Слава Богу, хоть дом губернатора уцелел – он оказался покрепче! Снесены были многие старинные здания, и город стал терять свой неповторимый облик, строя безликие высотки-близнецы. Видно, новой власти историческая память не нужна, только разве можно её отменить? То, что было, уже было – время вспять не повернуть, как его ни трактуй. И хорошее, и плохое случилось уже навсегда. На Востоке говорят: **«Сам Аллах не может изменить прошлого»**. Надо прошлое изучать, а не отрекаться от него. Изучая прошлое – мы изучаем себя. Это ли не главный смысл жизни: **понять себя**, объяснить поступки своих предков и покаяться за ошибки?

«*Благонамеренный читатель*» исторических трудов и литературных памятников **Олжас Сулейменов** объясняет позицию некоторых историков, искажающих прошлое, в своей книге **«Аз и Я»**: *«... Такое отношение к древностям было продиктовано необходимостью. С ростом национального самосознания наука нередко становится на службу казённому патриотизму, тогда историография начинает отходить от истории. Факты или неверно освещаются, или фальсифицируются в угоду возникающему на прошлое взгляду. Явление это универсальное. Почти все европейские историографы пережили такой период...»*

Пушкин в «Заметках» (1830 г.) тоже писал об извивах исторической науки. *«*** сказал, что у нас есть три Истории России: одна для гостиной, другая для гостиницы, третья для гостиного двора»*. Тут, конечно, игра слов, шуточный тон, но во всякой шутке, как известно, есть доля правды.

Печалился об извращении исторической правды и **Абай**, писал в книге назиданий **«Гаклия»** (сороковое Слово): *«... И ответьте на последний вопрос: почему не верят добру казахи, и не хотят слушать правдивое слово, не находят для слушания такого слова времени, но любят слушать ложные и коварные речи, от которых даже молоко скисает в юрте, а они слушают и не могут оторваться, хоть бы всё их хозяйство сносило половодье?»*

Почему, почему, почему...

Вопрос, как говорится, риторический и актуален до сих пор – не только для казахов, но и для всего Человечества, которое просвещалось, просвещалось, а всё верит лжепророкам. Великие писатели и мыслители потому великие, что у них ясный взгляд, прозревающий истину, и есть ответы на все вопросы.

Не слушайте лукавых златоустов – читайте Пушкина и Абая!

СКРИЖАЛИ КАЗАКА ЯЛЫЧЁВА

Шёл караван, степную пыль глотая,
И видели усталые глаза:
Мерцают в дымке пагоды Китая,
Рогатых крыш огонь и бирюза...

Жил в станице Ялычёвке старый казак **Анисим Ялычёв**. С причудами был старик: уверял, что ему уже двести лет, будто он какой-то библейский Мафусаил: тот девятьсот шестьдесят девять лет прожил, а родитель его, Адам, девятьсот тридцать лет. Жил дед с сыном Ванькой, который не отставал от отца и безоговорочно верил в разные чудеса. Ванька верил в летающие тарелки с разумными существами на борту, в снежного человека, который приходит из лесу в станицы и заплетает косицы в гривах лошадей, верил в осмысленные действия Бермудского треугольника, в центре которого – по расчётам Ваньки – затонула когда-то Атлантида, и, конечно же, верил, что отцу его, Анисиму, двести годков. Ваньку не смущало, что в таком случае отец зачал его в сто двадцать лет, потому что Ваньке было восемьдесят. Отец и теперь проявлял интерес к женскому полу и при каждом удобном случае хватал молодых казачек-соседок за бёдра, а те в ответ хлестали его **веником-голиком**, которым скребли крылечки: «Отчепись, репей!»

Я попала в Ялычёвку летом и застала стариков на завалинке, на солнышке. Ванька разбирал ржавый будильник, шестерёнки бросал курам, и они их клевали, вступая в драку с петухом. «И куры-то у них ненормальные!» – подумала я. Старый Анисим плакал, но мне обрадовался. Всхлипывая, весело сообщил:

– Плачу опеть, милаи вы мои, слёзы сами котятся!

– А о чём плачете?

– Да об нас с Ванькой.

– А что случилось у вас?

– Эх, милаи вы мои! На што живём, на што уродилися, ведь всё одно помрём...

– Ну, об этом не наплачешься, батя! – встрял Ванька, с интересом наблюдая за петухом, который пытался взлететь на плетень, но срывался. – Железяк нажрался, прорва! Курам на смех! – стыдил его Ванька, а отца подбодрил: – Будем живы, не помрём!

– Оно так, так, – согласился Анисим. – Ведь как думал: родил Ваньку последним своим семенем – тапереча я опеть царь! Куды там! Ванька-то помрёт, как и я: вон, лысеть чё-то стал и на девок не смотрит. Пошто на девок не смотришь? – закричал дед Ваньке.

– А чё на них смотреть? То-то невидаль! У их под юбками одно и то ж!

– А чё ты думаешь там увидеть, варнак? Свой Бермундовский треугольник али каку другу бермундель?

– Сам ты бермундель! – огрызнулся Ванька.

– От, дурень! Зря я тебе породил! – махнул корявенькой сухой ручкой Анисим и снова затянул свою плаксивую «песню»: – Обижат меня Ванька, милаи вы мои, и вступиться некому, но хоть он и дурак, а жалко: помрёт – и не станет нашего казачьего роду Ялычёвых. Ране-то у нас больша родня была: и в Ялычёвке, и в других станицах, даже в Китае обретались. А потом Ванькиных-то сынов на войне

поубивало, на ахганской. Всех шастерых. Жёнка его от горя померла. Мои-то жёны ещё шибче мёрли – не выдерживали моей охотки. И детки мои все перемерли, и внуки, и правнуки, и братьовья, и племяши, и мать с отцом. Эх, были б живы мои родители, им бы тапереча лет триста, небось, було. Померли... Царствие небесное! А скоко наших на прошлой ещё войне пропало, да в шахтах кого завалило, да на Гражданской скоко постреляли – за ланпасы, да в Сибири которы, за длинный язык. Ванька один остался....

Собрав новые слёзы, Анисим продолжил вспоминать своих родичей:

– А в Крымску кампанию скоко Ялычёвых полегло? А в турецком походе? А с Ермаком хаживали на басурман? Там тожеть наши были и пали смертью храбрых. И в древни времена, при князьях ещё, много наших сгинуло, тех я даже и не всех знаю, а тех, што знаю, я как-то считал, вышло несколько станиц! Ох, милаи вы мои, легко ли?

У Анисима был свой счёт: он считал не десятками, сотнями или тысячами, а станицами.

У стариков в избе были приколочены к стенам длинные доски – от пола до потолка – закопчённые многолетним печным дымом, забитые серой пылью. Тесно, без пауз, вырезаны на них имена почивших Ялычёвых. По утрам Анисим щупал корявыми пальцами эти деревянные скорбные письма, будто здоровался с родной семьёй, а ночью, перед сном, проводил по доскам дрожащей тёмной ладонью и молился.

– Эх, милаи вы мои, остались от нашего роду-племени токо мы с Ванькой. Помрём – и роду нашему конец. От, и кряхтим, и дёржимся...

Было на этих дедовых скрижалях – из «древних времён» – имя отважного казака, атамана **Бурнаша Ялычёва**, который находился с Анисимом в каком-то дальнем родстве. О казаке этом упоминал в своей «*Истории государства Российского*» **Карамзин**. Задолго до проникновения Чокана Валиханова и других путешественников в **закрытый Китай**, в царствование Ивана Грозного, **Бурнаш Ялычёв** побывал там. Ялычёв – наверно, от клички «Ялыч». Словарь Даля указывает, что «**Ялыч**» у жителей тверских земель – **пересол**, иногда до горечи. Тверичи говорят: «**Щи – ялыч-ялычём**, есть невозможно! Недосол – на столе, а пересол – на спине!»

«**Ял, Ёл, Ол**» – тюркский корень. Я не говорю ни на одном из тюркских языков, но тюркское слово почему-то сразу слышу. Вот и тут: услышала! И не ошиблась. Словарём топонимов **Мурзаева** моя догадка подтвердилась: «**Ял, Ёл, Ол**» – от тюрков, у слов с этим корнем много значений – они закрепились в географических названиях, но я сейчас не буду в тот корень углубляться, выскажу только предположение, что **Бурнаш Ялычёв** в облике своём имел, наверно, какие-то азиатские черты и даже знал «татарский» язык, что помогало ему в путешествии через степи кочевников и Сибирь, населённую азиатами, а также по Китаю, где тоже встречались тюркские племена. От того, что казак Бурнаш Ялычёв в жизни то и дело «*пересаливал*», то есть был чрезмерен во всём, отважился он отправиться в незнакомую страну, отгороженную ото всех высокой Китайской стеной.

Карамзин пишет:

«Уже твёрдо зная путь в столицу Едигерову и Кучюмову, где бывали чиновники московские, любопытный Иоанн желал узнать и страны дальнейшие, для

того в 1567 году послал двух атаманов, **Ивана Петрова** и **Бурнаша Ялычёва**, за Сибирь на юг с дружественными грамотами к неизвестным властителям неизвестных народов. Атаманы благополучно возвратились и представили государю описание всех земель от Байкала до моря Корейского, быв в улусах Чёрной, или Западной, Мунгалии, подвластной разным князьям, и в городах Восточной, или Жёлтой, где царствовала женщина и где народ пользовался выгодами земледелия, скотоводства, торговли. Упомянув по слуху о Туркестане, Бухарии, Кашгаре, Тибете, путешественники Иоанновы рассказывают в своём любопытном донесении, что грамота мунгальской царицы отверзла для них железные ворота стены китайской; но что, свободно достигнув богатого, многолюдного Пекина, они не могли видеть императора, не имел к нему даров от государя. Так мы узнали Китай, быв обязаны сим первым достоверным о нём известием редкому смыслу, мужеству, терпению двух казаков, умевших преодолеть все труды, опасности пути дальнего, неведомого, сквозь степи, горы и кочевья варваров, виденные, может быть, только отчасти славным венецианским путешественником XIII века **Марком Полом**...»

«ЕВРАЗИЙСКИЕ СКАЗКИ» БЕЛОСЛЮДОВЫХ

Вспоминая об Отделении русского географического общества в Семипалатинске, одним из организаторов которого был историк А. И. Лёвшин, активными деятелями – Чокан Валиханов и его друг, **казак Григорий Потанин**, надо бы сказать и ещё об одном замечательном его участнике и музейщике **Алексее Николаевиче Белослюдове** (1887–1939), уроженце наших мест: он родился в Семипалатинске, в семье небогатого чиновника. Вместе с братьями, Виктором и Николаем, Алексей Белослюдов увлёкся краеведением и музейным делом, а также коллекционированием.

Наш краевед **Станислав Черных** в очерке о братьях Белослюдовых пишет: «На левом берегу Иртыша, в урочищах Кзыл-Тал и Кара-Узек, экспедиция раскопала ряд древних захоронений, нашла остатки человеческих костей и костяки лошадей, горшочек с интересным орнаментом и каменную “бабу” с кувшином (кумганом) в руках.

В июне 1912 года совместно с братом Виктором Николаевичем А. Н. Белослюдов совершает поездку в Томск, Москву, Петербург, Харьков и другие города Азиатской и Европейской части России, где знакомится с постановкой музейного дела, чтобы усовершенствовать его в Семипалатинске. В результате многолетнего труда в музее братьев Белослюдовых были созданы следующие отделы: геологии и минералогии, палеонтологии и антропологии, доисторической археологии, старинных вещей (рисунки, книги, рукописи и т. д.), нумизматики, этнографии, а также картинная галерея...»

Их трудами был создан в городе **историко-краеведческий музей**, который ныне располагается в доме бывшего семипалатинского губернатора. А началось всё в 1906 году с небольшого частного музея. Он так и назывался: «**Музей братьев Белослюдовых**». На выставке 1911 года в Омске экспонаты этого музея были удостоены серебряной медали.

Сотрудничая с Географическим обществом, Алексей Белослюдов познакомился и подружился с **Григорием Потаниным**, и тот увлёк его новым «собираатель-

ством» – народных сказок и легенд. Неугомонный любитель старины Белослюдов поселился на Алтае, в **кержацком селе Быково**, где преподавал в сельской школе (по образованию он был народным учителем), и занялся собиранием материала по истории, фольклору и этнографии.

«Здесь были сильные сказочные традиции, уходящие корнями в глубокую старину, – пишет **С. Черных**, – Особенно любил Алексей Николаевич слушать зимними вечерами старейшего жителя деревни **Фёдора Первого**. Белослюдов пристроившись на краю низкого самодельного стола, сколоченного из толстых, струганных топором досок, только успевал записывать при слабом свете свечей. От другого замечательного сказочника, **Павла Яковлева**, А. Н. Белослюдов записал девять сказок, из них две – казахских: **“Генерал Гадал”** и **“Киргизёнок”**.

Главным действующим лицом сказки **“Киргизёнок”**, – продолжает **С. Черных**, – является любимый сын казаха, которого он обещал отдать человеку-водяному, вышедшему из пучины. В назначенный срок **киргизёнок** садится на “паршивого жеребёнка” и покидает отчий дом. Однако попадает он не к водяному, а к Бабе-яге, которая, можно полагать, находится в союзе с водяным и играет в сказке роль тёмной силы. **Киргизёнок** пытается бежать от Бабы-яги, но это ему сначала не удаётся. Но вот однажды, по совету “паршивого жеребёнка”, он выбирает в стаде лучшего коня, на котором совершает удачный побег. Встречает девушку, женится на ней и начинает “промышлять”, то есть заниматься охотой, как это делают многие жители Бухтарминской долины, где родилась эта сказка. Но Баба-яга не дремлет. Она пытается вернуть **киргизёнка**. Найдя его, начинает преследовать по лесу. Выбившись из сил, **киргизёнок** залезает на дерево. Баба-яга начинает подрубать это дерево своим зубом. Притомившись, она просит помочь ей зайца и ворона, которые, чтобы спасти киргизёнка, забрасывают подальше зубы Бабы-яги. К месту происшествия прибегают собаки, оповещённые ласточкой о том, что их хозяин попал в беду. Завидев их, Баба-яга обращается в бегство и кидается в воду, но собакам всё-таки удаётся настигнуть её и разорвать...»

Тут, конечно, смешался казахский и русский фольклор. Я не фольклорист и не могу провести научное расследование, но и мне видать, как переплетены сюжеты русских и казахских сказок.

По мотивам одной из таких сказок **Алексей Белослюдов** написал потом свою сказку **«О трёх братьях»**, где фигурируют три брата (тут, возможно, не только сказочный стереотип: «Были у отца три сына...»), но и переброс на свою семью, где дружно возрастали три брата Белослюдовых), волшебное зеркало, в котором видно всё, что делается на свете (зеркало тоже заимствовано из русских сказок), занедужившая царская дочь и **верблюдица Джельмая** (видимо, крылатая верблюдица из казахской мифологии), на которой братья добрались до царской дочери с лекарством – чудодейственным, которое её вылечило. Стали братья спорить, кому должна достаться поздоровевшая царская дочь, и не могли прийти к единому мнению.

«Жили в то время в разных городах **три брата Шуюше** и судили народ. По совету царя братья пошли к ним. Каждый из судивших сказал одно и то же, что верблюдица троих возила: в ней вся сила; что месяц и солнце всем видны, да их не возьмёшь; и что оживить тех, кто далеко, никакое лекарство не может. Взял тогда царскую дочь тот из братьев, который верблюдицу имел», – так завершает свою сказку **Алексей Белослюдов**.

Думаю, кержаки, от которых Алексей Белослюдов слышал эти сказки, сказ вели на особом, колоритном сибирском диалекте, но сельский учитель, не особо владея писательским пером, не смог передать их язык, что, конечно, очень жаль. Для меня тут важно то, что русские и казахи, живя рядом, не разделяли друг друга – они роднились, и через сказки тоже. Это были не чисто русские или чисто казахские сказки. Я бы назвала их – «евразийские сказки».

Пожив среди кержаков-староверов, сибирских казаков и алтайских казахов, записав их сказки и предания, **Алексей Николаевич** возвращается в Семипалатинск и здесь, имея благородную склонность к просветительству, собирает кружок из любознательной казахской молодёжи, где не только казахам рассказывает о русской культуре, но и от них получает ценные сведения о культуре степного народа, читает лекции о жизни и деятельности учёного Чокана Валиханова. В статье «**О киргизской поэзии**» (1915) знакомит русскую общественность с устной и письменной поэзией казахов, говорит о значении в казахском обществе акынов-импровизаторов, о знаменитых айтысах, например, «Сара и Биржан», о творчестве Абая и Ибрая Алтынсарина. Вовлечены в этот культурный обмен были и два других брата Алексея Белослюдова – Виктор и Николай.

По мнению С. Черных, Белослюдовы были одними из первых исследователей казахской устной поэзии и влияния творчества Абая на развитие казахской поэзии. «Библиотекой казахской этнографии» (Астана, «Алтын кітап», 2007) издана книга А. Н. Белослюдова «**Труды Семипалатинских краеведов конца XIX – начала XX веков**».

Это ещё раз к вопросу о русской колонизации, которая неоднозначна...

АБАЙ И ЕГО СОВЕРШЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Не только Чокан Валиханов – «*последний принц степи*», как его называл Григорий Потанин, тяготел к русской культуре и русскому языку. Дети **великого казахского поэта Абая** учились в русских школах, старший сын **Абдрахман** окончил в Петербурге престижное в то время Михайловское артиллерийское училище, потом **служил в городе Верном, рядом с казаками**, поручиком полевой артиллерии. Сам Абай, которого при рождении отец нарёк **Ибрагимом**, обучаясь в детстве в медресе имама Ахмет-Ризы в Семипалатинске, тайком бегал на занятия и в русскую школу, нарушая устав медресе и наставления отца – держаться подальше от русских, а отец его, **Кунанбай** – влиятельный в Степи человек, **глава рода Тобыкты** – был суровым и даже жестоким тираном, и то, что Абай ослушался отца, было смелым поступком. Абаем поэта ласково звала мать **Улжан: Абай** – «*осмотрительный, вдумчивый*». Он навсегда оставил себе это детское прозвище – оно стало его псевдонимом. С ним он вошёл в мировую литературу.

В Семипалатинске Абай подружился с русскими ссыльными, учениками Чернышевского, заточённого в Петропавловскую крепость: **Михаэлисом, Гроссом, Долгополовым, Леонтьевым** и другими. Опальные ученики Чернышевского были молодыми людьми, ещё чистыми душой, с благородными порывами. Они познакомили Абая с русской и мировой литературой, и поэт тогда стал переводить Пушкина, Лермонтова, Крылова, «Три мушкетёра» Дюма и других, и в его

пересказе они кочевали по степи в устном изложении акынов и сказителей – с давних времён ходили от юрты к юрте **«люди-книги»**, которые отличались отменной памятью, знали наизусть народный эпос, заучили и произведения русских писателей со слов Абая. Письмо пушкинской Татьяны к Онегину казахи пели, девушки, выходя замуж, брали с собой в новую семью это «Письмо», переписанное от руки, когда в Степь пришла грамотность.

Общение поэта с русскими было обоюдно полезным, так как ссыльные вольнодумцы расспрашивали Абая о традициях и культуре казахов, наблюдали быт кочевников, приезжая к Абаю в степь, в его урочище Жидебай, пока власти не запретили это общение. Написали потом о казахах статьи и книги. Например, у **Леонтьева** есть книга **«Обычное право у киргизов»**. Как мы знаем, Абай занимался судейством, был блестящим оратором и право знал отлично. Отец наставлял его на этот путь, но он выбрал поэзию.

Богатый род Тобыкты не особо гордился своим поэтом. Раньше ханы хвалились между собой: *«Слава Аллаху, из нашего племени не выходило ни одного баксы и акына»*. Это считалось позором. И нате вам, **Абай!** А там и **Шакарим**, который был учеником не только Абая, но и **Льва Толстого**, переписывался с ним, и толстовское учение о самосовершенствовании, самопознании как нельзя лучше совпало с суфийскими взглядами поэта на «религию души»: суфии считали, что только сердце может вместить Бога, и потому надо очистить сердце, чтобы туда мог войти Бог, и постулат этот близок любой из мировых религий, ибо это высшая истина, нравственная суть жизни – чистое сердце, чистая душа. **Шакарим** писал: *«Понял я, в чём тайна мира, мироздания основа / Через лирику Востока... Изучив прилежно русский, / Смыл с себя я, смыл я с сердца грязь невежества былого. / И от слов не отстаюсь, ученик я Льва Толстого...»*

В более поздние годы появился в роду Тобыкты **Мухтар Ауэзов**. Он получил образование в Ленинграде, хорошо знал русский язык. Сын его, **Мурат Ауэзов**, тоже писатель, знаток китайского языка, пишет по-русски, оставаясь казахом и рассказывая миру о казахах. Русский язык помогает ускорить выход в большой, многоязыкий мир, к другим народам. Мухтар Ауэзов, как Абай, как Шакарим, любя русский язык, писал только по-казахски. Ауэзов стал казахским классиком. Однако он тоже был озабочен выходом в большой мир: его роман-дилогия об Абае переведён на многие языки – через русский перевод. Работала большая группа переводчиков из России, в том числе сосланная в годы сталинских репрессий в Казахстан из Ленинграда, из Пушкинского дома, **Анна Борисовна Никольская**, с которой я дружила. Её крёстной матерью при рождении была сестра **композитора Мусоргского**, а крёстным отцом – **дипломат Чичерин**. Её диссертацию по древнерусской литературе отметил Луначарский. Никольская была первой женщиной с научной степенью среди филологов России того времени. Как-то, отправившись в научную экспедицию в Геленджик, она нашла **неизвестное письмо Лермонтова**. Для любого исследователя такая находка – подарок судьбы. А потом – «враг народа». Ссылка. ГУЛАГ. Казахстан. Из-за тяжёлой болезни её списали умирать в Алма-Ату. Она задыхалась от астмы – и задохнулась, но успела многое сделать: написать книги, принять участие в переводе романа Ауэзова, встретить здесь свою любовь – своего мужа, учёного-биолога и прекрасного художника: его акварели хранятся в Третьяковской галерее в Москве.

Переводчиков своих Мухтар Омарханович разместил в юртах в горах урочища Медео – в живописном месте с чистейшим воздухом, с пением горных потоков, с реликтовыми голубыми елями, из-за густых ветвей которых выглядывали пушистые елики, ворковали горлинки, к юртам прибегали любопытные белки – их можно было кормить с ладони: не боялись! (Более подробно о А. Б. Никольской и её дружбе с М. О. Ауэзовым я написала в эссе «Летящие в тумане» (2020), опубликованном в «Просторе», а здесь повторяю только некоторые сведения о ней, уже в новом контексте.)

С одной стороны, Казахстан, конечно, совершенно несправедливо царскими и потом советскими правителями России был превращён в ссылку, в тюрьму, но, с другой стороны, как много выдающихся людей, великих умов русской культуры здесь оказалось, и как благотворно было и для казахов, и для других жителей Великой степи общение с ними. Анна Борисовна, владевшая несколькими европейскими языками, выучила и казахский язык, что позволило ей в первозданном виде насладиться красотой степной поэзии, которую она стала переводить наряду с романом М. Ауэзова. Она перевела лиро-эпическую поэму «**Кыз-Жибек**», **песни Махамбета Утемисова, однотомник Нурпеиса Байганина**. На юбилее Никольской в Союзе писателей Казахстана Мухтар Омарханович **Ауэзов сказал**: «Я сегодня праздную две юбилейные даты: 60-летие Анны Борисовны и 25-летие с того дня, когда она добрым гением вошла в наш дом!»

Одна из улиц Алма-Аты I названа её именем. Я присутствовала на открытии этой улицы. Так что есть и добрая, благодарная память казахов о русских, и это один из кирпичиков в Стену Добра, которая противостоит Стене Зла, стене ненависти. Стена Добра прочнее – она скреплена любовью.

* * *

На склоне жизни Абай, – затравленный властями, потерявший двух сыновей, которые умерли молодыми, и разочаровавшись в том, что так и не смог исправить свой народ, отвратить его от пороков и невежества, – всё же надеялся вразумить казахов и писал в двадцать пятом Слове книги назиданий «**Гаклия**»: «*Главное – научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство – всё это у русских. Для того чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются твои глаза. Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно*».

Но кто и когда слушал своих мудрецов? «Пророк бывает только мёртвым – так неразумное человечество привыкло обходиться со своими вперёдсмотрящими», – говорила **Т. Л. Фроловская** в книге о Льве Гумилёве «**Евразийский Лев**». **Гумилёв**, написавший уникальные книги о народах Руси и Великой степи, лучшие свои, молодые годы провёл в ГУЛАГе, его травили при жизни, и большая часть его наследия вышла уже после смерти.

Абай умер через сорок дней после кончины младшего сына **Маговьи**, тоже талантливого поэта. Абай мог бы выжить, но не хотел – отказался от врачей. Жизнь, на пороге шестидесятилетия, потеряла для него смысл. Он был духовно одинок в своём доме, в своём веке. Впервые имя его узнали, когда поэту было уже сорок лет – он скрывался под псевдонимом, а первая книга вышла только спустя

пять после его смерти, в 1909 году, и то не на родине, а в Петербурге. Это был небольшой сборник стихов. Книгу назиданий «**Гаклия**» издали ещё позже – уже в советское время: она была слишком откровенной и опасной для властителей его времени. Мысли, изложенные в этой книге, по сути, **личном дневнике поэта**, современны и теперь.

В книге Абая – откровения о собственной жизни, о натуре казахов, об истории Великой степи, о мироздании, о вере и суевериях, о порочной власти, о путях спасения грешного человечества, и о многом другом.

«Хорошо ли, плохо ли жил, но вот состарился. Прожита жизнь – спорил я, боролся, судился, имел одни хлопоты и в них обессилел, устал и убедился в бесцельности всего сделанного. И вот оказалось: всё, что было, – было только унижением человека. Как же прожить мне остаток своей жизни? Не найду ответа...»

(...) Так сидел я, не зная, что делать. Наконец, решил: буду развлекаться бумагой и чернилами, буду писать подряд всё, что вздумается. Если найдётся человек, который увидит здесь нужное для него слово, то пусть выпишет слово и сделает его девизом; если же никому не нужны мои слова, то пусть они останутся словами. Так я решил, на этом остановился, и теперь нет у меня иного занятия, кроме этого писания...»

Так начал он «**Гаклия**», где сорок пять глав-Слов. Последнее Слово – о Боге: *«Сколько бы ни было религий, во всех считается, что Богу присущи справедливость и любовь (...) Мы сами не создаём науку, мы познаём мир, который мы видим. Тот, у кого больше знаний, любви, справедливости, – тот мудрец, тот учёный, тот овладел миром».*

Писалось это с 1890 по 1898 год. Восемь лет. На краю не только его жизни – на краю XIX века. За полынными холмами Семипалатинской степи уже маячил тревожный XX век, полный революций, и войн, и невиданных открытий, и человеческих трагедий.

Абай проповедовал философское учение о совершенном человеке, о человеке как микрокосме, Вселенной в миниатюре, несущей в себе частицу Бога, но при этом поэт мудро замечал: да, добро и зло создано Богом, но не он творит их – это свободный выбор человека, который никак не хочет становиться совершенным (*ал-инсан ал-камил*), погрязая в грехах. Человечество не хочет меняться. Поэт досадовал, что его Слово не всесильно, как и Слова других мудрецов, потому что: *«Как ни прекрасна мысль, но, пройдя сквозь уста, она бледнеет».* Это печаль, наверное, всех творцов: *«Мысль изреченная есть ложь»* – писал и русский поэт XIX века **Фёдор Тютчев**. И всё же Абай верил в благотворное влияние Слова на человеческую душу, и в тридцать седьмом Слове «**Гаклия**» он говорит: *«Если б в моих руках была власть, я отрезал бы язык всякому, кто говорит, что человек неисправим».*

Совершенный человек – ребёнок, прекрасный в своей чистоте и первозданной мудрости. Христос говорил: «Будьте как дети, и тогда вы войдёте в Царствие Божие!»

Я всё вспоминаю короткий эпизод из длинной поэмы **Павла Васильева** «**Песня о гибели казачьего войска**» – диалог рыжего и злого казака Меньшикова, который собирается на войну со степными кочевниками, и его малолетнего сына:

*А меньшиковское дитё
 У отцовских плеч:
 – Батька, ба, пошто эти сабли?
 Куда собираешься?
 – Кыргызов жечь.
 – А пошто?
 – По то, что озябли.
 – А ты бы им шубы?
 – Не хватает шуб.
 Дитё задумалось:
 – Ую-ю!
 Так ты увези им дедов тулуп,
 Мамкину шаль и шубу мою!*

Золотое сердечко! Не зря говорят: «**Устами младенца глаголет истина**». Жаль только, что, повзрослев, казачонок может огрубеть, растерять свою доброту к людям, исказить в себе **подобие Божие – совершенного человека**.

Но вот пример, который подтверждает веру Абая, что человек всё-таки может стать лучше, совершеннее. Когда во время встречи со студентами одного алма-атинского колледжа я зачитывала некоторые главы «**Гаклия**», молодые ребята отключили наушники с музыкой, отложили гаджеты и стали слушать. Они были удивлены, как современно мыслил поэт XIX века (для поколения двадцать первого, компьютерного, столетия времена Абая кажутся уже каменным веком), как просто отвечал он на трудные вопросы, актуальные и сегодня. И более всего им понравилось, что Абай бунтовал, был в оппозиции к семейной тирании и несправедливости в обществе: подросткам эта тема очень близка! Надеюсь, теперь они станут читать Абая, и голос его срывался не в пустоту, не остался без ответа.

*Детство ли, юность ли вспыхнут впотьмах,
 Там, у начала дороги, –
 Всё уж неярко в усталых глазах
 Старости, что на пороге.
 Что же ты понял, и что ты постиг
 В горестях белого света?
 Не в пустоту ли срывался твой крик,
 Вдаль – без ответа?
 Или на привязи лет, словно зверь,
 Ты только бился в закрытую дверь?*

Эти и другие строки Абая перевёл замечательный **русский поэт Евгений Курдаков**, который долгие годы жил в Усть-Каменогорске, а родился в **казачьем Оренбурге** – город этот одно время был столицей Казахстана. Курдаков – из старинного казачьего рода, с отсветом Азии в облике, как у многих из нас. Курдакова так поразила поэзия степного гения, что Евгений написал исповедальную «*Поэму перевода*», посвящённую Абаю, которая заканчивается пронзительной строфой:

*Пусть в сутолоке ваших вечных буден
Шептанье это из последних сил
Безрадостным упрёком вам не будет, –
Не убивайте тех, кто вас любил...*

Убивали! На **Абая** было совершено покушение. Шакарим убит чекистами, его тело нашли в заброшенном колодце и опознали по пуговице. **Мухтар Ауэзов** и **Ермухан Бекмаханов** были осуждены как враги народа и попали в застенки, а **Жусипбек Аймаутов** и поэт **Павел Васильев** – расстреляны. **Пушкин** и **Лермонтов** убиты на дуэли направленной пулей власти, и только поэт **Державин** умер своей смертью, дожив до старости.

Не могу удержаться, чтобы не процитировать ещё несколько строф из стихотворения **Евгения Курдакова о языках**, которые поставят точку в споре: кто мы – враги или всё же близкие народы?

*Языки не враждуют ни в поле, ни в доле,
Они мирно парят над землёю людей,
И похоже кричат от страданья и боли,
И похоже баюкают сонных детей.
Каждый свят изначально, как святы истоки
Всех земных арасанов, ключей и криниц.
И в живом этом, вечно шумящем потоке
Нет врагов-языков и наречий-убийц...*

ТОЛМАЧИ

Один из наших предков, о котором я уже говорила, сибирский казак **Пётр Бутаков** тоже, как поэт Евгений Курдаков, как музыканты Евгений Брусиловский и Александр Затаевич, любовался языком и песенным творчеством кочевого народа: он был толмачом, отучившись в Омске, в казачьем войсковом училище, которое в 1846 году было преобразовано в казачий кадетский корпус, где обучалось немало известных людей, в том числе **Чокан Валиханов** и **Григорий Потанин**. Возможно, было у Петра Бутакова и университетское образование.

Толмач Бутаков не раз участвовал в дипломатических переговорах с представителями казахской знати, записывая попутно степные сказания и легенды, как делал это и польский ссыльный **Адольф Янушкевич**, который был приставлен к экспедиции 1846 года по переписи населения казахской степи. И сопровождал эту экспедицию тоже толмач – его в аулах встречали, как своего, как родню. Толмач не только переводил, но и помогал степнякам решать их житейские проблемы и споры. Записки Янушкевича стали книгой, а записи Петра Бутакова утрачены. Жаль! Осталась в памяти нашего рода только одна легенда, услышанная им в **Баянауле**: как влюбился **казахский джигит в девушку-казачку**, но сторона девушки и родичи джигита восстали против их любви: девушка была православной, да ещё дочкой попа, а джигит – мусульманин. Тогда влюблённые решили бежать. Но сколько ни бегай по степи, сколько ни прячься в Баянских горах, а всё равно выследят и убьют: или казахи, или казаки. И решили молодые

прийти к хану Шону, который правил тогда кочевым племенем, упали в ноги, повинились: «Мы в твоей власти: можешь казнить нас, но можешь и защитить, ведь мы любим друг друга и ни за что не расстанемся!» Хан мудро рассудил: «Раз уж выпала нам такая судьба – жить рядом с русскими, то мы не удержим наших детей: они будут влюбляться друг в друга. Любовь сильнее запретов, сильнее смерти. Пусть женятся!» Так влюблённые были спасены, сыграли свадьбу, и от них пошёл новый род – «**Орыс-апа**». Как удалось договориться с отцом девушки с казачьим кругом, легенда умалчивает. Но и среди казаков были здоровые люди, и подтверждается это тем, что в нашем казачьем роду Бутаковых и Яковлевых есть русско-казахские семьи, возникшие по большой любви.

Толмачи в прежние времена выполняли не только роль переводчиков, но и разведчиков, и послов, и работа их нередко оказывалась весьма опасной.

В «Истории Казахстана» Бекмаханова рассказывается о толмаче **А. И. Тевкелеве**, который служил в коллегии иностранных дел в Петербурге. Выдвинулся ещё при царе **Петре I** как умный, успешный дипломат и знаток Востока. **Лёвшин** в конце I тома своей книги «*Описание киргиз-казачьих орд и степей*» делает примечание: «*Родословные таблицы ханов и знатнейших султанов киргиз-казачьих орд составлены в 1748 году полковником Тевкелевым, по сведениям, полученным от ханов Абульхаира и Абульмамета и знатнейших старшин, при них бывших*». То есть Тевкелев занимался ещё и историческими изысканиями. Знание менталитета кочевников, их языка, а также тонкостей восточных интриг помогло Тевкелеву склонить казахские ханства, между которыми не было единства, не только к военному союзу с Россией, но и к подданству. Несколько раз Тевкелев подвергался опасности: его посольство оказывалось в настоящей осаде бунтующих степняков. Недовольные, оппозиционно настроенные граждане были, есть и всегда будут, даже попав в райские кущи. Уж такая у них натура! Как сделать лучше – не знают, но то, что есть, принимают в штыки.

Однажды Тевкелев выехал в степь на охоту, и на него напал большой отряд казахов. Тевкелев едва спасся бегством, а его ближайший помощник, один из знатных башкирских старшин, был захвачен в плен казаками, забывшими **закон Ясы о неприкосновенности послов**. Когда-то пренебрежение этим законом стоило жизни **Отрару**. Отрар пал в 1219 году. С этой зловещей даты началось нашествие Чингисхана на Переднюю Азию и на Русь.

Вот как о падении Отрара пишет **Л. Гумилёв**:

«...В Отраре, который стоял на Великом Шёлковом пути, в 1219 году караван, прибывший из монгольских владений, был разграблен правителем города, а купцы и их слуги убиты по обвинению в шпионаже, явно вымышленному.

Чингисхан послал к хорезмшаху **посольство** для выяснения обстоятельств преступления. Хорезмшах часть **послов казнил**, а некоторых выгнал голыми в степь. Они погибли не все, и Чингис получил весть о произошедшем, после чего война стала неизбежной.

Передняя Азия превратилась в кровавый ад...»

«Когда отрарские горожане смотрели на мёртвые тела монгольских послов, лежащие под городской стеной, они никак не могли предположить, что и Отрар, и они сами обречены, что неизбежная гибель – на расстоянии двух-трёх дней пробега неудержимой монгольской конницы, иначе бы они, не разбирая дороги,

со всех ног бежали бы из обречённого собственными алчными правителями на смерть города.

Гарнизон Отрара в десять раз превосходил отряд прибывших монголов (...), но после длительной осады на месте торгового города с его домами, крепостными стенами, великолепной библиотекой – сокровищницей степной цивилизации, ремесленными мастерскими, чайханами и храмами остались лишь прах и пепел...»

У монголов был закон о коллективной ответственности: задурил правитель – отвечает весь народ. Увы! Но этот закон действует до сих пор и во всех странах, наиболее точно выраженный в старой казахской поговорке: «**Паны дерутся, а у казаков чубы трещат!**»

Олжас Сулейменов скорбит об Отраре в своей книге «Аз и Я» (глава «Кипчак»): «Сейчас – это обширный глиняный холм, испаханый траншеями археологов. Судьба Отрара мне напоминает историю кипчакского народа...» Он перечисляет выдающиеся достижения отрарских деятелей науки и культуры Востока, выделяя **аль-Фараби**, который знал более семидесяти языков: «Солнцем в этой плеяде звёзд был, несомненно, **Абу Наср аль-Фараби** (870–950 гг.), кипчак из города Отрара, основатель арабской философии (...) В Европе X века не было ни одной фигуры, равной по значению для мировой культуры “поганому половцу” аль-Фараби...»

«Надо сказать, – писал **Гумилёв**, – закон о неприкосновенности послов монголы выполняли столь последовательно, что позднейшие дипломаты должны были бы скинуться на памятник Чингисхану и его закону, потому что в древности и в средние века убийство чужеземца преступлением не признавалось, поэтому люди XIII века искренне обижались на монголов, забывая причину, вызвавшую репрессии...»

В XIX веке смертельной опасности подвергся, если вы помните, **дипломат и русский писатель Грибоедов**: он был убит в Тегеране. Совсем недавно, в нашем прогрессивном, толерантном XXI веке, был **убит российский посол в Турции** – в него выстрелил из пистолета террорист, прямо во время выступления посла у микрофона: посол говорил о дружбе турков и русских.

Нешуточной опасности подвергался и посол **Казахстана в Южном Йемене, мой земляк-павлодарец Болатхан Кулжанулы Тайжан**: в 80-е годы XX века во время 10-дневной гражданской войны он, благодаря природному бесстрашию, знанию местных порядков, спас и эвакуировал сотни граждан СССР и зарубежных стран, которые там работали, и был отмечен грамотой за личное мужество. Но в 1986 году, после событий в Алма-Ате, в посольстве в Южном Йемене за ним было установлено негласное наблюдение: ждали, что он перебежит в какую-нибудь из западных стран или станет работать на чужую разведку. Тогда Тайжан официально заявил, что он чист как посольский работник и не намерен искать политического убежища на Западе, потому что Казахстан – это его Родина, там находится его семья и родственники. Он хочет вернуться домой.

После получения Казахстаном независимости Б. Тайжан продолжил посольскую работу, кроме того – занимался гуманитарной деятельностью: впервые

перевёл с арабского на русский язык произведение аль-Фараби «Отношение философии к религии», инициировал идею строительства Казахстаном мечетей в местах захоронений аль-Фараби и султана Бейбарса.

Тайжан ушёл из жизни, достигнув возраста Пророка. В память о нём одна из улиц Алматы названа его именем, а на его малой родине, в Павлодаре, в школе, где он учился в начальных классах, – открыт кабинет Болатхана Тайжан.

Все эти сведения я взяла из послесловия к «Истории» Ермухана Бекмаханова, которая была переиздана в 2011 году при спонсорской помощи Фонда Болатхана Тайжан.

Наш предок, толмач и дипломат Пётр Бутаков, тоже нередко ходил по краю опасной пропасти, применяя в мусульманской Азии искусство дипломатии. Я посвятила ему поэму «Толмач». Приведу небольшой отрывок.

Несётся конь каурый вскачь,
 А может, конь и пегий –
 Неважно! Едет в степь толмач,
Чтоб прекратить набеги,
 Чтоб столкнуться за столом,
 Наполнив чаши кумысом,
 О замиренье с ханом.
 Послушный конь под казаком,
 А раньше был – буяном!
Толмач – он родом Бутаков,
 Из стародавних казаков,
 На Иртыше родился.
 Он предок мой. Он был учён.
 Он знал язык степных племён,
 Он на чужих, красивых жён
 И на девиц дивился.
 Толмач летит в Баянаул.
 Уже он слышит гам и гул:
 Вот-вот случиться бедам!
Толмач – тамыр и дипломат:
 Он знает вековой уклад
 Немирного соседа.
 Толмач – хитрец, толмач – мудрец:
 С ним едет лекарь, и купец
 Везёт в аул товары.
 И вот уже летят гонцы –
 Разносят весть во все концы,
 И петь готовятся певцы,
 И пышут самовары,
И в каждой юрте ждут гостей –
Посольский поезд едет в Степь
 С хорошими дарами!
 Уже другой и шум, и гам,

Уже забыта злость к врагам –
И режутся бараны!
Ни кнут, ни пухляк кровавый ад
Степной народ не укротят,
Зато **всесильно Слово** –
Об этом знает наш толмач.
Перетолкуй, переиначь
И гнев согни подковой,
Чтобы смирился злой огонь,
Согрел и сердце, и ладонь,
И гордых женщин лики.
Светильник глиняный горит.
Младенец в люльке тихо спит –
В раскрашенном бесике...
Пройдут века, сверкнув лучом
Рассветов и закатов.
Я стану тоже толмачом,
Как предок мой когда-то.
Чист, как родник, язык в строке –
Перевожу поэта,
Чтобы на русском языке
Степное пело лето.
Другой народ и нрав, а всё ж,
На казаков моих похож...

Не только толмач Пётр Бутаков, но почти все мужчины рода Бутаковых были грамотными. Дед наш, **Павел Андреевич Бутаков, правнук толмача Петра Бутакова**, наиболее близкий нам по времени и нас воспитывавший, **был есаулом**, а это уже элита казачьего войска: есаул был вторым лицом после атамана, и он, конечно же, где-то учился, может быть, тоже в Омске. Дед постоянно выписывал газеты и читал их вслух бабушке. Бабушка, **Татьяна Гавриловна Бутакова (Яковлева)**, нигде не училась, но имела отменную память, знала наизусть Библию, владела казахским языком, да не простым, а ярким, образным, и о многом в жизни судила здраво и самобытно – лучше всяких умных книг. О деде и о бабушке написано мной больше всего, поскольку о них я и больше знаю. Дед имел личное дворянство, которое ему было дано согласно с его есаульским чином. Кроме того, в старой России **личное дворянство** мог получить любой разночинец, осиливший университетский курс в Петербурге, Москве, Киеве, Казани, Одессе, Харькове и т. д. – там, где были университеты. По наследству такое дворянство не передавалось, – только в третьем поколении образованных потомков по мужской линии, то есть учёный внук мог стать дворянином. Не столбовым дворянином, а всего лишь потомственным. На женщин это вообще не распространялось. Так что моим сёстрам и мне не светит благородное происхождение, а братья могут считать себя дворянами. Возможно, личное дворянство было и у толмача Петра Бутакова, и у его отца, которые закончили не только казачий кадетский корпус, но и один из российских университетов. Я горжусь ими! Предки наши не оставили нам несметных богатств, только доб-

рое имя и славу казачьих подвигов, а это самое лучшее и ценное наследство, о чём и Пушкин говорил: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие (...) Я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них...»

НАД ПРОПАСТЬЮ ВСЕЛЕННОЙ

В такую непогоду
 Нам некогда скучать,
 И крупы у коней
 Опять в попоне пенной.
 Висит на волоске
 Промокшего луча
 Продрогшая земля
 Над пропастью Вселенной...

Казак Виктор Веригин

Казак – воины, верные товарищи, яркие личности. Во многих странах мира русские прежде ассоциировались с казаками: **если русский – значит, казак**. И это не случайно. Лев Толстой, который жил среди казаков на Кавказе, наблюдал их, писал: *«Казак создали Россию. Народ желает казаками быть!»*

Народная этимология гласит, что французское бистро пошло от казачьего «быстро». Вбегали казаки в какую-нибудь попутную таверну и требовали: «Быстро! Быстро!» – потому что ничего не могут делать медленно – уж такая у них кипучая натура: конь пляшет у крыльца, зовёт ветром нестись по свету: «Быстро! Быстро!» И в пляс казаки пускаются с разбега, знаменитый танец «Казачок» зажигает мир. И в бой казаки врываются быстрым, молниеносным вихрем.

Казачьи войска всегда сражались до полной победы. И во время покорения Сибири, и раньше, и в Русско-турецкой войне, и на Балканах, и в Крымской кампании, и в азиатских походах, и в войне с французами 1812 года (Наполеон отметил их как лучших воинов России и хотел бы иметь в своей армии). Отличились казаки и в Первой мировой войне, и в Гражданской, и в Великой Отечественной (о том и в песнях пелось: «Едут, едут по Берлину наши казаки!»), и во многих других больших и малых битвах казаки показали себя героями, защищая Родину, но сопротивляясь любой тирании со стороны власти. Свободолюбие, независимость – главная черта казачества. Так было и в 1917 году: часть казаков, в том числе и наши Бутаковы, пошли против большевистского режима, против его кровавой диктатуры. Белоказаки не приняли революцию семнадцатого года, прежде всего, за попрание вековых святынь, за богоотступничество, за разрушение сильного государства, мировой державы с огромной территорией, богатой народом, а также своими недрами, плодородной землёй, лесами, полноводными реками и морями. Казаки помогли создавать и охранять российскую державу, но были уничтожены. **Великий роман Михаила Шолохова «Тихий Дон»** рассказывает об этой трагедии XX века, о разгроме казачества.

На Алтае известен старинный **казачий род Тарлыковых**. О них я нашла несколько строк в стихах кержацкого поэта **Климентия Первушина**: *«В России есть известные Тарханы, а на Ульбе – Тарханка Тарлыковых...»*

Пускай Ульба сверкающей подковой
Ваш новый дом спокойно огибает.
Живите и плодитесь, Тарлыковы,
Как казакам сибирским подобает!

Ольга Тарлыкова – научный сотрудник Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, неоднократно писала о казаках. В своём очерке **«Чтоб вместе за Отчизну умереть»** она приводит цитату из письма хорунжего из Вешек, ставшего эмигрантом в Болгарии, **Павла Кудинова**: *«Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова “Тихий Дон” как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами... – эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли...»*

Не пошли, **не встали казаки на сторону фашистов**, хотя при советской власти казачество как сословие истреблялось – и физически, в годы большевистского переворота и Гражданской войны, став жертвой красного террора, и притеснения потом, все годы советской власти, после того как 24 января 1919 года было издано постановление **«О расказачивании»**, где утверждалось право новой власти на беспощадную борьбу с верхами казачества, путём поголовного их истребления. Расстреливали даже за ношение казачьей фуражки или лампасов на штанах. А **декрет от 19 апреля 1921 года** гласил о возврате коренному населению Великой степи казачьих земель, когда-то отчуждённых царским правительством в собственность сибирских казаков за их боевые заслуги. Декрет этот послужил толчком к белоказачьему восстанию по всей Горькой линии, в том числе и в Баянауле, в котором участвовал наш дед **есаул Павел Андреевич Бутаков**.

Поэт **П. Васильев** в поэме **«Песня о гибели казачьего войска»** писал о противостоянии сибирских казаков и карательных красных отрядов:

– Чтоб вольница
Ярмы на шею надела?
Штыки да траншеи –
Нашли чем пугать!
Иртышской вольнице –
Скот и наделы,
Иртышской вольнице –
Степь и луга!
А если не так,
Из-за кровного хлеба
Пику направо и пошли заряд.
Значит, недаром на целых полнеба
Тянется красным лампасом заря...

«Красный лампас зари» стал кровавым следом Гражданской войны. Атаман Баянаульской станицы был убит, многие казаки посажены или попали под рас-

стрел, кто не успел бежать за кордон. Наш дед то и дело сидел в «каталажке», но потом его выпускали – некому было работать на конфискованной у Бутаковых мельнице. Мельницу большевики отобрали, а вот работников среди них не нашлось. Эта мельница спасла деду жизнь.

* * *

Год 1921-й – это ещё и год начала **голодомора**. С одной стороны, декрет возвращал казахам освоенные казаками земли, с другой – и у казахов, и у казаков отбирали скот, выгребали все съестные запасы, даже семенное зерно, обрекая на голодную смерть. Возвращённая земля зарастала сорняком. Прежде богатые аулы и казачьи станицы разорялись дотла. Появились людоеды. Трупы умерших лежали на улицах, и их некому было убирать. Так погибли в баянаульской степи мать и маленькая сестра историка **Ермухана Бекмаханова** – они остались непогребёнными, что стало его болью и виной на всю жизнь. Он в это время был в Семипалатинске и наблюдал, как по улицам города брели голодные люди, закутанные в тряпье, и просили еду, но мало кто подавал: город голодал тоже. Однажды Ермухан, которого самого шатало от постоянного недоедания, протянул нищему подростку кусок хлеба – свой дневной паёк, который давали на курсах рабфака, где он учился. Паренёк с жадностью запихал в рот весь кусок – глаза его выкатились из орбит, и он упал как подкошенный. Ермухан был потрясён, а кто-то из его товарищей сказал: «Всё, конец бедняге. Похоже, твой хлебушек застрял у него в горле, и он задохнулся. Зря подал...»

В Казахстане свирепствовал тогда **Филипп Голощёкин**, устроив там, как он говорил, «*второй Октябрь*». Казахи звали его «**Кужак**» – «**голые щёки, голое рыло**». Это тот самый Голощёкин, настоящее имя которого – *Шая Ицкович*, который летом 1918 года руководил расстрелом царской семьи в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Жертвы его были ещё и ограблены. Потом «Кужака» прислали в Казахстан, руководить республикой. От таких посланцев Москвы и возникала у казахов ненависть к России и русским, хотя посланцы эти не разделяли людей: доставалось и русским, и казахам, и всем прочим.

Предки русского писателя **Валерия Михайлова – из спецпереселенцев**. Они, крепкие хозяева-крестьяне, были разорены и насильно вывезены из Белгородских и Саратовских деревень в Караганду, а наших кулаков, баев, расказаченных казаков, бывших дворян, священнослужителей повезли на Колыму и на Крайний Север, во льды. После тотальной раскулачки в Поволжье, на Украине, в Казахстане начался страшный голод.

Работали **спецпереселенцы Михайловы**, как и другие советские рабы, в шахтах, падая от непосильного труда, истощения и болезней. В одной из карагандинских шахт вместе с подневольными спецпереселенцами во время Второй мировой войны вкалывала и **моя 15-летняя мама**, учившаяся в ФЗУ. Девушек забирали на тяжёлые работы, потому что мужчины воевали. Так же была призвана на работы и её 14-летняя сестра **Тася**. Даже собраться не дали: запихали в повозку и повезли в Майкаин, на рудную фабрику. Там тоже работали спецпереселенцы, а также невольники из перемещённых народов: с Волги и Кавказа. Везли Тасю и других девчонок из Баяна на верблюдах несколько дней. Впроголодь. Ночевали в брошенных кошарах. На фабрике

работали по двенадцать и более часов, иногда – до обмороков, а после смены девушек гоняли на лыжах, учили стрелять, чтобы потом, как подрастут, отправить на фронт.

Валерий Фёдорович Михайлов одним из первых написал о спецпереселенцах, в трилогии «**Тополиная ветка, или Восвояси**» (2019). О нём и его трилогии я рассказывала в эссе «*Летящие в тумане*» (2020), осталось только добавить, что трилогия эта – продолжение не менее значимой книги Валерия Михайлова – «**Хроника Великого джута**» (1990), о ней я тоже много раз говорила. Когда все книги вышли, сложилась цельная картина геноцида советского народа его правителями: от комиссаров ленинского призыва до красных вождей сталинского режима.

Он не мог не написать эти книги, как и казахский прозаик **Смагул Елубай** свою трилогию – о народных трагедиях XX века: «**Белая юрта**», «**Молитва**», «**Бранный мир**». Это тоже панорама драматичного советского бытия. Смагул признавался, что в него как бы вселился дух погибших. Он явственно слышал их голоса – детей, стариков, женщин. Это аруахи замученных людей, их миллионы. Голоса не давали покоя. Лишь зафиксировав их на бумаге, можно было спастись от наваждения. «Если бы не я, – говорил Смагул, – они бы другого нашли. Я понял тогда: пока мы, оставшиеся в живых, не воздадим должное памяти невинно загубленных, нам не будет покоя...»

Трилогию свою **Смагул** задумал совсем юным, в 19 лет, и долгое время собирал материал, свидетельства очевидцев голодомора, как и **В. Михайлов** – тоже собирал рассказы стариков о том времени, работал в архивах, где многое было либо не сохранено, либо уничтожено, и с большим трудом приходилось восстанавливать правду о голодоморе в Казахстане. Правдивая, страшная картина голода в казахской Степи, «**Хроника**» **Михайлова** выдержала 14 изданий, переведена на казахский, немецкий, английский, китайский языки. Книга стала своего рода печальным справочником по вопросам голодомора, и я неоднократно к ней обращалась, заглянула и теперь. Вот один небольшой, но очень красноречивый эпизод из «**Хроники великого джута**».

Казахский прозаик **Габит Мусрепов** слышал о том, что люди в Степи голодают, и чтобы убедиться в этом, в 1932 году от крайкома партии отправился в рейд по степным аулам – с издевательским напутствием Голощёкина: «Что ж, поезжай в Тургай, если ты так переживаешь за свой народ. Своими глазами увидишь, что никакого голода нет!»

Голощёкин не уставал рапортовать в Москву: «Голод побеждён!» Мусрепов поехал – и убедился! Все юрты были пусты. Лишь в одной обнаружилось еле заметное шевеление под грудой тряпья в виде «шалашика».

«Из крошечного отверстия “шалашика” выскочило какое-то маленькое живое существо и бросилось на людей. Оно было всё в крови. Длинные волосы смёрзлись в кровавые сосульки и торчали в стороны, ноги худые, чёрные, словно лапки вороны. Глаза безумные, лицо в спекшейся крови, губы обмазаны каплями свежей крови. Зубы оскалены, изо рта – красная пена (...) “Что это было?” – прохрипел Габит, глядя на спутников. Они молчали, дрожая крупной дрожью (...) Один из попутчиков сказал ему: “Вы, наверное, думаете, что это был джинн? Нет, не джинн. Я разглядел, ясно разглядел. Это был человек, ребёнок. Казахская девочка лет семи-восьми...” – “Нет! Нет! – закричал Мусрепов, в котором вспыхнул не-

выразимый, великий и одновременно бессильный гнев: – То был голод! То были глаза голода! Само проклятие голода!»

Смагул Елубай говорит, вспоминая рассказы очевидцев: «От голода человек теряет разум. В степи было людоедство. Женщины сами себе отрезали грудь или часть бедра, чтобы накормить ребёнка». Он писал эти натуралистичные картины, дабы читатель увидел всю бездну унижений и страданий, на которые голод толкает людей. Героиня его романа «*Одинокая юрта*» Хансулу – само воплощение доброты, любви и нежности – бродит по аулам Каракалпакии, прося милостыню. Едиге, будущий писатель, который глазами Смагула, его сердцем постигает несправедливость мира, мальчишкой тоже идёт с протянутой рукой. Благородный Пахраддин, погибая от голода, встаёт на четвереньки и ест траву.

Говорят, что если бы безумный Кужак правил Казахстаном ещё хотя бы год, казахов бы вовсе не осталось, как и русских. Только бы сухая полынь мертвела в степи, только бы горькая ржавь проступала кругами.

Семья Бутаковых голодала, как и все в Баянауле. Обессиленные дети лежали на столе – он пах едой – и грызли дерево. Кто мог ходить – просил по аулу милостыню, но никто не подавал: все лежали на кошмах и умирали. У бабушки Тани был грудной младенец – он умер, потому что материнская грудь опустела: отруби, уже просеянные несколько раз, обдирали бабушке дёсны и не насыщали, а потом и отрубей не стало. Бабушка ходила в лес, выкапывала из земли мёрзлые корешки трав, варила их – обманывала желудок. Дед больше не мог приносить отруби с мельницы – он, белоказак и бывший кулак, спешно бежал от чекистов, прихватив с собой часть детей, в том числе и мою маму: надеялся в городе хоть как-то разжиться едой. Маме тогда, в 30-е годы, было пять лет. По дороге в Павлодар дед стрелял птиц и варил детям похлёбку. В Павлодаре жили у него мать, Домна Дмитриевна, и сестра Шурка, которые не обрадовались нахлебникам. Богатая прежде, а теперь раскулаченная, Домна Дмитриевна всё равно не смирилась с тем, что старший сын Павел когда-то ослушался её, женился на нищелюбке Тане Яковлевой, да ещё непонятного происхождения: не то татарка, не то из черкесов, а может, и вовсе турчанка – смуглая больно, и глаза угольно-чёрные, и нос горбатый, да с гордецей баба, куда там. Шемаханская царица! Правда, сам Павел и казаки в Баянаульской станице считали Таню красавицей, а дочери Домны – в неё: дурнушки, с крупными, грубоватыми чертами лица. Обидно было старой казачке. Суровая, властная, вздорная, Домна и детей Таниных не признавала. Моя мама вспоминает, что Домна с Шуркой ели лапшу, зарубив последнюю курицу, а детям Таниным не давали, только обглоданные кости им кидали, как собачатам. Только через три года дед Павел вернулся в Баян с заработанным мешком муки.

Казахи в ауле Домну звали «*Жинды*». В сороковые годы, как началась война, Домна заболела и поехала умирать из Павлодара в Баян – к нелюбимой снохе Тане. Везли её казахи, на телеге, а день был жаркий – не довезли: умерла в дороге. В степи и похоронили – до захода солнца, как хоронили обычно и своих родичей. Пришли, понурившись, к Бутаковым: «Нет больше вашей Жинды!» Бабушка Таня, не отрываясь от самовара, ответила: «Собаке – собачья смерть!» – но потом молилась за неё перед иконами, прощения просила, и чтобы пустил Домну Господь в Царствие Небесное. Вот такие казачьи характеры!

О ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ

Отяжелевши от свинца,
 Едва лишь держатся границы;
 В ночь погружаются станицы –
 И не видать её конца.
 Уже не слышно соловьёв,
 Лишь только каркают вороны.
 Уходит рысью за кордоны,
 Россия, воинство твоё...

Казак Виктор Веригин

Многие казачьи семьи в смутные времена революции, Гражданской войны и голодомора вынуждены были покинуть родину и рассеялись по свету: бежали в Китай, в Южную Америку, во Францию, в Австралию. Там они продолжали жить своим казачьим кругом, сберегая русский язык и обычаи, и где-нибудь в китайском Алтае, в Харбине или Мексике до сих пор звучит русская речь, сохранившаяся в первозданном виде.

Бежали за кордон и некоторые казахские семьи – разорённые, измученные голодом и войной: и раскулаченные баи, и простые скотоводы, у которых отобрали всё. **Смагул Елубай** в одном из интервью о своём романе «*Одинокая юрта*» говорит, что раньше даже захудалый кочевник имел отару в 50 овец и табунок лошадей. А при поголовной коллективизации вопрос был поставлен так: если у тебя несколько баранов, две-три коровы и лошадь – ты уже кулак, бай, и твой скот подлежит изъятию.

«И разразился голод такого масштаба, какого история нашего народа не знала. Да, случались джуты, они были большой бедой, даже трагедией, но имели локальный характер. А здесь, как говорится, от моря до моря, от Каспия до Арала и далее – везде. Голод общенациональный – такого никогда не было. В результате около миллиона казахов покинули родину, бежали в Китай, Иран, Афганистан и, как ни странно, в Россию. Они рассеялись по всему миру, и до сих пор мы не можем их собрать. Треть нации – там, на чужбине. Используя терминологию “чудесного грузина”, как назвал Сталина вождем мирового пролетариата, то был побочный эффект допущенных “перегибов”. Там логика была простая: лес рубят – щепки летят. В “щепки” определили целый народ...»

О бегстве казахов от голода, откочёвке целых аулов в Китай написал свой роман и **Макан Жумагулов** (на русском языке), который увидел свет только в двухтысячные годы, уже после смерти писателя. Я запомнила одну страшную сцену: беглецы спрятались в скалах от преследования, затаились, но у одной молодой матери ребёнок всё время плакал от голода и мог выдать всех. Мать так сильно прижала его к груди, так сильно, что он задохнулся.

На чужбине казахи тоже, как и казаки, сохраняли свои обычаи, язык, рассказывали детям о своей прекрасной потерянной родине. В 50-е годы, после смерти Сталина, они стали возвращаться из Китая. В детстве я видела на окраине Семипалатинска их юрты. Ветер носил по степи китайские деньги: они превратились в пустые бумажки. Казахстан до сих пор возвращает своих беженцев из Китая.

Монголии, Турции, Ирана, Афганистана. Есть даже государственная программа поддержки **возвращенцев-оралманов**.

Тогда же, в середине 50-х, на родину из эмиграции – из Франции – вернулась и семья моего мужа **Игоря Бек-Софиева**, который родился в Париже. Вместе с семьёй – дед Игоря с материнской стороны, **Николай Николаевич Кнорринг**, бывший статский советник, бывший директор Харьковской гимназии, учивший братьев Дунаевских, один из которых, **Исаак Дунаевский**, стал известным советским композитором, наконец, отец известной поэтессы русского зарубежья **Ирины Кнорринг** – матери моего мужа: она умерла от диабета зимой 1942 года в оккупированном немцами Париже. Николай Кнорринг – русский дворянин из рода немецких баронов Фон-Кноррингов. Предки его при Екатерине II пришли в Россию из Швабии и немецкой колонией расселились на Волге. У Кноррингов было имение в деревне Елшанке под Самарой, которое отобрали большевики и грозились перебить хозяев, хотя Кнорринги построили в деревне школу, больницу, Никольскую церковь, всё равно – враги! Пришлось бежать – сначала в Африку, потом во Францию. Вместо разрушенной Никольской церкви в деревне Елшанке добротами ныне поставлен **поклонный крест**.

С остатками Белой армии Врангеля бежал и отец моего мужа, поэт **Юрий Бек-Софиев**: Турция, Югославия, Франция. Семья осталась в красной России. Младший брат Юрия, Максимилиан, погиб в одном из лагерей ГУЛАГа, в Магадане, а **мать-казачка** и средний брат Лев успели переместиться в Германию – им тоже грозил советский концлагерь. Только после войны семья воссоединилась, встретившись в Париже. Более тридцати лет скитаний по чужбине, горькие строки Юрия Бек-Софиева:

От удушья, крови и восстания
Уходили в синеву морей,
Жили трудным хлебом подаяния,
Нищенствуя у чужих дверей...

И вот – кто выжил, вернулся домой, оставив на чужбине, на кладбище Сент-Женевьев де Буа, дорогие могилы. Стали жить в Алма-Ате. Казахстан принял их, дал жильё (закончились скитания по чужим углам людей второго сорта), дал достойную работу – молодые Бек-Софиевы трудились в Институте зоологии АН КазССР (в Париже поэт Юрий Бек-Софиев мыл окна больших магазинов, а историк и литератор, автор исторических трудов Николай Николаевич Кнорринг работал уборщиком в Тургеневской библиотеке). В Казахстане старик Кнорринг стал получать пенсию. Узнали они и добросердечие казахов, которые помогали бывшим русским эмигрантам укорениться на казахской земле, привыкать к новому для них, советскому образу жизни, о чём Бек-Софиевы и Н. Н. Кнорринг с благодарностью вспоминали до конца жизни. (*Подробно о судьбе Кноррингов и Бек-Софиевых в моём эссе «Летящие в тумане» (2020) и «Тайном романе» (2019), опубликованных в «Просторе».*)

Некоторые **казачьи семьи** тоже вернулись из эмиграции, но большая часть всегда оставалась на родине, отвергнув беженство, пережив ужасы того времени: голод, рассказывание, ГУЛАГ, войну, расстрелы. **«Мы ни единого удара не отводили от себя!»** – так написала **Анна Ахматова** о тех, кто остался, кто считал, что

никакая чужбина, даже самая распрекрасная и безопасная, не сравнится с родиной: где родился – в ту землю и надо лечь. Если все уедут, кто будет защищать родной дом, кто даст отпор чёрным силам, кто поднимет из праха разорённую страну? У них была своя правда, как и у тех, кто бежал, кто спасал от истребления **свой род**. Тут не может быть судий.

Наш земляк из Усть-Каменогорска, **казак**, писатель **Георгий Дмитриевич Гребенщиков** во время Гражданской войны эмигрировал в США, где и похоронен. Хотел вернуться домой – да не успел: умер в 1964 году. Всю жизнь тосковал по родине. Построил на чужбине **русскую деревню Чураевку** – аналог той, что изображена им в романе «Чураевы», и поставил там часовенку, куда приходил «зажечь лампадку и побыть в тишине и полумраке, чтобы никто не видел невольной слезы, чтобы никто не слышал раздирающего грудь тяжкого вздоха и от боли, и от радости, что вот опять пришёл к воротам своей тихой пустыньки, такой воистину русской, такой понятной тем, кто мог трудиться и мечтать о Родине...» Молитва его была проста, печальна и полна смирения: *«Господи! Не можем же мы, люди, сравниться с Тобой в терпении нашем! Или возлюбил Ты наш народ так глубоко, что поручил ему пройти свою Голгофу? Если так, Господи, то помоги испить чашу Твою до конца!»*

Гребенщиков писал в своём очерке **«Под воронье карканье»**: *«Кто может уничтожить нас самих и похитить наши духовные ценности?! Кто может в нас убить народ, язык, душу, сердце наше, всем прощающее зло?!»*

Сибирский казак и поэт **Юрий Савченко** тоже пишет об этом свойстве русского человека: «Есть души нетронутое свойство: / Всех принять и всё перетерпеть».

И другой наш казак, Виктор Веригин, написал о христианском смирении гордых нравом казаков, испытанных изгнанием:

Россия, мачеха и мать,
Тюрьма и вольница казачья,
Земля, оглохшая от плача,
Где время камни собирать,
Где всё пора переполють,
Скосить налево и направо...
Не обескровлена держава,
Да сохранит её Господь!
Ведь, отступая, казаки
Не злобу в сердце уносили,
А часть истерзанной России,
Что на чужбине даст ростки...

В городе **Урумчи (Синьцзян)** был возведён **памятник погибшим казакам**, которые бежали в Поднебесную и воевали на стороне мусульман в восстании против китайской тирании. Среди казаков были и наши родные, которые ушли из Баяна в Китай вместе с белыми, под натиском красных. Мы знаем об одном **Бутакове**, чей сын **Александр Бутаков**, родившийся в эмиграции в 1926 году, вернулся из Китая в 1955 году, после смерти Сталина, и поселился в Зайсане, по-

строил там дом, стал работать в радиоузле. Те из русских и казахов, кто вернулся на родину при Сталине, прямиком отправились в ГУЛАГ. Потомки Александра Бутакова списывались со мной, рассказывая о страшных событиях 20-х годов, о расказачивании, о зверствах большевиков.

Были среди казачьих эмигрантов в Китае и **казаки Черновы** – об этом упоминается в одном из исторических очерков. А ещё, как говорила одна из сестёр отца, некоторые семьи казаков Черновых, живших на Алтае – они были староверами, – ушли в Америку, не зная дороги, наугад, в пути претерпев небывалые трудности. У них не осталось сил на обиды и на проклятия новой власти, которая стала истреблять казаков-староверов. Они силы сберегали для молитвы, прося Бога помиловать их скорбную Родину...

И мои заметки – не о вражде и обидах. **Мои заметки – о любви и печали.** Это и гордость за ратные подвиги моих предков, и горечь от пережитых ими трагедий, и покаяние за пролитую ими человеческую кровь.

Мои заметки – о сильной, неукротимой, противоречивой, весёлой, много претерпевшей, но никогда не унывающей натуре **казаков Евразии**, в жилах которых течёт кровь многих народов, что придаёт казакам крепости и живучести. Не зря бытует поговорка: «**Казачьему роду нет переводу!**»

В сентябре 2021 года отмечают:

80-летие

Айша КОПЖАСАРОВА, *поэт*
Гумар АХМЕТЧИН, *прозаик*

70-летие

Серик АСЫЛБЕКУЛЫ, *прозаик, переводчик*
Бейсенбай СУЛЕЙМЕНОВ, *прозаик*
Казыхан АШЕ, *сатирик*

60-летие

Бижан КАЛМАГАНБЕТОВ, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

